Серия "Жизнь с избытком,, Изабель Кун
Гнёзда над пропастью

Книга 3-я
Изабель Кун
Гнёзда над пропастью
Перевод Л. Шнайдер и М. Унрау
1996 Миссия ФриденсБотэ Missionswerk FriedensBote Postfach 100307 51603

Гнёзда над пропастью

Оглавление

Глава 1
Неприступный замок

На протяжении многих столетий безраздельно владеет са-тана местностью, расположенной в глубоком ущелье реки Салу-ин, что протекает на западе Китая. Река эта берет свое начало далеко в горах Тибета. Ее берега достигают высоты от трех до четырех тысяч метров. С обеих сторон реки хаотично возвыша-ются горные вершины, среди которых прячутся долины и глубо-кие пропасти. Кажется невероятным, что в таком ущелье можно жить, но, куда ни глянь, прибрежные скалы усыпаны маленькими поселениями и деревушками. Почти отвесные берега разделены на небольшие квадраты и прямоугольники обработанной земли, и от этого вся окрестность выглядит как лоскутное одеяло, сшитое из тысячи пестрых кусочков. На холмах и даже на отвесных скалах высоко над рекой, где почти невозможна жизнь, прилепились до-мики, больше похожие на гнезда. При мысли, что они в одно мгно-вение могут сорваться и исчезнуть в пропасти навеки, будто нико-гда их и не было в этой дикой местности, захватывает дыхание.

Тот, кто отважится жить здесь, должен быть готов к жизни вне цивилизации, лишенной всякой связи с внешним миром. Он встретит много и других трудностей, не говоря уже о ежедневных крутых подъемах и спусках. Приходящий сюда должен сознавать и то, что эта суровая природа не раз попытается показать ему свою силу, словно насмехаясь над его беспомощностью, а сатана встретит его с яростью льва, потревоженного во время отдыха в своем логове. Ведь это ущелье является укрепленным владением сатаны, его неприступным замком.

Счастлив ли народ лису', отважно строящий свои жилища на этих диких, неприступных скалах? Дает ли им такая прими-тивная жизнь радость и мир? Есть люди, которые утверждают, что язычники счастливы и им не нужно мешать. Но их счастье

Лису - народ, живущий на юго-западе Китая, в Бирме и Таиланде. Общая численность - около 500 000 человек.

можно сравнить разве что с благополучием маленьких птиц, устро-ивших свои гнезда над пропастью, где свирепствует ураган, беспо-щадно вырывая стометровые сосны и швыряя их в пропасть. Мо-жет ли крошечное гнездо устоять против такой силы? Когда страшный ураган обрушивается из черной бездонной пропасти на маленькое гнездо, что могут чувствовать при этом беззащитные птицы? Примерно так же выглядит "счастье" язычников, жизнь которых полностью находится во власти сатаны. И этим малень-ким, хрупким гнездам неоткуда ждать помощи и поддержки.
Жителей этой страны опасности подстерегают со всех сто-рон. Во время дождей, когда почва пропитывается влагой и ста-новится совсем мягкой, даже зверь без труда может лапой отде-лить обломок скалы и столкнуть его в пропасть. Огромная глыба, падая, увлекает за собой все встречающееся на пути. Мне показа-ли одну такую глыбу, которая при падении убила стоявшую в воротах женщину и полностью разрушила ее жалкое жилище. Также мне рассказали еще одну страшную историю, случившую-ся в этих краях в 1935 году. Один мальчик лису спал в своей хижине возле поля. В надвигающихся сумерках от высокой скалы отделился обломок размером с обеденный стол и рухнул прямо на хижину. Он разрушил жилище, сломал столб около постели и через открытую дверь столкнул постель вместе с лежащим на ней мальчиком в пропасть тридцатиметровой глубины. Мальчик потерял сознание и пришел в себя, когда уже совсем стемнело и холодные капли дождя упали ему на лицо. То, что было его хи-жиной, превратилось теперь в груду развалин.
Другой молодой человек рано утром после проливного до-ждя пахал на своем поле. Падающим осколком скалы он был расчленен надвое. Быки, увидев изуродованное тело хозяина, в страхе побежали домой. Смерть и разрушения - частые гости в стране лису.
Но не только обвалы в горах угрожают людям, очень часто бывают здесь и неожиданные землетрясения. Однажды, в мае 1941 года, мы обедали в одной хижине. Вдруг стены содрогну-лись, и мы услышали страшный грохот. Кто-то крикнул: "Гром гремит!". Но небо было ясным и ярко светило солнце. "Самолет!" - крикнул другой. Мы все выбежали на край высокого плоско-горья, но никакого самолета нигде не было видно. Зато нам от-крылась картина, подобной которой я еще никогда в своей жизни
не видела. Казалось, что вся лежащая напротив горная гряда извергает облака дыма и пыли. В первый момент я подумала, что горы превратились в вулканы, но потом поняла, что огонь возник от трения горных пород во время землетрясения. Вскоре горы совсем исчезли в облаке пыли и дыма. Эта картина словно ото-бражала написанное в Пс. 103,32: "Призирает на землю, и она трясется; прикасается к горам, и дымятся".
До поздней ночи был слышен страшный шум от обвалов, и на противоположной стороне невозможно было ничего рассмотреть.
Позже мы узнали подробности происшедшего. Приведу для примера только один факт. Сорок человек сеяли рис на крутом склоне поля. Оставшиеся в живых рассказывали, что никто из них не почувствовал приближения опасности до самого последнего момента. Внезапно сверху раздался страшный грохот. Подняв голову, они увидели вершину горы, падающую на них. В живых осталось всего семнадцать человек. К несчастью, никто из по-гибших не знал истинного Бога.
Здесь, в "крепости" сатаны, веют и другие жестокие ветры, последствия которых не менее страшны. Один из них можно назвать ветром безжалостного язычества. В 1938 году мы услы-шали историю одной молодой женщины, жившей примерно в двадцати пяти километрах от нас. Она убила своего мужа и убе-жала с любовником. Я предполагаю, что она была выдана замуж по китайским обычаям, но, узнав настоящую любовь, убежала со своим другом. Оба были найдены, и в наказание с молодой жен-щины заживо содрали кожу. А ей было всего восемнадцать лет! Какая ужасная человеческая жестокость!
Для сравнения хочу привести еще пример - один эпизод из жизни другой молодой женщины.

Однажды вечером, на закате солнца, спускаясь по тропинке, я встретила жительницу деревни, которая торопливо взбиралась на гору. К груди ее был привязан маленький ребенок, а на спине возвышалась огромная корзина, наполненная кукурузными по-чатками. Увидев меня, женщина остановилась и, прислонившись спиной к скале, улыбнулась.
- Мама,- прошептала она (так называли меня лису). Мне стало жаль ее, и я сказала:
- Зачем ты носишь такие тяжести, ведь ты недавно роди-ла? Разве ты не знаешь, что должна себя беречь? Ты можешь на

всю жизнь подорвать свое здоровье. Где твой муж?
- О, он дома. Но, мама, ты же его знаешь. Он не работает и живет лишь для трубки с опиумом. Нам нечего было есть, ма-лыши голодные. Моя мама дала мне эту кукурузу, но мне нужно ее перенести с Сосновой горы. (Сосновая гора находилась в трех километрах отсюда.)
Вспомнив ее высокого, широкоплечего мужа, я возмутилась:
- Как ты могла выйти замуж за него?
- Всё было решено без меня. Никто и не спрашивал моего мнения. Ты же знаешь наши старые языческие обычаи.
Она рассказала мне, что ее муж - сущий дьявол: куриль-щик опиума и вор, готовый в ее отсутствие продать домашнюю утварь, лишь бы достать себе опиум.
Когда она мне всё это рассказывала, на ее лице отражался внутренний мир. Не было и следа горечи. При расставании она поблагодарила Бога, Который послал меня ей навстречу, а потом попросила меня взять несколько початков кукурузы из ее корзи-ны.
- Я хочу и тебя угостить. Они очень вкусные, если их поджарить на огне.
Но дома ее ждали голодные дети, и я просто не могла взять у нее кукурузу, подобно как Давид не мог пить из источника возле Вифлеема.
Как благодарила я моего Господа, Который Один может дать мир, превосходящий всякое разумение. Даже если тело и страдает, дух пребывает на небе! Это человеческое сердце нашло себе убежище и успокоение во Христе.
Когда же на народ лису обрушивается ветер болезней, для гнездышек наступает очень тяжелое время. Лису не знают о про-исхождении болезней и думают, что они посланы демонами, поэтому, заболев, просто впадают в отчаяние. Они верят, что в этом случае необходимо принести в жертву животное или запла-тить колдуну или ведьме. Даже от самой обычной болезни, такой как малярия, гибнут или разоряются целые семьи. Да и как можно обрабатывать землю без быка? А он был принесен в жертву. И нищета только усугубляет их бедственное положение.
Однажды я видела больного, умирающего от рака. Его ис-худавшее, изможденное тело, казалось, состояло только из кожи и костей. Он лежал на голых досках, даже без подушки, которая
облегчила бы его страдания. Когда он кашлял, ему вытирали рот жесткой соломенной бумагой, причем так грубо, что пересохшие губы начинали кровоточить.
Если один из членов семьи заболевает опасной болезнью, например, оспой, бывает, что родные оставляют его одного, беспомощного, а сами убегают в поле. Поэтому многие люди хотят, чтобы в их деревне жил миссионер, так как он приносит с собой медикаменты и знает, как облегчить страдания больного. Как можно, зная все эти стороны жизни лису, всё же утверждать, что язычники счастливы и что их нужно предоставить самим себе?!
Есть еще одна печальная сторона языческой жизни. Это от-сутствие возможности получить хотя бы элементарные знания. Правда, в ущелье есть несколько организованных правительством школ, но из-за их отдаленности и расположения в труднодоступ-ных местах их редко проверяют. Как следствие, учителя слишком быстро порабощаются курением опиума, так что даже язычники не хотят доверять им своих детей. Поэтому большинство детей вырастает без всякого образования.
До того, как первые миссионеры пришли к ним в ущелье и изобрели для них письменность, у этого народа не было никаких книг и, конечно, никакого письма. Поэтому, если у кого-то друг переезжал жить в другую деревню, пусть даже отдаленную всего на несколько километров, то его переезд был равнозначен смер-ти. Практически не было никакой возможности когда-нибудь вновь увидеться или хотя бы что-то услышать друг о друге, в особенности женщинам, которые очень редко покидают свою деревню. Но кто занимался обучением лису, тот имел

возмож-ность заметить, что они не менее умны, чем европейцы. Едва ли среди них найдется такой христианин, который не хотел бы учиться. Как-то один американец наблюдал за мальчиком лису, учеником библейской школы, и сказал:
- Это очень умный мальчик, только у него нет возможно-сти получить хорошее образование.
Мальчик и сам переживал из-за этого и однажды со вздо-хом сказал мне:
- Мама, вы, белые люди, действительно имеете преиму-щество. Вы можете изучать, что хотите: земледелие, медицину, музыку, камни или звезды. Мне кажется, что у вас нет недостатка

в учителях. Мы же, лису, как бы ни желали этого, не имеем нико-го, кто бы нас обучал.
Один евангелист из лису сказал:
- Всеми знаниями, что мы, лису, имеем, мы обязаны бе-лым. Разве это не чудесно - знать что-то для того, чтобы пере-дать это знание другим людям?
Но это еще не все ветры, которые обрушивает сатана на этот маленький народ. В стране лису постоянно свирепствует злой ветер греха, который вначале кажется нежным и ласковым, а потом проявляет во всей полноте свою разрушительную силу. Лису не знают ни магазина, ни радио, ни книг - ничего, что могло бы внести разнообразие в их монотонную деревенскую жизнь. Дьяволу хорошо известно стремление человека к разнооб-разию, поэтому он предлагает ему алкоголь, игру на деньги или безнравственную жизнь. Есть лису, которые, проиграв за одну ночь все свои деньги, детей, жен и даже собственную жизнь, обрекают себя и своих близких на пожизненное рабство.
Я уже говорила, что вначале ветер греха кажется совсем безобидным. Лису любят петь. Они очень музыкальны. Сатана дал им своеобразный вид пения на тирольский лад, который они называют "Попробуй сказать". Сначала я думала, что эти песни безвредные и естественно выражают радость молодости, как пение птиц и журчание горного ручья, но оказалось, что в них есть такие непристойные слова, которые никакой лису-христианин никогда не станет переводить и произносить вслух. Это своеобразный способ выражения человеческой похоти. В вечерних сумерках молодые мужчины поднимаются высоко в горы и поют эти вызывающие песни, которые заканчиваются на тирольский лад. В чистом прозрачном воздухе их голоса хорошо слышны внизу, в деревне или в хижине на рисовом поле, где девушки проводят ночь, охраняя урожай от диких зверей. Девуш-ки песнями отвечают им, это и есть "Попробуй сказать". Сущест-вует много вызывающих песен, но если кто-то способен выду-мать новую, то партнерша должна найти на нее ответ.
- Приведи мне, к примеру, какой-нибудь один ответ,- попросила я как-то одного молодого лису.
Он согласился. "Я хочу дать тебе в собственность целый мир",- примерно так звучал бы молодой сильный мужской го-лос. "Мой отец хороший стрелок, у тебя же нет мужества подойти
к нашему дому",- приблизительно так продолжился бы этот музыкальный диалог. Местонахождение певца сокрыто в темно-те, и его можно определить только по голосу. Нетрудно предста-вить, что после большой дозы спиртного в конце однообразного, может быть, даже неудачного дня никакая девушка не сможет устоять перед чужим невидимым любовным зовом.
Однажды ночью, когда наша деревушка уже погрузилась в глубокий сон, я услышала песни на тирольский лад, доносящиеся с вершины горы. В ночной тиши красивое мужское пение, испол-ненное желанием юности, звучало очень привлекательно. Голоса раздавались все ближе и ближе. Я ничего не понимала, не могла различить ни одного слова, но дрожь пробежала по моему телу, когда я, лежа, слушала это призывное пение. Я знала надежное прибежище и молилась: "Господь, сохрани в эту ночь Своих детей, которые вынуждены слышать это пение. Если бы я была языческой девушкой и не имела бы Христа в своем сердце, то этот зов соблазнил бы меня. Я благодарю Тебя, что Ты живешь в моем сердце". Когда я так сокрылась в Господе и молилась об этих парнях, которых увлек ветер греха, им не ответил ни один голос из деревни. После примерно получасового пения мужчины удалились. С тех пор я поняла, как тяжело для девушки лису сохранить девственность, и лишь немногим это удавалось.
Однажды я слышала, как молодая красивая женщина хва-сталась:
- Нет во всей долине мужчины, который превзошел бы меня в "Попробуй сказать".

Ее муж с гордостью подтвердил это. Казалось, ему было безразлично, что его жена считается непревзойденной в бесстыд-ных речах.
Но такое гнездышко, упавшее в пропасть греха, ожидает глубокое разочарование.
С наступлением дня меркнет привлекательность незнакомо-го певца, и часто он оказывается хуже, чем обманутый супруг. Так рушатся семьи и неполноценные дети рождаются в этот мир. Цена соблазна очень высока: различные опасные болезни и дру-гие тайные страдания показывают, в какую ужасную яму упало маленькое гнездо. Но Христос может все изменить.
Однажды я спросила одного молодого симпатичного лису, обращаются ли и к нему девушки с тирольскими песнями.
- Конечно, поют в основном с рисового поля, мимо кото-рого я прохожу,- отвечал он.
- Что ты тогда делаешь? - спросила я его.
- Я бегу вниз по дороге изо всех сил,- ответил он очень серьезно.
Я чуть не рассмеялась, представив себе это бегство молодо-го человека, который среди своих соплеменников считался муже-ственным. Но как осчастливил его ответ мое сердце. Он изучал Библию и знал Слово Божье, которое предупреждает: "Юношеских похотей убегай" (2 Тим. 2,22; 1 Кор. 6,18). И Бог воздал ему. Три года назад Он дал молодому беглецу в жены симпатичную девушку, лучшую во всей округе.
И, наконец, последний и самый страшный ветер, посланный сатаной на народ лису, несет с собой холод смерти. Язычник-лису старается не думать о смерти. Но ему не всегда это удается, и тогда эти мысли наполняют его страхом и ужасом.
Заглянем в одну бамбуковую хижину на крутом склоне го-ры. Вечер. Вся семья собралась вместе вокруг маленького тлею-щего огня, который время от времени вспыхивает, освещая все углы хижины золотыми отблесками. Дедушка, бабушка, отец, мать и дети смотрят на пятилетнего мальчика, который, не пере-ставая, кричит на своей деревянной постели.
- Тебе не нужно было ему этого говорить! - злобно ска-зал один из взрослых.- Он еще слишком мал, и очень плохо, что он услышал о смерти соседки. Он так ее любил!
- Но этого нельзя было скрыть,- возразил старший сын.- Он слышал в селе разговоры о ее смерти. Нельзя, чтобы он бегал к ее дому, ее дух может его забрать,- продолжил он дрожащим от страха голосом.
- Да, да,- поддержал другой, с побелевшим от ужаса ли-цом,- рано или поздно это случится со всеми нами. Но ему слишком рано говорить, что и он когда-то будет положен в гроб. Ему ведь всего пять лет.
- Я не хочу! Я не хочу! - истерически кричит ребенок, испуганно вскакивая и озираясь вокруг.- Вы все можете уми-рать, а я не хочу!
- Что ты можешь против этого сделать? - усмехнулся старший брат.- Каждый человек должен умереть.
- Замолчи! - гневно прикрикнула мать, пытаясь взять малы-ша на руки.- Нет, конечно, тебе не нужно умирать, А-би-рау. Ты...
- Ты обманываешь! - вопит ребенок.- Они сказали, что мы все должны умереть!
Это обычная сцена. Ее описал мне один лису. Он рассказал, какой ужас пережил он сам в раннем детстве, потому что язычни-ки-лису не имеют никакой надежды после смерти. Он рассказы-вал, что годами при виде могилы у отвесной скалы испытывал жуткий страх после того, как взглянул смерти в глаза.
Молодой евангелист-лису из другого округа рассказывал мне, что ему было шесть лет, когда он впервые соприкоснулся со смертью. От страха он так долго кричал, что даже заболел.
Вот какой жестокий леденящий ветер посылает сатана на народ лису. Он вселяет в сердца маленьких беззащитных людей ни с чем не сравнимый ужас, при виде зияющей бездны в конце пути. Бывают случаи, что при погребении родственников лису от долгого плача слепнут или теряют рассудок.
Мне рассказывали, что когда умирает лису-язычник, в большинстве случаев приглашают колдуна для проведения обря-да, чтобы вызвать мертвеца. При этом в жертву приносят живот-ное. Колдун совершает свои ритуалы и становится одержимым. Он говорит, что его душа идет по оврагу на север искать мертве-ца. Он рассказывает присутствующим, что он встречает на пути, описывает находящиеся на севере знакомые и незнакомые места. Неожиданно он "находит" мертвого. В этот момент члены семьи слышат хорошо знакомый им голос умершего из уст колдуна. Он передает печальные воспоминания или обращается к одному или другому с нежными

приветами, но не оставляет им ни одного слова утешения. Колдун тоже ничего утешительного им не гово-рит. После заклинания снова воцаряется печаль и горький плач. Колдун не в состоянии обнадежить их или утешить. Лису счита-ют, что спустя несколько лет после смерти дух мертвеца уже нельзя вызвать, потому что его нет. Поэтому и не удивительно, что они плачут до слепоты или потери рассудка или же ожесто-чаются сердцем.

Я слышала, как одна мать-язычница рассказывала о смерти любимой двенадцатилетней дочери: "Я скорбела так, что заболе-ла, поэтому...-^ вдруг она легкомысленно засмеялась.- Забыто!

Конец на этом!" Женщина так ожесточилась, что в ней нельзя было найти жалости или сострадания к другим.

Любящее сердце Божье тоскует по этим погибающим кро-хотным гнездам, которые цепляются за край ужасной пропасти без надежды на спасение. Но теперь и народ лису имеет расселину в скале, где может сокрыться во время ужасного урагана смерти.

Я вспоминаю простую деревянную церковь у отвесной ска-лы. Она была переполнена лису, собравшимися на вечернее бого-служение. Проповедником был мой знакомый евангелист, сейчас уже взрослый мужчина, а некогда тот самый пятилетний мальчик, который так боялся смерти. Он рассказал свою историю и закон-чил ее так:

"Немного позже я услышал, как Лайла Кук говорила:

<Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет>. Когда Лайла объяснила это место Писания,- говорил" он,- я сразу понял истину этого слова, реальность вечной жизни, жизни после смерти, и надежды после могилы. Я несказанно обрадовался, и в тот момент Господь возродил в моей душе жи-вую веру. Этот стих о воскресении привел меня ко Христу, и я думаю, что я не единственный лису, который уверовал через эту истину. Я прошу всех, которые пришли ко Христу через весть о воскресении, поднять руку".

Поднялось множество рук, а просветленные лица присутст-вующих говорили об их вере лучше всяких слов.

Я сама слышала вопли язычников об умерших, и мое сердце разрывалось при виде их безнадежного страдания. Но слава Богу, что и для лису есть прибежище в расселине скалы, когда ураган смерти обрушивается на них.

Однажды я любовалась чудесным закатом солнца, стоя у себя в огороде. Вдруг из-за угла дома выбежал мой помощник с очень встревоженным лицом и крикнул:

- Мама, Ха-фу-е мертв! Он утонул сегодня утром в реке, что протекает через ущелье.

- О нет! - воскликнула я.

Ха-фу-е был самым милым мальчиком, которого я знала, и гордостью своих родителей.

Пока я поспешно спускалась с горы, на меня нахлынули воспоминания о мальчике. Он был всегда таким послушным и смелым. Когда он был еще совсем маленьким и тяжело заболел, к нему позвали моего мужа дать ему лекарство. Это было очень горькое лекарство. Когда малыш выздоровел, он видел в высоком белом мужчине только своего врага, который сует в рот малень-ким детям отвратительные вещи. Однажды этот мальчик случай-но попал к нам в огород, и здесь он вдруг увидел моего мужа, который стоял на пороге нашего дома. В испуге малыш начал громко кричать и побежал в гору так быстро, как только могли бежать его маленькие крепкие ножки. Мой муж приветливо крикнул ему, что не нужно бояться, но мальчик думал, что это только хитрая ловушка, и испугался еще больше. Отец научил его обороняться от собак, бросая в них большие камни, и теперь, когда мой муж звал его, он взял камень и прицелился в него, большое белое чудовище. Несмотря на слезы, катившиеся по щекам, он выглядел так забавно и воинственно, когда крепко обхватил камень ручонками. Таким был Ха-фу-е, маленький милый мальчик.

Что же мне теперь сказать его родителям в минуту такой тяжелой утраты? Приближаясь к их дому, я молилась в сердце о необходимых словах утешения. Но они мне не понадобились.

Когда я подошла к скорбящим, которые, плача, окружили своего любимца, отец повернулся ко мне и сказал:

- Мама, это хорошо. Если бы он дольше жил, то погряз бы в грехах.

Потом мы вместе рассуждали о небе и о радостной встрече там.

Все эти истории рассказывают о маленьких гнездах - че-ловеческих судьбах, постоянно висящих над пропастью погибели. Но вечная скала спасения приготовлена и для них.

Лишь в Боге душе моей успокоенье, Лишь Он мир дарует ей и утешенье. Скала и

опора мне - я в Нем покоюсь, Пусть буря грозит душе - в Христе укроюсь.

Глава 2
Ноги благовестника достигают дикого ущелья

Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение, говорящего Сиону: "воцарился Бог твой!" Ис. 52,7

- Мама, мама! - маленькие дети бежали к своим матерям, чтобы спрятать свои головки в их фартуках, но ровно настолько, чтобы слышать возбужденный разговор взрослых.
- Да, действительно, у него белая кожа, мой муж мне рас-сказывал. Муж пошел в дом Ли-е-гвей, чтобы понаблюдать за этим странным существом. Мне тоже очень хочется туда сходить, но я не решаюсь. Должно быть, это демон. Где это видано - человеческое существо с белой кожей! И люди говорят, что у него глаза не черные, а цвета реки.
- Тогда это демон! Мы ведь знаем, что демоны могут принимать человеческий облик. Нет, у меня бы не хватило муже-ства пойти туда, чтобы посмотреть на него. Я рада, что дети его боятся, потому что демоны воруют детей,- испуганно добавила молодая лису, крепко обняв свое дитя.
- Но говорят, что он очень вежливый, приветливо улыба-ется и говорит по-лису и по-китайски. Он пришел вместе с дру-гими, которые тоже так странно говорят полису.

Но эти другие с черными глазами и волосами. Их кожа желтая, как наша. Мужчи-ны утверждают, что это "цветные" лису. Они пришли из отдален-ной части ущелья. Это может быть правдой, ведь мы называемся "черными" лису,- пояснила другая женщина.
- Это правда? - спросила молодая девушка.- Наша кожа ведь не чернее, чем у китайцев.
- Дело не в нашей коже, дитя мое,- вступила в разговор старая женщина,- а в нашей одежде. Именно ей мы обязаны своим именем. Мы всегда носим свой темно-синий цвет. Но "цветные" лису! Вы бы видели их одежду! - добавила она с отвращением.- Они пришивают красные и зеленые квадраты на одежду, а фартуки обшивают перламутровыми ракушками; к тому же они носят красные, синие и белые чулки...
- Откуда ты это все знаешь? - удивленно спросила де-вушка.- Где ты это видела, бабушка?
- Когда я с А-фу-ме-па убегала, мы бежали в Бирму и ос-тавались там, пока не утих гнев наших семей. Лису по другую сторону горы до сих пор так одеваются. Но вернемся к белому' человеку. Разве вы не слышали старую историю о том, что когда-то придет белый лису, чтобы стать нашим царем?

Двенадцатилетний мальчик неожиданно прервал разговор женщин:
- Я его видел! - заявил он гордо.
- Правда? Ты его действительно видел?! Как он выглядит? - посыпались со всех сторон вопросы.
- У него во-от такой большой нос! - сказал маленький смельчак и нарисовал в воздухе такой неправдоподобно большой нос, что девушки громко вскрикнули.
- О, как ужасно! Конечно, это демон. Это у них такие но-сы, как птичий клюв.

Так продолжался этот разговор. Голоса звучали то спокой-но, то опять возбужденно и взволнованно. Никто из женщин не решился бы подойти к белому человеку. Мужчины и некоторые ребята были смелее, они даже раз-говаривали с пришельцем, но и они боялись его белой кожи, синих глаз и прямого, как у всех европейцев, носа. Он оставался там только одну ночь и больше никогда не возвращался, но ста-рые люди и сегодня еще говорят о нем.

Это был И. О. Фразер - первый вестник Иисуса Христа, вступивший на землю "неприступного замка". В автобиографиче-ской книге "За горной цепью" он описывает свою жизнь среди лису. Его внезапное появление среди лису так шокировало их, что никто после не мог вспомнить весть, которую он принес. Поэтому Фразер сделал для себя вывод, что достигать Евангели-ем лису-язычников надо через лису-христиан. Находясь на заднем плане и наставляя Словом Божьим вновь образованную

где-нибудь церковь, белый проповедник вдохновлял лису нести дальше весть спасения,
сопровождая их труд молитвами.

Пять лет прошло после этого посещения "черных" лису. Фразер и другие миссионеры работали среди "цветных" лису, пока там не образовалась церковь. Они планировали продолжать работу и в южных районах. А неприступный замок сатаны лежал севернее и по-прежнему продолжал находиться во тьме язычест-ва. Но любящий и заботливый Бог еще раз напомнил миссионеру о существовании "черных" лису. Фразер писал в 1919 году: "В последний базарный день встретил я некоторых лису из верхней части реки Салуин. Они были тяжело нагружены пальмовыми орехами, предназначенными для продажи.

- Придите к нам и научите нас,- просил один из этой груп-пы. Его деревня находилась на расстоянии шестнадцати дней пу-ти.- Мы дадим вам столько риса и свинины, сколько вы захотите.

Но он был слишком занят своим делом, чтобы больше уг-лубиться в весть о Христе, поэтому все ограничилось приглаше-нием. Но,- писал дальше Фразер,- эту местность нужно обяза-тельно евангелизировать; для этого мне нужны местные жители, которые согласятся пойти туда".

Нелегко было найти подходящего человека. Конечно, были христиане, пригодные для этой работы, но кто мог пойти на такой риск? В то время верхний район реки Салуин был мало кому знаком, и добраться до этой местности можно было не раньше, чем через сорок дней. Та долина населена "черными" лису, диалект, питание и обычаи которых отличаются от других. В самом ущелье существуют только единичные почтовые отделе-ния, но и те находятся друг от друга на расстоянии шести дней пути, и почту раздают только через десять дней после получения. В глазах других лису жители той местности не представляли никакого интереса.

Там не было врачей, поэтому люди, которые сопровождали Фразера в этом разведочном пути, называли эту местность дикой и негостеприимной и много говорили о распространенных здесь болезнях.

В книге одного ученого мы читаем, что это ущелье считает-ся одним из опаснейших районов мира. Это подтверждается описанием путешествия американской армии: "Здоровые солдаты с трудом перебираются через горные перевалы. Вдруг голова мгновенно наливается горячей кровью. Они жалуются на ужас-ные головные боли и падают замертво". И сам Фразер едва остал-ся в живых, когда посетил это ущелье. Ему пришлось потом поехать в отпуск на родину, чтобы снова окрепнуть. Позже он хотел отдать все свои силы для работы среди лису, но этому не суждено было исполниться. На юге этой местности миссионер-ское поле очень нуждалось в добровольных помощниках, и все "прекрасные ноги" должны были отправиться туда, поэтому ущелье реки Салуин и дальше оставалось оплотом сатаны.

Но Бог запечатлел лица лису в любящем, верующем сердце Фразера, который не мог их забыть. Он помнил глаза, с надеждой и ожиданием устремленные на него, помнил всё, что видел во время путешествия в ущелье. Должно быть, он говорил об этом с Карлом Кауманом перед тем, как покинуть Китай. Этот миссио-нер вместе с супругами Кук стал его последователем в работе среди лису. Супруги Кук полностью посвятили себя евангелиза-ции южной части миссионерского поля, в то время как Кауман с его несокрушимой верой взял на себя всю тяжесть работы среди тысяч лису, живущих в верхней части реки Салуин.

Сколько раз он пытался проникнуть в эту крепость, я не знаю, но в начале 1927 года, если я не ошибаюсь, Кауман писал первой церкви среди "цветных" лису: "Мы нуждаемся в пропо-ведниках для верхнего района реки Салуин". И одно молодое сердце услышало этот зов. Это был маленький человек с изъе-денным оспой лицом, который работал у миссионера пастухом коз и был самым бездарным учеником на уроках китайского языка. Он написал Кауману: "Я сам родом из <черных> лису, и мои предки пришли из той местности. Бог дал мне знак, что я должен пойти туда".

Мне бы очень хотелось знать, о чём подумал Кауман, когда представил себе этого первого воина, вторгшегося в "неприступный замок". Я бы, конечно, была разочарована этим предложением. В моем представлении проповедник для "черных" лису должен был быть совсем другим человеком: представитель-ным, рослым, широкоплечим - словом, с мужественной внешно-стью, соответственно масштабу предстоящей работы. Ведь ему придется жить среди диких гор, суровых ветров, опасных болезней и дьявольских духов. Но Бог смотрит не на внешность. Итак, Кау-ман принял предложение пастуха коз, но разумно решил дождаться рождественского собрания церкви, где ему предоставится возмож-ность обратиться ко всем христианам с тем же призывом.

За день или два до Рождества каждая христианская деревня лису готовится к празднику, потому что все хотят принять в нем участие. Женщины победнее стирают одежду в ближайшем ру-чье, по обычаю лису топча ее ногами. У кого есть возможность, те шьют новые одежды. Подготовка к празднику идет полным ходом. Каждый участник праздника должен принести определен-ное количество кукурузы, соли и свинины, поэтому весь день вращаются жернова и с раннего утра слышно, как визжат свиньи перед забоем - к празднику должно быть много свинины.
Ранним рождественским утром с песнями и шутками от-правляются из разных деревень по узкой горной тропинке группы делегатов на миссионерскую станцию. Еще до того, как покажет-ся деревня, оттуда слышатся выстрелы. Путники переглядывают-ся и улыбаются друг другу: теперь они знают, что их заметили. Многие приходят с самой вершины горы. Как только они при-ближаются к деревне, раскинувшейся на склонах гор, показыва-ется триумфальная арка, где их с улыбкой встречают друзья. Дойдя до нее, гости останавливаются, так как дальше идти нель-зя. По ту сторону арки запевают: "Один, два, три, до, ми, соль".
- Впустите их,- звучит навстречу гостям четырехголосый хор.- Рождественские гости у ворот! Впустите их!
Мы приветствуем вас, заходите! Впустите их!
Христос Господь для нас рожден,
Спасает нас, нас погибших,
Славьте и хвалите Бога одного!
Впустите их!
Потом начинается радостное приветствие. Певцам, выстро-ившимся в длинный ряд, крепко пожимают руки. В определенном месте гости складывают все принесенные продукты, и каждый ищет себе местечко для сна. Время, оставшееся до большого вечернего богослужения заполняется пением и спортом.
На одном из таких общений Карл Кауман и обратился с призывом. Он говорил: "Мы празднуем рождение Иисуса, и сего-дня у каждого из нас есть возможность что-то подарить Тому, Кто нам так много дал. В зимнее время вы, лису, свободны, а жатва Господа ожидает делателей, чтобы собрать урожай. Нам необходимо не менее тридцати человек, которые бы добровольно
пошли трудиться на ниве Господней. Из этих тридцати четверо или пятеро должны решиться пойти в верхнюю часть Салуина. Один уже есть, значит, нам нужны еще трое!"
После богослужения в каждом доме серьезно обсуждался этот призыв.
- Я хочу идти в. верхнюю часть реки Салуин, - сказал симпатичный молодой человек двадцати одного года. Положив голову на руки, он задумчиво смотрел на огонь.
- Что ты придумал! - испуганно вскрикнула мать.- Это не для мужчины, имеющего жену и ребенка. Ты можешь идти как добровольный евангелист на юг. Господин и госпожа Кук нахо-дятся там, они дадут тебе лекарства, если ты заболеешь, и по-шлют нам письмо от тебя. Ведь пастор сказал, что намного боль-ше мужчин требуется на юге, примерно тридцать человек.
- Это он сказал, потому что не надеялся набрать так много евангелистов для севера,- последовал спокойный ответ.- Он легко найдет тридцать человек для юга, но мало - для севера, поэтому я хочу идти. Ведь там живут тысячи лису.
И он снова стал смотреть на огонь. Отблески пламени отра-зились в его задумчивых черных глазах. Мать громко заплакала.
- Ах! Ах! Он идет добровольцем на север Салуина, и я его больше не увижу. Он умрет там от ужасной лихорадки... Ах! Мы больше никогда не услышим о нем, потому что там, наверху, нет почты. Ах!
- Замолчи! - приказал ей муж.- Сын, будь осторожен, обдумай хорошо этот шаг. Не перечеркивай свою жизнь. Ведь ты не знаешь привычек "черных" лису. Может быть, они не примут Евангелие, как это сделали мы. И если то, что сказала мать, ис-полнится...
- Это не все правда,- возразил молодой человек.- Мис-сионер, господин Пайне из города Паушан, обещал нам помогать и посылать продукты и почту. Никогда нельзя будет в том районе собрать урожай для Христа, если никто не решится туда пойти. Иов, пастух коз, идет, и я тоже пойду!
Женщины начали громко рыдать. Соседи тоже пытались переубедить молодого человека.
Несколько лет спустя Иов рассказывал мне, что ни один из четырех добровольцев не сказал свое "да" необдуманно. Все они знали, на что идут, и всем пришлось выслушать настойчивые
уговоры родственников. Тем не менее в последний вечер, когда Кауман в последний

раз обратился с призывом к церкви, кроме пастуха коз, встали еще трое мужчин - Андреас, Ва-зи, и Ла-ма-ву, которому был двадцать один год... Я уверена, что при виде их молодых, решительных лиц глаза многих христиан заблестели радостью. Я представляю себе и плачущих женщин: ведь еще никогда евангелисты не работали в таком незнакомом, отдален-ном и диком районе.
- Ты заболеешь и умрешь! - пытались переубедить доб-ровольцев расстроенные родственники.
Они оказались отчасти правы, так как из четырех ушедших вернулись только трое. Но об этом потом.
Итак, маленькая группа благовестников отправилась в путь. После трудного семидневного путешествия по незнакомой мест-ности они наконец-то перешли китайскую границу и достигли города Паушан, где работал миссионер Пайне со своей женой. Запыленные и растерянные, стояли они во дворе миссионерской усадьбы. Неделя утомительного путешествия по незнакомой местности способна убить и последний остаток энтузиазма. Я могу себе представить их лица, когда они дошли до Пайне. Эти люди, целью которых было проникнуть в одну из мощнейших крепостей сатаны, выглядели, наверное, не как герои веры, а, скорее всего, как дети, покинувшие дом,- расстроенные и поте-рянные, но всё же решившие не плакать. Кому приходилось ви-деть группы евангелистов, впервые ступивших на китайскую землю, тот знает, как жалко и робко они выглядят. Примерно такой же вид был и у нашей четверки. Но супруги Пайне - лю-бящие верные миссионеры - видели в духе, кем были эти моло-дые люди в действительности. Они знали, что это Божьи "прекрасные ноги", которые Он направил к погибшим, поэтому они сердечно приветствовали гостей. Есть люди, которые настаи-вают на том, что местные жители должны совершать работу без помощи миссионеров, потому я хочу здесь подчеркнуть, что эти четверо не смогли бы выполнить работу без любви, заботы и поддержки семьи Пайне. Каждый раз, когда молодые благовест-ники теряли мужество и возвращались назад, миссионеры встре-чали их с пониманием, укрепляли их своей твердой верой и по-сылали опять в ущелье.
И теперь ободрением для них послужило обещание мис-сионера в Паушане:
- У меня есть средства для вас. С сегодняшнего дня вы можете приходить ко мне, когда будете нуждаться в деньгах.
С несколькими долларами, звенящими в кармане, они по-шли купить себе рис и осмотреть город.
Лису любят оживленные китайские базары. В их отдален-ных горных деревушках не встретишь такого обилия вещей, такого множества людей и такого шума. Все кажется таким инте-ресным! Хотя и невозможно купить все эти вещи, но сама воз-можность видеть всё это радует лису так же, как выбор куска свинины для обеда.
Но интересней всего сами люди! Для многих лису вид тол-пы людей куда привлекательней, чем столы, заваленные различ-ными вещами.
Базар в Паушане посещают в основном китайские крестья-не, но нередко встречаются лису из ущелья "неприступного зам-ка" и даже жители Тибета. В такой пестрой толпе наши путеше-ственники вдруг заметили группу лису, разговаривающих на своем языке. Ла-ма-ву и его друзья с радостью обратились к ним. Китайские крестьяне удивленно оборачивались, с интересом наблюдая за группой лису, которая, мешая транспорту, стояла посреди дороги. "Дикие",- с пренебрежением говорили они и спешили дальше, даже не думая позаботиться о них и увести с проезжей части.
- Где вы живете? Вы понимаете нас? - посыпались во-просы на наших друзей.
- Мы "цветные" лису с границы Бирмы и идем в вашу ме-стность, так как нам нужно с вами кое о чём поговорить. Где вы думаете переночевать?
- О! - громко рассмеялись незнакомцы.- Где уж нам, лису, мечтать о хорошем ночлеге в городе! Как только появятся звезды, вы найдете нас у городской стены.
Я вспоминаю, что когда-то сама встречала подобную группу и искала ее потом у городской стены. Они слишком бедны, чтобы ночевать в гостинице. Неприхотливые дети гор, привыкшие спать под открытым небом, они удобно устроились вокруг костра. Время от времени пламя вспыхивало и освещало
их головы в тюрбанах, вязаные воротники и симпатичные выра-зительные лица.
Над ними в вышине небес мерцали звезды, а рядом в глу-бокой ночной тиши покоились малоосвещенные улицы китай-ского города.
Костер лису! Ла-ма-ву почувствовал себя как дома. Он под-катил к костру камень, и вскоре все четверо увлеклись беседой с новыми знакомыми.
- Я вас хорошо понимаю, хотя произношение у вас стран-ное,- с улыбкой сказал один высокий парень.- Мы - "черные" лису, но не из Салуина, а из ущелья Меконг.
-Что?

- Да, Меконг течет параллельно Салуину. Вы могли бы за один день перейти от нас туда. Не хотите ли вы пойти с нами? В нашей долине много "черных" лису. Завтра мы отправляемся в обратный путь. Пойдемте же с нами. Мы пришли сюда на базар, чтобы поменять гробовые доски на одеяла. Посмотри-ка сюда, что я себе купил.
При этих словах парень, явно довольный своей покупкой, накинул на плечи яркокрасное
одеяло и добавил:
- Таких вещей вы у нас нигде не найдете.
Они болтали до поздней ночи. Лису любят беседу у ко-стра, а так как часов у них нет, то они очень часто поздно ложатся спать. Лису-путешественники не делают проблемы из ночлега. Костер засыпают золой, закутываются в одеяло и спят прямо на земле.
Наши четверо друзей возвратились на миссионерскую станцию, чтобы поговорить с Пайне, ведь они изъявили готов-ность работать среди лису в ущелье Салуин, о которых уже года-ми молились. Если же Богу угодно принести Благую весть снача-ла меконгцам, то они были готовы пойти туда. Разве Он не указал им сегодня этот путь, послав проводников?
Так они решили присоединиться к людям из Меконга. Пай-не обещал снабдить их на дорогу всем необходимым. Когда же они доберутся до места, то лису, по своему обычаю, дадут им кров и пищу. Жизнь лису в общем-то очень тяжела. Безмолвно и безучастно взирают горные великаны на крошечных людей, ко-торые пытаются жить на этих отвесных скалах. Здесь люди во всём зависимы друг от друга. Поэтому никакой лису, будь то
язычник или христианин, не требует от путника платы за питание и кров. Оказать гостеприимство - долг каждого лису из ущелья "неприступного замка". Достигнув Меконга, эти четверо истра-тили все деньги и испытали немалую нужду, так как вскоре дос-таточно узнали обычаи тех мест.
Их проводники обходились с ними приветливо, только вот их мысли были всё время заняты домом, семьями. Они не могли дождаться момента, когда смогут разложить перед изумленными родными вещи, которые выменяли на базаре, поэтому почти не воспринимали весть о кресте.
Когда благовестники и их проводники дошли до места, Ла-ма-ву и его спутников повели в дом вождя. Встреча не принесла им радости. Над их южным диалектом смеялись. С болью они ощутили недружелюбную атмосферу. Правда, родственники их провожатых, узнав о них более подробно, начали интересоваться вестью Евангелия.
- Странная история, такого мы еще не слышали. Но она нам не подходит. Зачем нам менять образ жизни? - зевая, сделал вывод один из слушателей.
- Почему вы не хотите достигнуть ущелья Салуина? Мо-жет, они захотят стать христианами,- сказал другой.
Никто, казалось, не верил Благой вести и не проявлял к ней никакого интереса. Надо учитывать, что этот незнакомый район не был подготовлен молитвой. Ла-ма-ву чувствовал, что дальнейшее гостеприимство им не захотят оказать, поэтому однажды утром они решили уйти отсюда. Вежливо поблагода-рили они своих хозяев за гостеприимство, отчего "черные" лису очень удивились и громко рассмеялись. Затем маленькая группа отправилась по незнакомому пути дальше вниз. Вскоре путники остановились на одном холме отдохнуть, помолиться и обод-рить друг друга.
- Может, нам попробовать достигнуть района реки Салу-ин? - спросил Андреас.
- Я слышал, что на пути нет больше деревень, - сказал Ва-зи.
- Мы знаем путь отсюда в Паушан, но не имеем представле-ния, как идти назад из ущелья Салуина,- робко вставил Ла-ма-ву.
- Я тоже так думаю,- согласился Иов.- Смотрите, все эти горы усыпаны деревнями лису, мы же до сих пор посетили только одну. Пойдем дальше! Мы не должны забывать, что о нас молятся.
- Не знаю, как вы,- вздохнул Ла-ма-ву,- но я все еще го-лоден. Ох, как бы я хотел купить немного риса. Я не могу съесть столько кукурузы, чтобы насытиться. И как только эти "чёрные" лису могут ее есть! Я сегодня утром наблюдал, как один опустошил девять полных чашечек, в то время как я съел четыре. В любом случае я не смог бы съесть больше, но всё равно я не наелся.
- Я тоже,- поддержал его Андреас.- С тех пор, как мы сюда пришли, я еще ни разу не наедался досыта. Они ни разу не дали нам риса. Я надеюсь, что в других местах мы его получим.
Но увы, риса не было нигде, так как в той дикой местности основной пищей является кукуруза. Всем четверым понадобилось немало времени, чтобы привыкнуть к новой пище. Иов говорил мне, что они были всегда голодны, а к чувству голода

добавилась еще и глубокая скорбь. Они шли от деревни к деревне, но везде над ними смеялись, издевались и гнали прочь. Иов рассказывал:

- Придя в деревню, мы заходили в первый дом, но там не только отклоняли Евангелие, но и отказывались дать нам пищу и ночлег. "Идите в следующий дом",советовали нам, но и оттуда нас выпроваживали. Часто нам приходилось дом за домом обхо-дить всю деревню, чтобы у последнего, высоко стоящего дома быть отосланными к первому, где нам уже указали на дверь. Как горько нам становилось от этого! Однажды мы заблудились и полтора дня ничего не ели. Мама, одно я могу сказать тебе: нам было очень плохо",- вспомнив ужас и искушения тех скитаний, он не мог говорить дальше и надолго замолчал.

"Вы никогда больше не вернетесь живыми назад!" Как часто на протяжении тех тридцати шести часов блуждания в чужих, диких, безлюдных горах вспоминали они причитания своих до-машних. Когда они наконец увидели деревню, было не удивитель-но, что один из них лишился мужества для дальнейшей работы,

- С меня хватит,- объявил Андреас,- я пойду домой. Это бессмысленно, эти люди не хотят принимать Евангелие. К тому же мы не знаем ни этой страны, ни дороги дальше. Белый человек мог бы нанять себе проводника. Мы же ничего не дос-тигнем, если пойдем вперед. Я думаю, нам лучше вернуться.

- Как? Вернуться назад без того, чтобы спасти хотя бы одну душу? Я с этим не согласен! Мы ведь еще не достигли уще-лья Салуин, ради которого пришли сюда,возразил другой.

Они стали советоваться. Одинокие, несчастные, унылые и голодные, решили они вернуться к своему миссионеру. Он про-явит себя как друг, утешитель и советник и - ни один не выска-зал этого вслух - даст им хорошую порцию риса! Но на протя-жении всего пути назад в Паушан трое из этой маленькой группы не имели покоя. Тяжесть лежала у них на сердце. Добровольцы для верхнего Салуина... В ушах у них до сих пор звучал настой-чивый призыв Каумана. Словно наяву видели они сияющие лица друзей, чувствовали на себе их одобрительные взгляды, когда они встали и объявили себя добровольцами. А теперь они возвраща-лись, с болью ощущая бесплодность своего благовестия.

Благодарение Богу за миссионера, который поддержал их крепкими любящими руками веры и ободрил. Как старший брат, он решил идти вторую милю вместе с ними.

- Я сам пойду с вами в верхний Салуин. Андреас не пой-дет домой, пока вы не побудете там, куда Господь вас послал,- сказал Пайне решительно.

И усталые ноги благовестников после нескольких дней от-дыха вновь отправились в путь, но на этот раз всё было иначе.

Люди лису просты и по-детски доверчивы. Через Божью премудрость Фразер образовал самостоятельную, самообеспечи-ваемую, самоуправляемую и по собственным планам умножаю-щуюся церковь. Но все лису, которые мне знакомы, работают радостнее, если рядом с ними живет миссионер, с которым мож-но общаться и у которого можно спрашивать совета. Поэтому я уверена, что успех путешествия в ущелье во многом зависел от того, что Пайне сопровождал их. Как успокаивается больной ребенок, когда рука матери касается его горячего лба, так благо-творно влияло на этих четверых присутствие старшего брата.

Пробираясь через высокие горные вершины по извилистым тропинкам, медленно приближались благовестники к "неприступному замку". К вечеру четвертого дня они останови-лись на небольшом выступе скалы. Их глазам открылась панора-ма ущелья реки Салуин.

В диком беспорядке возвышались горные великаны причуд-ливой формы. Их подножия огибала голубая лента "реки без дна", отлогий берег которой зарос буйной травой. На противоположной стороне по зеленому бархатному берегу раскинулась деревушка Шесть сокровищ, которая на фоне зелени сверкала белизной.

В "неприступном замке" господствовал тогда феодальный строй. Владелец здешней крепости рассказывал мне, как он купил целую гору за шестьсот китайских долларов и как все живущие на горе люди стали его подчиненными. Сто слуг было в его рас-поряжении; все они ели его рис. Он показал нам мощные столбы на своем дворе. Каждый из них представлял из себя огромный ствол дерева, срубленного его слугами. Владелец крепости повел нас на один из верхних этажей и показал оттуда свой укреплен-ный замок. Он рассказывал, как несколько лет назад эта деревня была разрушена разбойниками. Восстанавливая потом свою кре-пость, он в первую очередь построил сторожевые вышки, чтобы таким образом иметь возможность вовремя отразить нападение. Потом он показал пульт с отодвигающейся крышкой,

фисгармо-нию и разную модную мебель, сделанную профессиональными столярами из Шанхая.
Без сомнения, всё это было показано и миссионеру Пайне, так как этот феодал любил принимать чужеземных гостей. Он был одним из самых предприимчивых людей, которых я знала.
Итак, они вошли в ущелье через входные ворота. Есть ли в этой местности лису? О да! Тысячи по обоим берегам реки. Дом богатого феодала стал отправным пунктом, откуда четверо благо-вестников отправились дальше. Сначала они посетили деревушку Малипинг. Хотя их путешествие сопровождалось множеством молитв, но встречающиеся им лису мало интересовались Евангель-ской вестью, правда, охотно оказывали гостеприимство. Некоторые даже говорили, что хотят послушать Благую весть, но сначала выпьют вина. Когда же подошло время Пайне возвратиться в Паушан,
он заметил, как четверо его товарищей приуныли.
- Андреас, ты можешь пойти вверх по ущелью и посетить те места. Я подожду, пока ты вернёшься,- посоветовал Пайне.
Андреас послушался и не напрасно.
В маленькой деревушке у крутой отвесной скалы пятна-дцать семей приняли верой Христа и обещали разрушить свои демонические жертвенники. Другая, жившая вблизи владельца горы семья, к которой принадлежала молодая девушка Хомай, тоже обещала обратиться к Господу. С какой радостью возвра-тился Андреас, чтобы позвать туда трёх своих попутчиков. Так в последний момент Господь услышал их молитву. Как благодарны были Ему сердца миссионеров, когда они впервые собрались в доме Хомай для молитвы, в то время как члены семьи разрушали жертвенник демона. С какой радостью возвещали они весть о Христе, своём Господе и Спасителе. Он укрепил их веру и принял их жертву. Пайне предвидел большую жатву и ободрял четверых друзей, советуя им быть смелыми в вере и продвигаться вперёд. Он говорил:
- Неподходящее сейчас время возвращаться назад. Вы ос-тавайтесь лучше здесь и посетите как можно больше деревень. Через месяц я вернусь, тогда мы посмотрим, что сделал Бог, и вместе обговорим, как быть дальше.
Этот совет был правильный и во всех отношениях мудрый. Но на лица всех четверых легла тень глубокой тоски по родине.
У Андреаса кончилось терпение.
- Если ты возвратишься, пастор, тогда и я пойду с то-бой,- сказал он.
Никакие уговоры не могли заставить его изменить своё ре-шение. Трое же были готовы остаться. Остановиться в тот мо-мент, когда собрали первые плоды? Нет! Нужно выдержать следующий месяц, ещё месяц есть кукурузу и ещё месяц лазить но горным склонам, которые ещё круче, чем дома. Но мысль о том, что Андреас расскажет церкви об их нелёгком задании и в ответ на это о них будут усиленно молиться и передадут им письма и помощь, вселяла в них новую надежду. А может быть, кто-нибудь придёт, чтобы их подменить, так как путь уже проложен. Будущность теперь не казалась им такой беспросветной. Когда Пайне и Андреас отправились в обратный путь, оставшие-ся смотрели им вслед с лёгким сердцем.
И я принял зов и смело
Взялся за руку Христа.
С Ним пошёл на то же дело,
На бесплодные места.
И - о чудо! Зреет колос,
Вырос дом на берегу...
И воспел мой громкий голос:
"Всё я с Господом могу!"
И "прекрасные ноги" благовестников шли всё дальше и дальше в ущелье, всё выше и выше. И хотя их огорчало, что не исе новообращённые оставались верными, но были и такие, как
Хомай - серьёзные, вдумчивые. И это радовало сердца благове-стников. Неподалёку от хижины Хомай с плоскогорья открыва-лась чудесная панорама ущелья. На этом плоскогорье нашли они деревушку Дубовая равнина, где небольшая, но многообещающая группа верующих уже построила маленькую часовню. Позже Пайне со своей женой обещал переехать в эту деревушку. Это известие очень обрадовало и воодушевило местных жителей. Среди постоянных посетителей богослужений была неприметная пятнадцатилетняя девочка Лия, о которой речь пойдёт дальше.
Деревушка Сосновая гора располагалась выше по ущелью. До неё можно было добраться только по узкой тропинке, слиш-ком узкой для автомобиля. Вначале жатва

там казалась много-обещающей, но позже оказалась незначительной. "Великий ста-рик", история которого описана в последней главе книги, был первым плодом миссионерской деятельности в этой деревне.
На той же горе, на высоте примерно две тысячи пятьсот метров, находится деревушка Равнина сливовых деревьев. В этой деревне жил маленький Амос, о котором мы ещё расскажем. Таким было поле миссионерской работы.
Севернее Сосновой горы Евангельскую весть не принимали так охотно, но на другой стороне реки, на западном берегу Са-луина, деревушки Могила белки. Равнина сандалового дерева и Оливковый сад постоянно приносили плоды. Гад, о котором также ещё будет рассказано, был из деревни Могила белки.
В то время как трое благовествующих ходили от деревни к деревне, всё чаще они слышали о деревнях Луда и Хангпа, кото-рые находились выше по ущелью, на расстоянии шести-семи дней пути. Им рассказывали, что местные лису говорят на другом диалекте и живёт там древний народ носу. В то время в Дубовой равнине жили супруги Пайне. Иов рассказал им свой план. Он убеждал их, что необходимо нести весть выше в ущелье, до тех мест, куда только сможет добраться человек. Но
Дубовая равнина очень нуждалась в учителях, а миссионеры не могли дальше жить среди лису: такая работа оказалась слишком тяжёлой для здоро-вья белой женщины. Возвращение Андреаса вселяло надежду, ;
что могут прийти новые сотрудники. И они пришли. После этого Пайне дал долгожданное согласие на продвижение вперёд н предложил, чтобы один из новых добровольцев. Лука, пошёл с Иовом на север.
Опытный миссионер знал, что путь, по которому этим дво-им предстояло подняться выше по ущелью, самый тяжёлый в Китае. Так было и в прошлые дни язычества. Значительная часть этого района справедливо называется округом разбойников. Разбойники появлялись неожиданно и безжалостно убивали путников, чтобы обобрать их. Но не только страх перед жестоки-ми людьми мог заставить благовестников отказаться от своего намерения. Были и другие трудности. Чем дальше продвигаешь-ся, тем больше проблем с пропитанием. Как часто испытывали это на себе благовестники и затягивали свои ремни потуже, но их сердца стремились покорить Господу и этот район.
Бог зовёт к высокой цели:
Поработать для Него;
О пойдём, чтоб нам на деле
Славить Бога своего!
Будем ревностно трудиться
Здесь иль там, вблизи, вдали;
Пусть же всякий вдохновится:
"Я готов, меня пошли!"
Можно представить себе радость обоих, когда после пяти-дневного путешествия на север от Дубовой равнины они встрети-ли пожилого человека, который приветливо заговорил с ними.
- Дети, вы путешествуете в этих местах? - удивлённо спросил он, глядя на их цветную одежду и пакеты с книгами.
- Да, мы учителя и пришли, чтобы рассказать вам о жизни после смерти,- отвечал Иов. (Позже он нам рассказывал, как везде проповедовал о воскресении.)
- Ого, разве это не чудесно! - обрадовался пожилой мужчина и сел на край дороги.- Мы слышали, что учителя, рассказывающие об этом, пришли в верхнюю часть Салуина, и я так хотел их послушать. Я собирался уже послать двух своих сыновей вниз поискать вас. А-ег! А-ег! Какой чудесный день для меня! Вы переночуете у меня, не правда ли? Давайте сразу пойдём, ведь вы, наверное, голодны и хотите пить!
Так, возбуждённо приговаривая, он ввёл благовестников в деревню и в свой дом.
- Я ведь знал, что моё побуждение пойти в этот район бы-ло не случайным и исходило не от меня! - воодушевлённо вос-кликнул Иов, следуя с другом за пожилым человеком.
И он был прав. Так начиналось новое время жатвы, жатвы в районе Луды. Сегодня там примерно две тысячи христиан.
Позже, в 1932 году, посещали север Луды миссионеры из других миссий и из Тибетской пограничной миссии. Все их старания были направлены на штурм "неприступного замка".
Но этот оплот сатаны, который столько столетий оставался неприкосновенным, ещё не пал. Борьба была ещё не окончена. Победа доставалась дорогой ценой. Трое

белых миссионеров и один местный житель похоронены в районе Луды, а в Дубовой равнине возвышаются, как часовые на страже, две могилы миссионеров-лису.
В течение месяца учили Иов и Лука новообращённых, пока Пайне не позвал их назад. Услышав о хороших результатах их работы, он предложил, чтобы Лука в сопровождении Ла-ма-ву возвратился назад, а Иов перешёл на другое место.
Уже минуло несколько месяцев с тех пор, как Иов и Ла-ма-ву оставили свои дома, но ни один из них не думал о возвраще-нии. Ещё несколько месяцев работы в окрестностях Луды при-влекли много семей ко Христу. После этого молодые евангелисты наконец-то собрались в обратный путь в Дубовую равнину. Ла-ма-ву намеревался оттуда вернуться к своей семье в Мухенгпо. Когда они приближались к деревне Олений пруд, он вдруг не-ожиданно стал жаловаться на плохое самочувствие, но так как им оставался всего лишь день пути, то они решили не останавли-ваться, чтобы скорей дойти до белого миссионера, который мог оказать медицинскую помощь. От Оленьего пруда нужно было подняться ещё на 600 метров. Это очень тяжёлый подъём. Они не | предполагали, что страшная Салуин-лихорадка уже протянула свои смертоносные руки к молодому Ла-ма-ву. Когда они нако-нец-то преодолели вершину и уже вскоре должны были увидеть деревушку Дубовая равнина, Ла-ма-ву как подкошенный замертво упал на землю. Ему было всего двадцать три года... Это была тяжёлая утрата для его верного друга, которому пришлось похоронить
его возле дороги в чужой стране, далеко от жены и ребёнка. Деревья
и высокие горные травы беззвучно склонялись над| могилой, а внизу на глубине 2600 метров журчал Салуин. |
Я услышала эту печальную историю в 1938 году перед Пасхой. Это был мой первый праздник Пасхи среди лису. Мы хотели
объяснить растущей церкви смысл праздника Пасхи, и я спросила Иова, который снова работал в ущелье:
- Есть ли вблизи могилы?
И он рассказал мне тогда всё о Лама-ву. Я была глубоко потрясена.
- Поставили ли ему памятник? - спросила я.
- Лису не ставят памятников, мама,- ответил он.- У Ла-ма-ву нет даже настоящей могилы. Кажется, она осела, и через несколько лет я уже не смогу найти её. Я думаю, что я - единст-венный в округе, кто знает, где она находится. Я не раз думал, что нужно что-то сделать, но мы все так заняты.
- Нет, не настолько заняты, чтобы не ухаживать за местом отдыха одного пшеничного зерна нашего небесного Отца, одного зерна, отдавшего свою молодую жизнь для того, чтобы Евангелие достигло верхней части дикого ущелья. Церковь лису не должна забыть Ла-ма-ву. Будет правильно и уместно провести первое пасхальное богослужение у его могилы.
В пасхальное утро мы находились в христианской деревуш-ке Пограничная гора - самой близкой к могиле Ла-ма-ву. Рано утром Иов, его жена Рода, девочка-носу по имени Дорка и я то-ропливо шли по деревне, лежащей в глубоком сне. Мы останови-лись на одной скале и разбудили христиан гимном: "Христос Господь сегодня воскрес!"
Вначале вокруг было холодно и темно. Окружающие нас горные вершины угрюмо чернели на фоне светлеющего утренне-го неба. Пока мы пели, стало светлеть над одной из восточных горных цепей. Лучи восходящего солнца проникали в глубокие пропасти, оживляли высокие скалы и изуродованные сосны на них и освещали бедные хижины лису. Вот так и любящее сердце Ла-ма-ву стремилось принести весть о воскресении в холодную мглу язычества, вот так и он видел глазами веры пробуждение язычества под лучами всепроникающего Божьего света. И теперь гут и там освобождались души от тьмы и стремились к свету, готовые отдать себя полностью на дело Божье, готовые идти на жатву Господина своего, заменив первого в этих местах вестника спасения, подкошенного серпом смерти.
В то время как мы продолжали петь: "Я знаю, жив мой Ис-купитель", мы увидели силуэты людей, спешащих к нам. Они на ходу застёгивали пуговицы на одежде и присоединялись к поющим
на скале. Это было потрясающее зрелище - прообраз того, что Ла-ма-ву предвидел в духе. Когда он умер, Хомай, Ме-до-ме-па, Лия и многие другие стали достоянием Христа, и те-перь они стояли на скале и пели гимн искупления, радуясь свету, который начал проникать во все уголки ущелья.
К концу песни нас было четырнадцать. Мы пошли в ма-ленькую деревянную часовню, склонились на колени и вместе помолились. Потом мы разошлись, чтобы позавтракать. Позже мы провели ещё одно пасхальное богослужение, на котором

присутствовало ещё больше лису. Мы рассказали им о своих планах поставить на могиле Ла-ма-ву памятник.
Днём мы отправились в путь по горному склону, идя по тропе цепочкой по одному. Молодые, сходя с тропы, срывали по пути ярко-красные рододендроны.
На одной крутой тропинке, вьющейся высоко над берегом реки Салуин, Иов внезапно остановился и стал присматриваться.
- Здесь, вблизи сосны должна быть могила,- сказал он.
И действительно, она была здесь, заросшая буйной дикой травой. Мы стали собирать камни и воздвигли Ла-ма-ву могиль-ный памятник по китайскому обычаю. Когда был построен гро-бовой холм, женщины взяли прекрасные красные рододендроно-вые ветки и сделали из них в середине памятника крест, как символ креста, ради которого умер Ла-ма-ву. Потом мы украсили могилу благоухающими белыми рододендронами.
Так как Иов был другом Ла-ма-ву, мы попросили его ска-зать слово и расположились вокруг него группами. Иов избрал текст из 1 Кор. 15,53: "Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление". Когда он окончил, мы спели гимн, который поют лису всем умершим:
Мы у берега земного;
Там за бурною рекой Виден берег жизни новой, Жизни вечной и святой. Будем с верою живою Ждать Вождя чрез Иордан, И Он Сам Своей рукою Приведёт нас в Ханаан.
Возвращаясь домой по горной тропе, мы ещё раз спели припев. Эхо вторило над одинокой могилой:
...И Он Сам Своей рукою Приведёт нас в Ханаан.
В сентябре мы с мужем и ребёнком поехали в отпуск на ро-дину. Наш путь лежал мимо могилы Ла-ма-ву. У маленького холма под сосной я на мгновение остановилась и ещё раз огляну-лась назад, чтобы в последний раз приветствовать нашу лисустрану.
Был ясный солнечный день. Синее небо с плывущими по нему лёгкими облаками ласково склонилось над могучими гор-ными вершинами, тень от которых падала на изумрудный бархат плоскогорья. Картину прекраснее невозможно себе представить. Куда ни взглянешь: на противоположную ли сторону ущелья или вперёд, на горизонт, где кажется, что два берега сливаются в одну долину,- везде, куда бы я ни посмотрела, виднелись маленькие деревушки, отчаянно цепляющиеся за крутые склоны гор, эти маленькие гнёзда над зияющей пропастью, гнёзда, жители которых нашли расселину в скале спасения.
Мы оставляли церковь примерно с 1200 членами, не считая приближённых. Я обернулась к одинокой могиле у края дороги и прошептала;
- До свидания, Ла-ма-ву! Семя принесло плод уже не в сто, а в тысячу крат.

Третья глава
"Дерево, посаженное при водах

В маленькой полутёмной хижине, напоминающей магазин старьёвщика, собралась озабоченная семья лису.
Сквозь едкий дым можно было различить примостившийся у стены запылённый шкаф, возле которого пристроились два грязных ведра, и единственную низкую кровать возле огня в середине комнаты. Время от времени оттуда слышится стон, сопровождаемый лихорадочными движениями больной.
- Это случилось потому, отец, что мы стали христиана-ми,- говорит один из молодых мужчин.- Демоны разозлились на нас. Если этот Иисус, о Котором рассказывали учителя, такой сильный, то почему Он допустил, чтобы бесы укусили нашу мать? Она была здорова до этого. Я предлагаю отказаться от всего и возвратиться к нашей вере. Принесём жертву демонам и позовём деревенского колдуна, пока мать ещё не умерла.
В центре группы сидит девушка лет семнадцати и озабо-ченно смотрит то на одного, то на другого. Потом она решается
возразить:
- Учителя говорили, что Иисус исцелял больных, когда жил на земле,- и добавила:
- Болезни происходят не от укусов демонов. Но если мы больны, то можем молиться именем Иисуса.
- Так! - резко повернулся к ней старший брат.- Ты всё-таки молилась... Я видел тебя недавно на коленях у постели мате-ри. Будто мы можем молиться! Где учитель, который мог бы сказать, как нам молиться? Белый человек вернулся назад в Паушан, а те трое лису пошли вниз по ущелью; кто знает, где они сейчас находятся?

Снова слышатся стоны больной, и все взгляды опять обра-щаются к ней.
- Отец, решись же! Мать сильно болеет,- сказал со зло-стью один из сыновей.
Старый человек откашлялся:
- Это будет нехорошо, если мы вернёмся к старым обыча-ям. Ведь мы были первой семьёй, принявшей христианство, и белый человек сказал, что он вернётся назад. Он хочет переехать в Олений пруд и обещал принести с собой медикаменты.
- Он может вернуться и через несколько месяцев,- пере-бил его второй сын.- К тому времени мать уже давно умрёт, если мы будем так долго ждать. В деревне все осуждают тебя, отец, что ты не зовёшь колдуна.
- Ну, тогда,- сказал старый, человек, будучи не в силах противостоять общественному мнению,- тогда мы, значит, отпадем. Вы, сыновья, зовите сами колдуна, я этого не сделаю.
- Конечно, я пойду.
Один из сыновей встаёт и поспешно выходит из хижины. Молодая девушка, закрыв лицо руками, сидит неподвижно. "Благословен человек, который надеется на Господа, и которого упование - Господь. Ибо он будет как дерево, посаженное при водах и пускающее корни свои у потока; не знает оно, когда приходит зной; лист его зелен, и во время засухи оно не боится..." (Иер. 17,7-8). Внешне она совершенно спокойна, но в душе её неистово бушует пламя мучительных терзаний. Неужели всё потеряно? Как можно теперь оставить эту не-давно обретённую радость и свободу? Как ликовало её сердце, когда она поняла весть воскресения, а ещё больше - когда полу-чила ответ от одного лису-учителя.
- Да, это и для женщин. Женщины так же хорошо учатся писать и читать, как мужчины.
Чудесный Иисус, Который приносит свободу женщинам всех стран. Как ликовало её сердце в радостном ожидании! Но как жестоко уничижали её родные за любознательность.
- Что, в школу идти? Учить китайский язык? О нет! И не думай об этом! Это только для мужчин. Не тянись за тем, чего ты никогда не достигнешь. Тебе, как и всем остальным, нужно обра-батывать землю, шить одежду, рожать детей, служить мужчинам. Тебя ожидают неприятности, если будешь хотеть большего,- так повторяли ей снова и снова. Её усиленно принуждали вернуться к старому образу жизни лисуженщин,
напоминая, что она - лишь одушевлённая собственность.
Закрыв лицо руками, молодая девушка пытается предста-вить себе своё будущее. Но куда бы она ни обращалась, везде
встречает её тьма и безнадёжность. Если наш внутренний человек укореняется только на собственных мыслях, тогда он находит не что иное, как сухую почву, но "благословен человек, который надеется на Господа" (Иер. 17, 7).
Она ещё не уверена, что имеет источник живой воды. Она ещё не научилась в духе пускать корни веры, чтобы достигать престола благодати. Бедное маленькое растение! Сколько таких же маленьких растений было выкорчевано ураганом искушений! Но в это время в её сердце блеснул луч надежды. Господин Пайне сказал, что вместе с женой переедет в деревню Олений пруд. Это всего четыре мили от её дома. Она может тайно уходить из дома и учиться... Нет! Она не вернётся назад на старый путь, когда её взору уже открылась картина новой, чудесной жизни. Назад в тёмное язычество и связанное с ним рабство?! Нет, лучше уме-реть! Она упрямо сжала губы, и вдруг в хижину ввели колдуна.
Неизвестно, как ей удалось сбежать, когда колдун начал своё дело. В зависимости от тяжести заболевания нужно было зарезать или курицу, или свинью, или корову. Жертвоприноше-ние сопровождалось бормотанием магических заклинаний. Затем мясо варили и приготовлялась большая трапеза. При этом и она, Хомай, должна была помогать. Единственный выход - побег. Если она не вернётся, пока не окончится эта процедура, тогда она свободна. Никто не сможет упрекнуть её в отпадении. Но отсут-ствие при таком важном деле жестоко каралось.
Я видела женщин, которых за это били. Одна была так из-ранена, что несколько дней не могла подняться. Я видела и дру-гую, которая после перенесённых побоев всю жизнь страдала от ужасных головных болей.
Несколько лет спустя, когда эта девушка лучше всех читала и писала в церкви лису (не исключая и мужчин), я спросила её:
- Как ты смогла этого достичь, Хомай?
- Они наказывали меня, если узнавали, что я ходила на проповедь в Олений пруд. Поэтому я начала считать дни и соби-рала дрова для костра по субботам и воскресеньям. Так как языч-ники не считают время, как мы, неделями, то и не

знают воскре-сений. Я собирала дрова возле Оленьего пруда и, благодаря этому, каждую субботу тайно ходила на молитвенный час, а в воскресенье - на три богослужения. После собрания я тяжёлой вязанкой дров на спине я отправлялась в обратный путь. В большинстве
случаев всё обходилось благополучно, но иногда меня обнаруживали и мне приходилось дорого расплачиваться за это.
Её просьбу о крещении отклонили. Но в этом нельзя сильно винить учителей-лису, ведь они пережили разочарование, когда услышали об отпадении семьи, которая первой в ущелье обрати-лась из язычества ко Христу. Конечно, никто не придал значения мимоходом оброненному примечанию "кроме старшей дочери". Вот какова ценность девушки в восточном мышлении! И кто видел, что Хомай действительно не участвовала в волшебстве?
Так нежный росток пробуждающейся новой жизни должен был сразу столкнуться с испытанием. Хотя Хомай ответила на вопросы лучше и быстрее других, но все остальные были приняты, а её просьбу отклонили, объяснив, что её дело нужно сначала рас-смотреть. Она смирилась и терпеливо ждала два с половиной года.
Но не только в семье у неё были трудности. Ещё одна про-блема мучила её: она была замужем. За несколько месяцев до того, как первые вестники спасения пришли к ним, в её хижине проводилась пирушка, что для язычников-лису означает то же, что и свадьба. При этом договорились, что молодой мужчина перейдёт в её дом. Он был несерьёзным парнем, и Хомай терпеть его не могла. Она не хотела с ним общаться, поэтому я не упоми-наю о нём, когда говорю о её семье. Он, казалось, нисколько не переживал от того, что Хомай не хотела иметь с ним дела. Он жил своей личной жизнью и совсем не заботился о выполнении договорённости. Оба отца договорились о свадьбе, не спросив прежде согласия у парня, который вовсе не стремился к этому. Когда Андреас (так звали жениха) прибыл в их деревню, он тоже решил стать христианином, но, как и многие другие, вскоре воз-вратился к старой жизни. Хомай была лишь только формально его женой, и когда он позже сбежал с другой девушкой, она всем сердцем славила Бога за чудесное освобождение.
Но этот побег в глазах окружающих был позором для семьи Хомай, отчего её родственники были сильно разгневаны. За согласие Андреаса переехать в семью жены, чтобы там помогать в сельском хозяйстве, они заплатили его родителям большую сум-му. Теперь все эти деньги были потеряны. Вернуть их можно было только через суд, так как семья жениха оправдывала его побег нежеланием взять в жёны христианку. Горькие упрёки день и ночь сопровождали бедную девушку. Ещё тяжелее ей было
оттого, что мать её всё же умерла, а колдун утверждал, что его слишком поздно позвали. И в глазах семьи опять виновна была она. Но наконец развод состоялся, и
Хомай снова была свободна.
- Мы выдадим тебя замуж за язычника. Он выгонит из те-бя эту дурь,- часто слышала она теперь такую угрозу, которая омрачала радость вновь полученной свободы.
Безропотно и старательно выполняла она всякую работу в доме, рассчитывая этим заслужить расположение отца. Она была ему послушна во всём, что не касалось её веры.
К этому времени она научилась пользоваться своими кор-нями веры. Уже несколько месяцев жили миссионеры Пайне в Дубовой равнине, и Хомай имела возможность слушать их про-поведи и поняла, что она имеет свои "корни" и сокровенную связь с
Богом в своём сердце. Её "корни" окрепли, почувствовали внутреннюю силу, и хотя внешне жизнь её не изменилась, сокро-венные корни веры жадно тянулись к живой воде. Она на собст-венном опыте убедилась, что Бог слышит её молитвы во имя Иисуса. Но почему Он допустил смерть матери - этого она не могла понять. Она заметила, что не на все молитвы получала ответ сразу же и часто он был не таким, как она ожидала, но рано или поздно ответ приходил. Какое чудесное преимущество теперь было у неё! Ей была подарена тайная сила, с помощью которой она могла побеждать и изменять самые неблагоприятные обстоя-тельства, сила, против которой отец и братья ничего не могли сделать. Она чувствовала себя свободной, и это наполняло радо-стью её сердце. Благодарность и любовь к небесному Отцу поро-дили в ней желание верно служить Богу.
Когда она встречала языческую девушку, непроизвольно восстающую против несправедливости и пытающуюся стряхнуть с себя цепи рабства, она говорила сама себе: "Я не такая, как она, я имею вечную жизнь, которая живёт и действует во

мне". И она старалась любовью рассказать несчастной девушке о своём при- ., обретении. ;
В это время она серьёзно молилась о двух вещах - о замуже-.;
стве и о возможности свободно посещать богослужения. Каждый. день она приносила эти нужды в молитве перед небесным Отцом.]
Однажды в их хижину пришёл человек из деревни Медве-| жий пруд. Хитро улыбаясь, он спросил, где отец. Когда тот пришёл, незнакомец объявил цель своего визита: предложение длхй;
Хомай выйти замуж за парня из Дубовой равнины. Этого молодо-го человека звали Филиппом.
Я не знаю подробностей свадебного договора. Лису-христиане не платят денег за невесту, ведь эти деньги означают в язычестве тяжёлые оковы. Именно из-за денег молодые мужчины часто бывают не в состоянии жениться или остаются на всю жизнь в
долгах. Поэтому церковь лису решила выдавать своих дочерей замуж без обычной платы. Христиане не имели права обручаться с девушкой-язычницей и жениться без согласия церкви.
Филипп же заплатил определённую сумму за Хомай. Хотел ли он этим покрыть её расходы за развод или был в то время язычником, я не знаю, но получалось, что он
был послан в ответ на молитвы Хомай. Хотя Филипп ей не очень нравился, но он обещал, что они оба будут принадлежать к церкви. Могло пока-заться, будто Хомай молчанием и послушанием одержала победу над своей семьёй, но причина была глубже: она молилась. Свадь-бу пришлось по каким-то причинам отложить, но она молилась дальше о беспрепятственном посещении богослужений.
Неожиданно пришёл ответ и на эту молитву. Через другую белую миссионерку она получила обильное благословение и новую радость. Семья Пайне поехала в отпуск на
родину, а суп-руги Кук, последователи Фразера в работе среди лису, решили работать в верховье Салуина. Лайла Кук была любимицей всех лису. Её приветливое, открытое лицо всегда светилось радостью, и само её присутствие приносило благословение. Я слышала однажды, как рассказывал один из их посыльных:
-- Не существует ничего в этом мире, что могло бы лишить её внутреннего покоя!
По пути в деревню Сосновая гора Лайла совсем немного побыла в деревне Хомай, но девушка рядом с ней почувствовала себя утешенной. Через несколько месяцев она получила письмо от Лайлы. В нём сообщалось, что семья Кун хочет переехать в Дубовую равнину, чтобы работать и среди её народа. Письмо заканчивалось словами: "Госпожа и господин Кун будут нуж-даться в чьей-то помощи, и я была бы благодарна, если бы ты согласилась для них готовить. Как ты на это смотришь?"
Готовить для миссионеров? Я представляю, как Хомай смеялась над этим предложением. "Я не умею этого!" Другие сказали бы то же самое, потому что никто из лису не хотел бы
служить. Несмотря на свою бедность и на то, что миссионеры всегда стараются дать работающим у них хорошую еду и лучшее жильё, чем они привыкли, всё равно лису предпочитают свобод-ную, независимую жизнь.
Чем дальше Хомай обдумывала это предложение, тем больше оно ей нравилось. Наконец она решила, что жить с белой женщиной не так уж страшно, во всяком случае с Лайлой Кук - точно. И тогда она сможет свободно посещать богослужения, всегда, когда только захочет. Может быть, там будут собираться каждый вечер, и она сможет многому научиться, например, петь! Как она любила петь! Она заметила, что может петь тенором и басом точно так, как мужчины. Дом миссионеров будет центром христианской деятельности, к ним будут приходить евангелисты, а также многие другие - это было бы очень интересно!
Согласится ли отец на это? Хомай знала, как можно до-биться его согласия. К счастью, был декабрь, самый спокойный месяц в году. Полевые работы окончены, и женщины пряли и ткали полотно для одежды. Если Хомай вечерами будет немного дольше работать, а утром пораньше вставать, таким образом она скорее закончит свою зимнюю работу и сможет сказать отцу, что ей очень хочется пойти на несколько дней в Сосновую гору по- д мочь новой маме. Если же она задержится дольше, тогда часть её зарплаты заставит отца замолчать.
Так молитва и вера изменили обстоятельства её жизни. Ми-лостивый Господь запланировал для неё такое чудесное избавле-ние! Спасающую милость Его видела Хомай в каждой ситуации Я повседневной жизни. Так это молодое растение, постоянно пита-ясь от источника жизни, становилось всё крепче и сильнее.

Я и не представляла себе, что Бог приготовил для меня та-кой подарок, когда мой муж, остановил носильщиков у одной маленькой, вытянутой вдоль ущелья "неприступного замка" деревушки лису.
- Белла,;- обратился он ко мне,- в одной из этих бедных хижин живёт приветливая девушка-христианка. Мы будем у неё обедать. Будь поласковее с ней, она нуждается в утешении. Ту сможешь с ней побеседовать, так как она говорит немного покитайски.
(В то время я ещё не владела языком лису.)
Госпожа Кук писала мне, что будет тяжело найти лису-посыльного и что мне следует позаботиться об этом ещё до того,,!
как я туда перееду. Но тогда я с любопытством разглядывала сараи для свиней и пыталась затянуть свою трёхлетнюю дочь в хижину лису и вообще не думала о посыльном. Мои мысли были заняты бедной девушкой-лису, нуждающейся в утешении, и
предстоящим обедом, который хотелось провести по возможно-сти в чистоте. И вскоре я увидела её, спешащую к нам навстречу, маленькую, круглую, с приветливой улыбкой на грубоватом лице.
- Мама, Мала! - радостно приветствовала нас девушка. Но потом вдруг, повидимому, вспомнила, что язык лису для меня ещё непонятен, и сказала с почтением: - Чужая госпожа, мир вам.
Я полюбила её с первого взгляда. Её опрятность в одежде, старательность, с которой она мыла рис, её скромное поведение и уверенные, спокойные движения понравились мне. Я вниматель-но наблюдала за ней. Заметив это, она смущённо улыбнулась.
- Не смущайся, что я так пристально смотрю на тебя,- сказала я ей.- Я до сих пор почти не видела девушки-лису.
Она же думала, что я изучаю свою новую повариху. Она была так ласкова с нашей дочерью: заботилась о том, чтобы у неё был самый мягкий рис, сполоснула её миску, хотя та выглядела вполне чистой, нашла для неё тёплое местечко у огня и делала всё возможное, чтобы создать уют для малышки. Это была счастли-вая трапеза, но нам нужно было идти дальше. Я думала, что по-прощалась с ней навсегда. Но на следующий день, когда мы со-бирались в путь, перед нами внезапно появилась наша маленькая хозяйка. На спине она несла узел с постелью и выглядела так, будто собиралась отправиться в дальнее путешествие.
- Думаешь, она пойдёт с нами? - спросила я своего мужа Джона.
Он, казалось, был удивлён не меньше меня.
- Меня бы не удивило, если бы она пришла тебе слу-жить,- ответил он.- Но возможно ли это? Я не могла поверить этому.
- Ты пойдёшь с нами? - спросила я неуверенно. Она ответила, смеясь:
- Если вы этого хотите!
Хомай теперь принадлежала нам. Отныне это маленькое растение имело все возможности для беспрепятственного духов-ного роста. И сейчас я хочу рассказать читателю отдельные слу-чаи из нашей жизни. Они дают ясную картину жизни миссионеров
в "укреплённом замке" в первые дни. В первом письме, напи-санном в декабре 1934 года, мы сообщали:
"Я возвожу очи мои к Божьим горам, Откуда помощь приходит в тёмной ночи. Божья помощь на вечных крыльях Моё сердце покоится в тёмной ночи.
Вот мы наконец в горной стране западного Инана и воочию видим величие творения Божьего. Тишина в природе нарушается лишь глухим гулом дикой реки Салуин в сотнях метров под нами и мелодичным звучанием голосов лису. Мы рады возможности прогуляться по окрестностям и насладиться красотой этой горной страны. Узкая тропинка ведёт нас к подножию Сосновой горы. Остановимся на минуту и поднимем глаза к горным вершинам. Видели ли вы когда-нибудь такой хаос горных вершин? Под голубыми небесами возвышается самая высокая и величественная горная цепь. Крутые склоны горных хребтов поросли соснами. Насколько можно охватить взором, тянутся закруглённые паст-бища, а у подножия гор среди мощных скал вьётся Салуин. Удив-ление, благоговение и тихая радость наполняют сердце при мыс-ли о словах Создателя: <Вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом и они будут Моим народом> (2 Кор. 6,16)".
Однажды вечером, когда мы с Хомай были на прогулке в этих местах, вблизи послышался чей-то голос. Я посмотрела вверх и вниз - здесь почти нет ровного местечка,- но никого не увидела. Хомай улыбнулась и дёрнула меня за рукав, показывая вниз, на вторую тропинку, которая тянулась вдоль склона при-мерно на

тридцать метров ниже.
- Пу-фу-зе-па,- сказала она просто.
Мои глаза, ещё не привыкшие к новой среде, наконец увиде-ли фигуру на узкой тропе. Уставший человек прислонил свою тяжёлую ношу к скале и, склонившись на пыльной тропе, разгова-ривал с Богом. Горный ветер уносил его голос вверх, и казалось, что он находится совсем рядом с нами. В стране лису можно мо-литься везде, где бы ты ни находился. Если кто-то проходит мимо, молящийся не реагирует на это и спокойно продолжает молиться.
Но вот уже солнце прячется за высокие вершины. Холодное серо-синее покрывало зимних сумерек медленно спускается на горную страну, и мы спешим домой до наступления темноты.
Домой? В этой дикой горной местности нет ничего, напо-минающего дом. Но если посмотреть внимательно вперёд, заме-тишь две или три хижины, прилепившиеся к горному склону. Это и есть наш дом. В нашей хижине на земляном полу лежат бамбу-ковые половики. Мы живём, как котята в корзине. Крыша состо-ит из деревянных реек, лежащих на балках, скреплённых дубом. При постройке гвозди здесь не применяют, поэтому всё связывают дубом. В стенах дыры, так что кажется, что погода является членом семьи, который беспрепятственно выходит и заходит в хижину, когда ему вздумается.
Однажды утром во время завтрака к нам в дверь вплыло маленькое облачко, но в следующую секунду оно исчезло - я думаю, мы испугали его. "
Облака здесь являются настоящим чудом красоты. Я видела, как они, словно расшалившиеся дети, стелются по отвесным скалам и, ласкаясь, обнимают шею мощных горных великанов или легко скользят по крутым склонам и спокойно и величаво плывут над долинами в золотом сиянии солнечных лучей. Люди этих гор чем-то похожи на эти облака. Они нежно привязываются к тем, кто их любит, они так же не
прочь отдохнуть и повеселиться. Но в их жизни есть и спокойные мгновения, когда их сердца устремляются к Тому, Кого они называют своим "Солнцем правды".
Наши мысли были заняты предстоящим праздником Рожде-ства, а после него мы должны были поменять своё место пребыва-ния: переехать из Сосновой горы в Дубовую равнину. Христиане из Сосновой горы показали себя поверхностными, поэтому братский совет считал недопустимым задерживать белых миссионеров у себя в деревне. Кук тоже был согласен с таким решением.
И вот мы переезжаем. Мы поднялись по южной тропе при-мерно на три мили, но всё ещё находились в окрестностях Сосно-вой горы. Потом мы достигли высокой, поросшей старыми иска-леченными дубами горной вершины. Прямо из скал, возвышающихся над маленькой долиной, тянутся ввысь строй-ные сосны и оживляют своим зелёным нарядом панораму урод-ливых деревьев, цепляющихся за крутые горные склоны. На этой горной вершине расположилась деревушка Дубовая равнина, где живёт пастырь Ме-до-ме-па и где стоит блок-хижина Паде-Йоганнеса. Последний владел ещё участком земли на одном из горных склонов. Когда он узнал, что мапа Кук выбрал Дубовую
равнину как подходящий центр для миссионерской работы, то с сияющей улыбкой сказал, что отдаёт мапе в распоряжение эту землю и он может там жить совершенно бесплатно сколько захочет. Так в январе мы переехали в деревню Дубовая равнина.
В это время произошло событие, изменившее жизнь Хомай. Однажды вечером, когда я купала маленькую дочь, вдруг вбежала взволнованная, с пылающими щеками Хомай. Следом за ней вошла прачка и сказала:
- Пришёл жених Хомай.
Я не знала, что они были помолвлены и скоро должны были вступить в брак, поэтому я оставила ей свою купающуюся дочь и поспешила к задней двери, чтобы познакомиться с Филиппом. Он мне сразу не понравился, во всяком случае, на мой взгляд, он не подходил моей любимой маленькой поварихе. Мне он показался поверхностным и корыстолюбивым, и позже мои выводы под-твердились. Я возвратилась в дом и долго смотрела на Хомай.
- Хомай, ты ведь не его обручённая? - спросила я наконец. Она покраснела и нервно засмеялась.
- Дитя моё, не выходи замуж за этого парня. Разве ты не знаешь, что если ты выйдешь замуж за мужчину, который не равен тебе духовно, то он потянет тебя вниз? "Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными" (2 Кор. 6,14). В духовном смысле это место Писания относится и к тому случаю, когда дети Божьи могут, не подумав, вступить в брак с неверующими.
- Но я ему уже дала своё согласие, мама,- ответила она, по-моему, спокойно.- Мы

помолвлены, и ничего тут не поделаешь.
- Расторгай помолвку,- убеждала я её.
В то время я ещё не знала, что для девушки-лису или для парня помолвка подобна старозаветной еврейской помолвке и почти так же связывает, как брак.
- Если ты вступишь в брак с этим парнем, то от этого по-страдает твоё служение Богу. Только не это!
Она не спорила, и я не сказала больше ничего. Я и так ду-мала, что слишком много сказала, и это действительно было так., Поэтому больше об этом мы не говорили. Но я посеяла семя, которое было, как я верю, от Бога. Внешне Хомай оставалась такой же, но её душа вопрошала Господа о Его воле для неё. Однажды она попросила разрешения пойти домой. Несколько>! недель её не было.
Историю с Филиппом я почти забыла, но когда Хомай вер-нулась, я услышала от других, что помолвка расторгнута и Хомай теперь свободна. Я очень хотела поговорить с ней об этом, но она уклонялась от разговора. Да, она свободна, но её отец очень зол, потому что должен был вернуть деньги родителям Филиппа.
- Мой отец говорит людям обо мне как о бесплодной до-чери,- сказала она так спокойно, что я не могла понять, как тяжко было для неё это посрамление. "Бесплодное дерево" или "бесплодная дочь" на языке лису означает "бездетная женщина". Это в их глазах ужасный позор; я думаю, что его боятся больше, чем какого-нибудь внешнего фи-зического недостатка.
"Бесплодное дерево" ради Иисуса? Можете представить се-бе, что переживала Хомай! Должно быть, корни этого молодого растения в отчаянии простирались к Источнику, чтобы почерп-нуть из Него жизненных сил и выстоять в новом испытании. До смерти она несла позор этого имени, хотя для этого не было оснований.
Ещё некоторые отдельные эпизоды из миссионерских со-общений.
Июнь 1935. Хомай духовно возрастала. Она уже два раза говорила в собрании нечто необычное для женщины-лису. Я спросила как-то учителя-лису Иоганнеса, по какой причине среди лису нет женщин-проповедниц. Он сказал:
- Мы не препятствуем этому, но у нас нет таких женщин, которые были бы способны проповедовать.
Будем молиться, чтобы Хомай приобщилась к этому служе-нию.
Однажды пришёл А-за-ме-па и просил помощи. Зверь разорвал ногу до кости одному добровольному помощнику из деревни Равнина таволги. Медлить было нельзя. Я позвала Хомай, которая обычно сопровождала меня, и попросила её запаковать некоторые медика-менты. Муж остался дома с нашей маленькой дочерью, а мы с Хомай отправились в путь. К деревне вела дорога, круто спускающаяся вниз, и вот наконец мы у цели. Внешний вид деревни не соответствовал её красивому названию. Дома располагались в горной расщелине, отку-да не было видно ничего, кроме скал, лежащих напротив. Хотя Рав-нина таволги располагается ниже соседней деревушки Равнины сли-иового дерева, местность здесь более гористая.
Войдя в хижину больного, я сразу промыла ему рану. Нас
окружила толпа людей, с любопытством наблюдавших за каждым моим движением. Сделав перевязку, я спросила, где нам можно переночевать. Ма-фа-тсаи-па оглянулась. У одной стены стояла кровать больного мужа, напротив находилась постель для детей и , два угловых шкафа.
- О, ты с Хомай можешь спать на шкафах, - предложила она.
Я посмотрела на круглую маленькую Хомай, а она окинула взглядом мою худую длинную фигуру, и обе подумали об одном:
"Мы пойдём в часовню". Никто не расстроился, когда мы откло-нили предложение хозяйки.
В часовне постель была уже приготовлена. Она состояла из двух больших досок, положенных на скамьи. Так я имела редкую возможность принимать участие в вечернем богослужении, сидя на своей постели.
Обратно мы пошли вверх по крутой тропинке и неожиданно встретили Пу-хиа-ме, третью из наших служанок, которые вначале пришли к нам на помощь в стране лису. Но мы не могли её оста-вить у себя, так как поведение её было неприличным и церковь лису просила отослать её домой. Позже мы узнали, что она остави-ла Господа. Теперь она украсила себя большими серебряными серьгами, как языческая девушка. Ей было стыдно встречаться с нами и хотелось убежать, но этого она не могла сделать. Так как я ещё плохо говорила на языке лису, то попросила Хомай побеседовать с этой девушкой. Я видела, как Хомай, обняв её, плакала над ней. Но Пу-хиа-ме оставалась невозмутимой.
Всё же слёзы Хомай были не напрасны. Через некоторое время мы получили письмо: "Несколько недель назад неожиданно пришла Пу-хиа-ме и объявила, что снова хочет

принадлежать к церкви. Церковь уже слышала о ней и была подготовлена к её возвращению. Я как раз тогда болела, и муж рассказал мне, как Пу-хиа-ме снова приняли в члены церкви. Ей предложили открыто исповедать свой грех и помолиться перед всеми. Пресвитеры церкви провели длитель-ную беседу и задали ей ряд вопросов, так как лису следуют дис-циплине апостолов и отступившим нелегко снова вернуться в церковь. Но Пу-хиа-ме восприняла это спокойно и смиренно и тем самым доказала серьёзность своего раскаяния"
Хомай, как я уже говорила, сопровождала меня при посе-щении других деревень. В то время, когда я проповедовала или чем-то другим служила лису, она ухаживала за
нашей дочуркой, которая искренне привязалась к ней. Маленькую Катрин можно было спокойно с ней оставить, так как она обращалась с ней разумно во всех отношениях. В июле мы всей семьёй отправи-лись в северные деревни, где Господь благословил наш труд, но Катрин заболела малярией. В тот раз Джон и я поняли, что нам нужно быть готовыми время от времени разлучаться ради Госпо-да. Мы принесли бледную, исхудавшую маленькую девочку до-мой. Было очевидно, что путешествия с детьми в этой стране невозможны. В то время как один из нас уходил, другой оставал-ся дома с Катрин. Джон всегда утверждал, что "неприступный замок" - страна не для женщин, поэтому путешествия выпадали большей частью на его долю.
Не только для дочери, но и для других вышеупомянутое пу-тешествие было физически слишком тяжёлым. С тех пор мы старались в сезон дождей не путешествовать, так как это слиш-ком вредно для здоровья. Впоследствии мы придерживались этого правила, за исключением тех случаев, когда Бог ясно от-крывал нам, что нужно поступить иначе. Так как дождь делает невозможным путешествие для белого человека в эту пору, мы перенесли на лето длительные библейские школы.
Следующей целью Джона было Гоо-моо. Мы позже вер-немся к этому. Но в то время, когда он находился ещё в Бирме, я заболела незнакомой мне болезнью. Хомай в то время была дома и ухаживала за своим больным отцом. После его смерти она вернулась ко мне за день до того, как я слегла в постель.
Жила я на расстоянии шести дней пути до других белых людей, и ещё дальше было до
ближайшего врача. Мой муж нахо-дился где-то в Бирме, и с ним нельзя было связаться. Поэтому легко понять, что для меня означало возвращение Хомай. Конечно, она, как и все лису, не имела никакого представ-ления об уходе за больными. В то время я по-настоящему поняла, как страдают больные лису. Я лежала с высокой температурой, и мне очень хотелось принять ванну, но некому было мне помочь. Так проходил день за днём. У меня даже не было сил помыться. Как-то раз я попросила Хомай помочь мне вымыться. Она расте-рянно посмотрела на меня, вышла и принесла чашку горячей
воды, потом опустила туда свои руки и встряхнула ими надо мной. Это было всё, что она умела, а я была слишком больна, Я чтобы её учить. От разочарования я готова была заплакать.
Лису приходили ко мне каждый вечер: пели, молились обо мне. Когда же моё состояние заметно ухудшилось, Иов, который снова трудился в нашей местности, решил отправиться в отда-ленный город Паушан за помощью. Спустя четырнадцать дней он вернулся с сестрой Кэтлин Дафис и с девушкой Винифред Эмбе-ри. Теперь за
мной хорошо ухаживали. Но медицинское заключе-ния гласило: мне необходимо уехать хотя бы на короткое время в Китай, чтобы получить там лучшее питание.
Я спросила Хомай, поедет ли она со мной, чтобы помочь Я мне изучить язык лису. Она с радостью согласилась. ;
Но так как.отец Хомай умер, по закону она теперь принадлежала своему братуязычнику,
как наследственное имущество. Мы слышали, что он хотел заработать на ней деньги. Он имел право продать её в языческую семью как невесту или же как рабыню. Нам очень хотелось выкупить её. Помогая нам, она тоже могла бы постепенно заработать деньги для выкупа, но в этом были свои трудности.
Наша милая маленькая повариха стойко переносила эти испытания. Никогда ане забуду, как, находясь уже на пути в Китай,;| однажды вечером мы сидели вокруг огня во дворе дома для приезжих и наши носильщики запели песню. Один молодой евангелист, который сидел рядом с Хомай, шепнул ей: | -
Сестра, спой со мной басом. | Она вела партию баса лучше, и он хотел от неё научиться,^ Её лицо просияло, когда она услышала эту

просьбу. Хомай всегда| была готова оказать помощь ближнему.
В Китае мы были три месяца, и я старалась каждый день молиться вместе с Хомай. С одной стороны, чтобы упражняться в языке лису, с другой стороны, чтобы возгреть
в ней желание каждый день молиться о других членах церкви лису. Однажды, вечером,
когда мы склонились возле моей кровати, я почувствовала побуждение молиться об одном милом пресвитере из деревушки Нижний лён. Я не могла вспомнить его имя, поэтому молилась: "Благослови милого старого А-ва-ни-но, или А-ва-ти(нет, Вахи-киа-па",
после чего Хомай бросилась на пол и стала хохотать. Мне казалось, что
ей чересчур весело в то время, как
трудом пыталась вспомнить нужное имя. Но потом я подумала о том, что означает это имя и что я сказала. Все имена лису что-то обозначают, как у нас, например, господин Повар, господин Белый и т. д. Мы не задумываемся об их значении так же, как и лису. Когда я усиленно пыталась вспомнить имя, Хомай вдруг поняла истинное их значение. В переводе это звучало примерно так: "Благослови милого старого Свиную грязь, нет. Свиной жир, нет. Извергнутый свиной навоз". Так неожиданно окончился наш молитвенный час.
Я хочу этим сказать, что лису-язычники дают детям такие не-благозвучные имена для того, чтобы обмануть злых духов, которые должны думать, что дитя не представляет никакой ценности, как и его имя. Тогда они не украдут его, то есть ребёнок не умрёт.
Но эти имена часто настолько отвратительны, что мы даём христианам-лису новые, библейские имена, если человек дейст-вительно возрождённый. Мы назвали Хомай "Фива", но мало кто называл её этим именем. Мы полюбили её как Хомай, а Хомай означает просто "девочка".
В Китае Хомай заботилась о нашей дочери, стирала нашу одежду или находила себе другую работу. Поэтому в конце месяца я дала ей обычную плату. Она недовольно посмотрела на деньги в своей руке. Потом взяла половину, а остальные отдала мне назад:
- Возьми их, пожалуйста, назад, мама. Я ведь не так рабо-таю, как дома. Я бы поступила нечестно, если бы взяла плату за полный рабочий день.
Я упоминаю этот случай, чтобы показать, какие прекрасные плоды созревали на этом маленьком дереве. Для христианина, кто бы он ни был, белый или жёлтый, нет лучшего свидетельства, чем его отношение к деньгам. Хомай же была совершенно свободной от пагубной привязанности к деньгам. Если учесть, что Хомай впервые видела китайский базар и это обилие красивых мелочей, которые бы она с удовольствием купила, тогда лишь можно по-нять цену её добровольного отказа. Она предпочла иметь "незапятнанную совесть пред Богом и пред людьми". А вы стави-те ли это превыше всего?
Мне хочется ещё рассказать о небольшом событии, раскры-вающем нежность и чуткость юного сердца Хомай. Приведу здесь отрывок из своего старого письма:
"Январь 1935 года.
В последнее воскресенье, придя утром на кухню, я увидела печальную картину. Самуил сидел на полу, закрыв лицо руками, и часто всхлипывал. Справа стоял плачущий Иов. Слева Хомай . роняла слёзы в чашку. Лишь Ме-до-ме-па изо всех сил старался выглядеть мужественно.
- Почему вы плачете? - шепнула я Хомай.
- Потому что Иов плачет, о несчастье Самуила,- всхли-пывая, ответила она.
Несчастье Самуила заключалось в следующем. Он был же-нат на сестре Филиппа, но не любил её и никогда не жил с ней. У него было лишь одно желание: отделаться от
неё и совершить побег в Луду. Иов узнал о его намерении и пошёл объяснить ему, что он не должен этого делать. Молодой человек так переживал, что все были тронуты до глубины души его страданием.
Склонившись над ним, я чувствовала свою абсолютную не-способность смирить пыл его независимой натуры, поэтому в сердце своём воззвала к Богу: <О Боже, Ты один способен сми-рить это сильное упрямство под своё ярмо>. И милостивый Гос-подь сжалился над ним и помог ему преодолеть эти искушения. Когда он после долгой внутренней борьбы наконец успокоился, мы старались подготовить его к этому трудному пути с крестом, ибо никто не может помочь нам нести крест, кроме Иисуса. Это много значит, если человек доверяет себя Господу, подчиняясь Его воле. В данном случае Самуил должен был решиться на воз-вращение в свой дом

(бедную лису-хижину), где не услышишь доброго слова от хозяйки.
Хомай были знакомы эти переживания и борьба Самуила. Она вспомнила оковы, некогда связывающие её с Филиппом, и освобождающую силу Божью, поэтому не могла удержаться от слёз при виде этих страданий. Не только миссионеры из своих рабочих кабинетов помогают церкви преодолеть трудности. В этом случае Бог использовал молодую лису-христианку, и про-стая кухня стала местом духовной победы. Это чувствовал каж-дый. Чего не смогла достигнуть госпожа, сделала её повариха".
В эти дни Хомай делила с нами ещё одну трудность. Ма-ленькая старая хижина, в которой мы жили примерно год, была неблагоприятной для здоровья. Поэтому было решено построить на этом месте дом из деревьев, растущих на склонах гор. Для этого нужно было примерно тридцать стволов. Февральское сообщение так рассказывает об этом:
"День за днём раздавались сильные удары топора. Слышно было, как лису с шумом обрубали ветки и обтёсывали стволы, чтобы превратить их в четырёхгранные столбы. Без устали пела свои монотонные песни пила, распиливая стволы на поперечные балки и доски. В обед с горного склона спускались мама (то есть я), Катрин и Хомай, нагруженные корзинами. Из сосновых щепок разводили костёр, и все собирались на обед. После этого работа продолжалась ещё долгих полдня. И лишь с вечерними сумерка-ми возвращался уставший, весь в сосновых опилках Джон.
После трёхнедельной подготовительной работы нам пред-ложили освободить своё жилище. Мы нашли временное приста-нище в обветшалой маленькой блочной хижине, единственном свободном месте в деревне. Мы навели в ней порядок, украсили стены стихами из Библии и картинами, постелили свои старые, но всё ещё хорошие дорожные одеяла, внесли маленькую фисгармо-нию и на полки, сделанные из ящиков, поставили любимые кни-ги; задёрнули их цветной хлопчатобумажной занавеской, и наша хижина теперь выглядела так уютно, что мы её очень полюбили.
Печально смотрели мы, как ломали нашу прежнюю хижину. Но какова была наша радость, когда на этом месте впоследствии появилось солидное строение".
Но ещё не успели сплести стены, как начались проливные февральские дожди. Вскоре должны были прибыть Аллин и Лай-ла Кук, так как мы запланировали вместе провести библейскую школу для лису. Проходили дни за днями, а строительство дома из-за непрекращающегося дождя продвигалось медленно. Джон страдал от сильной зубной боли. Щека у него сильно опухла, он чувствовал себя очень плохо, и ему не оставалось ничего другого, как только наблюдать за плетением бамбуковых стен.
Работа Хомай тоже была нелёгкой. Она готовила пищу под временно сделанной крышей, в то время как почва под её ногами превращалась в мягкую массу. Как она могла готовить в этих условиях - это было для меня загадкой, но она неизменно оста-валась весёлой и довольной и была всем нам благословением.
- Мама, гости не смогут сюда прийти, ведь дождь идёт не переставая. Ты ведь знаешь, какими бывают тропы в такую погоду. Можешь их не ожидать на этой неделе,- говорили лису-женщины.
- Возможно, это и так, но они писали, что хотят сегодня вечером или завтра утром быть здесь. Так подготовим всё к их приходу или нет? - пыталась я ободрить их.Давайте
пригото-вим спальню и, насколько возможно, столовую, а остальное
оста-вим как есть.
При такой погоде лису обычно не работают, но маленькая группа верных друзей была согласна с моим предложением и весело приступила к работе, хотя все они были одеты слишком легко для такой сырой и холодной погоды. Хомай приносила им горячий чай или кипяток с мёдом.
Вечером в субботу стены в обеих комнатах были готовы, и можно было принимать гостей. Во время уборки вдруг послы-шался крик с горного склона:
- Идут, они идут!
Джон, который чувствовал себя уже лучше, вбежал в хижину.
- Белла! Друзья здесь! Они здесь. Они уже преодолевают последний подъём.
Мы выбежали из хижины. Джон - направо, чтобы встре-тить наших гостей, я - налево, в наш блочный домик за поло-тенцем и одеялами, которые я убрала в ящик, чтобы уберечь их от пыли. Под мелким дождём поднимались наши друзья по кру-тому склону.
- Как прекрасно, что вы здесь! Никто не верил, что вы се-годня вечером придёте,радовались
мы, приветствуя их.
- Но ведь мы вам обещали,- последовал спокойный ответ.

Друзья не жаловались, что им пришлось провести две хо-лодные ночи без постели. Мы не услышали ни одной жалобы на такой долгий путь под дождём и без носильщиков.
Почти не отдыхая и не тратя времени на обед, в непогоду
спешили они к нам только потому, что обещали. Аллин и Лайла Кук были для нас ободрением, радостью и утешением, и мы
постоянно благодарили Бога за них.
Они хотели помочь нам в проведении библейской школы
для лису в Луде, и Бог воздал им за их верность и жертвенность удивительным благословением во время недели Библии.
Все эти дни наша маленькая повариха скрывала свою
печаль, щедро отдавая окружающим свою любовь. Братья угрожали отдать её в жёны язычнику или продать как рабу, чтобы таким образом получить деньги. Опять жестокий ветер искушений
угрожал этому маленькому деревцу. И снова его корни устремля-лись в глубину, чтобы черпать силу из Источника живой воды.
И в этот раз молитвы Хомай не остались без ответа. Еван-гелист Иосиф просил её руки, и Хомай дала своё согласие. Эту историю я расскажу позднее. Но как можно было уговорить её братьев, чтобы они отдали её Иосифу, я не знала.
Но вот настало время, когда мы с Хомай должны были разлу-читься. Мы нуждались в отпуске, так как Джон не был на родине уже десять лет, а я - восемь. До того, как мы покинули станцию, пришло письмо от Лайлы: "Не хотела бы ты оставить у меня Хо-май, пока вы вернётесь? Я не знакома с ней так, как ты, но мне хочется, чтобы она пожила в Луде как пример для лису-девушек, духовные познания которых не сравнить с познаниями Хомай". Я и Хомай были счастливы, получив это предложение. Там она остава-лась вне опасности до брака с Иосифом. Так мы расстались.
Вскоре, к нашей большой радости, мы получили письма от лису, среди которых было письмо и от Хомай:
"Вам, уехавшим в чужую страну, мапа, мама и Катрин.
Мапа, мама и Катрин, которых я люблю и не могу забыть, ко-торых уважаю во Христе Иисусе, по которым я скучаю и хочу снова увидеть. О мои любимые, я думаю о вас и
посылаю вам руко-пожатие на бумаге. После нашей разлуки я сильно скучала по вас и плакала, я так люблю вас. По дороге из деревни Дубовая равнина в Луду мы провели воскресенье в Лу-му-те и оставались там три дня, а в среду отправились дальше в Луду. В Лу-му-те один китаец пытался помешать строительству часовни и бросил двух жителей деревни в тюрьму. Это случилось в субботу. В воскресенье рано утром, до завтрака, господин и госпожа Кук, я и многие жители деревни собрались на молитву о заключённых. Бог услышал нас: во вторник под вечер их освободили. Слава Господу!
По Божьей милости всю дорогу от Дубовой равнины до Лу-ды я прошла благополучно. Мапа, мама, мне хочется знать, доб-рались ли вы благополучно до чужой страны? О мои любимые мапа, мама и Катрин, я благодарю вас. Мы жили больше года вместе, и,
по Божьей милости, нам не приходится о чём-то сожа-леть. Я благодарна вам, что могла учиться, пока я была у вас, и теперь я умею выполнять различную работу. Я так рада этому. О любимые мапа, мама и Катрин, я и не могу выразить, как мне хочется видеть вас, как мне хочется коснуться ваших рук, подержать
на руках Катрин. Я не могу забыть ваши лица. Часто, когда я засыпаю, мне кажется, что я слышу ваши голоса. О мои люби-мые, прибыв в свою чужую страну, не
забудьте нас, молитесь всегда о нас. Я благодарю вас за это. Простите, пожалуйста, за ошибки в письме, я благодарна вам. Написала Хомай-Фива, кото-рая любит и не забывает вас".
Лайла Кук добавила, что пришлось расторгнуть помолвку между Хомай и Иосифом. Она сообщила: "Мы очень сожалели, услышав о том, что младший брат Хомай воспрепятствовал свадьбе. Хомай предполагает, что не только из-за денег, но изза желания найти для неё мужа китайца, а не обычного лису. Она говорила, что жители её деревни хотели бы быть китайцами, а не лису, и поэтому её брат хочет, чтобы она вышла замуж за китай-ца. Она думает, что её семья согласилась бы с тем, чтобы она совсем не выходила замуж, да и она сама готова на это. Иов и Моисей считают, что ей не надо говорить об этом своему брату. Трудно найти правильное решение. Иосифа нам тоже жалко, ведь Хомай была уже вторая, которую

он сватал".
А Хомай? Неужели позорное имя "бесплодное дерево" бу-дет всю жизнь преследовать её? Осенью 1936 года ей пришлось похоронить третью надежду стать женой и матерью. Умер её жених. Умер необычной и неожиданной смертью.
Находясь в Аркасе (Америка), мы получили письмо от Ан-дреаса, который сообщил нам печальную новость о смерти Ио-сифа. Он возвращался из Гоо-моо, где был учителем, к своей любимой невесте, нашей дорогой Хомай. Был жаркий день, и он решил со своими друзьями искупаться, но не умел плавать и ;
утонул у всех на виду. Самуил и Лисиас похоронили его, а его вещи, как последнее завещание, принесли родным.
Когда Джон прочитал мне это, я не могла поверить такой печальной новости. Смерть уже забрала у нас одного дорогого учителя, а теперь был взят от нас Иосиф, чистый, полностью преданный Господу человек. Это было ударом для нас. Он мог бы, как и многие другие, заниматься земледелием, но оставил всё, чтобы принести своему народу весть о Христе. Его зарплата была очень скромной, её хватало только на пищу и кров, и совсем мало] оставалось на одежду. Бедный из бедных, он был богат духовно.) "Мы нищи, но многих обогащаем" (2 Кор. 6,10).
Я вспомнила одну из последних встреч с Иосифом. Было благословенное рождественское собрание, на котором встал Иосиф с сияющим лицом и произнёс: "У меня нет ничего, что бы я мог отдать Богу, но всего себя я отдаю Ему". И вот теперь Бог принял эту совершенную жертву.
Мы переживали о том, как восприняла Хомай такой пе-чальный ответ на свои проблемы. Но Аллин Кук написал нам, что она мужественно пережила эту трагедию. Он слышал, как она на кухне пела:
Только Твоим путём я хочу. Господь, идти,
Помоги мне. Господь, видеть только Твой путь.
А потом она пошла в маленькую хижину, в которой умерла миссионерка Вард, чтобы излить там своё сердце пред Господом. Как могла она знать, каковы планы Бога для её жизни? А теперь она снова была отдана в руки своих жестоких братьев.
По обычаю лису она промолчала о своей печали в следую-щем письме к нам.
"Мапа, мама, Катрин! Вам, которых я люблю и которых ношу в сердце своём именем триединства, посылаю я рукопожа-тие и приветы на бумаге. О вы, мои любимые! Счастливы ли вы в своей родной стране? Мы любим вас и желаем встречи с вами. О мои дорогие! Мапа, я благодарна тебе за письмо. Ты пишешь, что вы живёте в доме дедушки Миллера, за это мы благодарны Гос-поду. Ты говоришь, что посетил летнюю конференцию, где полу-чил духовную пищу, за это я также благодарю Бога. Вы получили три письма от меня? Мапа, ты действительно плакал, читая мои письма? О мои любимые! Я невыразимо скучаю по вас.
С тех пор, как я в Луде, я чувствую себя физически лучше. Молитесь, чтобы мой внутренний человек возрастал. Я всегда молюсь, чтобы вы опять к нам возвратились. Мы в Дубовой рав-нине были бы очень счастливы, если бы на это была воля Божья. Пятого ноября прибыл в Луду господин Фразер. Мы благодарны Богу за это.
О Катрин, я так была рада твоему письмецу и фотографии. (Я написала рукой дочери письмо Хомай и положила фотографию Катрин, на которой были видны мои ноги.) Мама, я вижу твои ноги, но не вижу твоей головы, это меня не устраивает. О дорогие мои! Мама, ты не забыла слова лису? Напиши мне, пожалуйста, письмо на языке лису, я так хочу этого. Вспоминая тебя, я плачу и
люблю тебя очень. О мои любимые! Мама, пишет тебе та, которой ты дала имя "Фива", которая вспоминает тебя и очень хочет видеть. О дорогие мала, мама и Катрин, пребудьте в мире".
Из письма Хомай мы узнали, что Фразер - первый мис-сионер среди лису - посетил Луду, где Хомай была в то время. Он вместе с Куком проверял Новый Завет на языке лису. Там, в северном районе, ещё более отдалённом от китайской цивилиза-ции, он
познакомился с Хомай. На фоне примитивной жизни лису чистоплотность, трудолюбие, интеллект Хомай сверкали, как алмаз среди грубых булыжников.
Знаменитый миссионер и маленькая лису-служанка - что общего могло быть между ними? Но этот слуга Божий всегда находил время для служанки и мог понять её. Ему рассказали, что новость о смерти жениха Хомай разошлась по всем районам и отовсюду ей посыпались предложения. Когда их поступило уже больше пятидесяти, он, улыбаясь, предложил супругам Кук:
- Вам нужно напечатать отказы для Хомай, чтобы у неё не было столько работы.
А в тишине он рассуждал о чудесном водительстве Божьем в жизни молодой девушки.

Однажды он позвал её к себе.
- Хомай, не думала ли ты о том, что Бог предопределил тебе оставаться одной, чтобы тебе служить Богу особым обра-зом? Ты знаешь, что церковь лису не имеет женщин-проповедниц. Все евангелисты и учителя - мужчины. Но муж-чины не могут так благовествовать женщинам, как могла бы это сделать сестра. Не хочешь ли ты посвятить себя Богу для этого служения?
Несмотря на духовную проницательность. Фразер едва ли заметил, какой острый нож он вонзил в сердце девушки. Внешне она оставалась спокойной и невозмутимой. Она ведь годами училась скрывать свои сокровенные мысли, переживания от других, так что могла прекрасно владеть собой. Она не показала Фразеру, что он ранил её сердце, а он, конечно, ничего не знал о ,] позорном имени, прилепившемся к ней -
- "бесплодное дерево". , Оно страшило её все эти прошедшие годы. Но если бы он и
узнал об этом, он всё равно задал бы ей этот вопрос. Он ничего нс^ боялся, когда была возможность ознакомить душу с высшими^ Божьими намерениями. Как бы окончилась жизнь Хомай, если бы i она последовала его совету? Но Хомай никогда не встречала)!
женщины, которая ради Христа осталась бы одна. Белые миссионерки были все замужем, почему бы Богу не использовать и её как замужнюю женщину? Она ответила:
- Если бы Бог потребовал от меня остаться одной, я бы это сделала, но сегодня я не могу обещать никогда не выйти замуж.
С тяжёлым сердцем она ушла от Фразера. Разве необходимо физически быть "бесплодным деревом", чтобы приносить духовные плоды? Разве она не заметила, какие взгляды бросал на неё симпа-тичный молодой евангелист Даниил? Лайла Кук писала о нём:
"Даниил посвятил свою жизнь служению Богу. Благодарите друзей на родине, которые молились о нём. Бог услышал их. Связи с девушкой-язычницей, с которой они ещё в детстве были помолвлены, расторгнуты. Это была настоящая борьба с силами тьмы, но Бог даровал Даниилу победу. Его брат-язычник объя-вил, что он лучше убьёт Даниила, чем допустит расторгнуть узы помолвки. Даниил должен был заплатить большую сумму невес-те, но его отец и братья не соглашались отдать причитающуюся ему часть имения. Ему оставалась только небольшая зарплата евангелиста - двадцать пять долларов в год. Когда отец понял, что Даниила не заставить жениться на этой девушке, он попросил у него двадцать долларов, чтобы расторгнуть помолвку, и полу-чил эти деньги. Из пяти долларов, которые остались у Даниила на год, он пожертвовал пятьдесят центов носильщикам, чтобы пере-нести больного Моисея".
А тем временем жизнь готовила нечто новое и волнующее для Хомай. Семья Кук должна была отправиться в длительное путешествие на юг - исследовать район Бана, который был предложен китайской отечественной миссией. И Хомай пригла-сили в это путешествие. Какой радостью это было для неё! Путе-шествовать по горным тропам прекрасной страны лису. А потом - какое чудо! - поездка на автобусе в Бирму. И автомобиль! Ещё никогда Хомай не видела этого. А потом ещё поездка по железной дороге - где бы она раньше видела такое?!
Потом волнующий день в Мандалайе, первое соприкосно-вение с современной цивилизацией. И, наконец, ещё одно долгое путешествие по узким тропам к конечной цели пути - миссио-нерской станции Бана, откуда нужно было евангелизировать ещё многие племена. Во время этих радостных событий её сердце
стремилось к плодоносной жизни для Христа. Лайла Кук сообща-ет в следующем письме:
"Хомай живёт с нами и постоянно радует нас. Недавно я за-стала её на кухне, считающей зёрна в початке кукурузы. Она просила меня помочь ей, и мы насчитали на нём пятьсот тридцать восемь зёрен. Хомай хотела знать число зёрен, чтобы прославить Бога за Его творческую мощь. Однажды я увидела, как она изуча-ла гусеницу. Заметив меня, она сказала:
- Разве это не чудесно, что она превратится в бабочку? В другой раз я рассказывала ей одно место из Осии, где на-писано: <Я буду росою для Израиля>. Она ответила, что учитель-лису Иоанн, умерший в 1935 году, некогда говорил об этом в проповеди: <Мы не должны думать, что Бог нас забыл, потому что Он не забывает даже маленькие листочки. Он посылает каж-дому из них капельку росы>. Часто я застаю Хомай в уединённом месте с Новым Заветом и карандашом или слышу, как она перед сном повторяет один за другим стихи из Библии. Молитесь, чтобы Бог послал ей на об-ратную дорогу попутчиков, так как мы хотим отсюда поехать на

родину. Её сестра и трое лису-мужчин сейчас здесь и хотят вме-сте с ней отправиться домой. Но им придётся много ночей про-вести под открытым небом, поэтому было бы лучше (и имя Гос-пода было бы больше прославлено), если бы эту группу сопровождал пожилой мужчина или миссионер".
Пока мы размышляли над этим, почтальон принёс нам пач-ку писем от друзей-лису из
Луды. Среди них мы нашли одно от Даниила для Хомай. Это было предложение вступить с ним в брак. Она, казалось, ожидала этого и ответила согласием. От Лайлы Кук мы узнали, как она это сделала: "Я не сомневаюсь в моей любви к тебе, но подожди лучше, пока ты будешь уверен в твоей любви ко мне", - шутливо ответила Хомай.
Её маленькое письмецо с согласием пришло в Луду в то время, когда миссионер Чарлз Петерсон жил там. Он сидел в своей комнате и перечитывал полученную почту. Печаль и ему- , щение наполнили его сердце, так как Даниил, тот самый прекрас-ный Даниил, впал в грех... Короткое время безделья дома привело к тому, что он не устоял перед искушением. Леность даже под прикрытием отдыха не может быть подготовкой для служения в качестве евангелиста. Знай об этом Хомай, она бы
не дала ему
согласия. "Как правильно поступить в таком случае? - размыш-лял одинокий миссионер.- Поможет ли это Даниилу, если от-дать ему это письмецо?"
Петерсон так и сделал, но это не принесло желаемого успеха. Даниил нахмурился, прочитав это маленькое письмецо. Он знал, что недостоин Хомай. Её ответ не имел теперь никакого значения. Так печально окончилась для Хомай и эта помолвка.
Благодаря долгим усиленным молитвам одного христианина на родине, Дани-ил всё же
смог через некоторое время опять быть в церкви.
Когда мы вновь встретились с Хомай, она всё ещё была одна. Прошло четыре месяца с тех пор, как мы снова вернулись в страну лису, и однажды после обеда мы услышали радостную весть:
- Друзья возвратились из Бана! Они поднимаются на гору! Оставив всё,,мы побежали навстречу. В то время в ущелье не было ни телефона, ни телеграфа, а почта приходила очень редко, невозможно было сообщить о своём прибытии. Наконец после двухлетней разлуки я увидела свою милую Хомай! Она не изменилась: такая же круглая, такая же улыбающаяся, и объятия так же теплы, как и прежде. С ней пришли Лука, незнакомый А-хе из Луды и её сестра Рутт. Как мы радовались встрече! Но нам обеим мучительно не хватало маленькой Катрин, которая была очень привязана к своей "большой" сестре Хомай. Для Хомай она по-прежнему оставалась драгоценным маленьким ребёнком. Сейчас она была в миссионерской школе. Со слезами на глазах Хомай спросила:
- Что пишет Катрин, мама?
С удовольствием я прочитала ей последние письма нашей девочки.
За время нашего отсутствия Хомай многому научилась, по-этому мы не хотели, чтобы она работала как прежде поварихой. Живя в семье Кук, она научилась печатать на пишущей машинке. Из трёх лису, которые переписывали Новый Завет на языке лису, Хомай была самой прилежной. Так она стала нашим секретарём. Помимо этого, она ещё вела домашнее хозяйство и заботилась о запасах зерна, соли, угля, картошки и
т. п. на весь год. Она печа-тала копии разных книг Нового Завета, пособия для учеников библейской школы (напечатанный Новый Завет мы увидели через полгода).
В конце первого месяца, когда мы выдали ей зарплату, она
отдала назад
половину:
- Мапа, мама, печатая для церкви лису, я жертвую для неё половину каждого дня. Это будет мой вклад для Господа. Работу другой половины дня будем считать сделанной для вас. За это я с удовольствием возьму вознаграждение, если вы так хотите.
Её предложение тронуло нас, но мы давно поняли, что Бог никогда не остаётся в долгу. Быть щедрым по отношению к Богу - это значит иметь богатство в вечности. Поэтому мы приняли её жертву.
Теперь мы могли реализовать свои планы, которые Бог нам дал во время нашего отпуска дома. Но перед тем, как рассказать об этом, я процитирую старые сообщения, чтобы познакомить читателей с персоналом нашей станции.
"Новый миссионер. В декабре 1937 года церковь лису полут чипа как

<рождественский подарок> нового миссионера Виктора Христиансона. Он больше года работал среди китайцев с Эрлом Карлсоном и, когда услышал о его смерти, понял, что Бог зовёт его поднять упавший факел и понести его в среду лису. Первый день, который мы провели в их районе, был утомительным и тяжёлым. Темнота сгустилась, когда мы ещё находились на диких горных вершинах. Впереди был крутой скользкий спуск. Слабый лунный свет сопровождал нас последние мили пути, пока мы наконецто достигли цели путешествия. Но троим лису-носилыцикам всё же пришлось провести холодную декабрьскую ночь на дороге. Я спала в гостинице. Виктор с другими путешественниками находился в этом же доме. Когда он в тишине имел общение с Богом, пожилая китаянка стала расспрашивать его о Библии, которую он читал. Несмотря на усталость, он доброжелательно отвечал на её вопросы. Лёжа за занавеской, я слышала его приветливый голос, подробно объясняющий пожилой женщине путь спасения. Ведь она никогда об этом не слышала и, может быть, больше не услышит, поэтому она должна была знать всё.
Слушая их тихий разговор, я в сердце прославила Бога за этого верного миссионера, работающего в затерянных горных районах.
Итак, мы получили ещё одного сотрудника, но перед тем как рассказать о нём, я хочу вспомнить одного молодого героя, отдавшего свою жизнь в северном районе Луды. Пока супруги
Кук находились в Бана, а потом поехали домой в отпуск, в Луде работали среди лису два молодых миссионера, Чарлз Петерсон и Эрл Карлсон. Но так как эта книга рассказывает о лису, я стара-юсь как можно меньше включать в повествование биографии миссионеров. И всё же о самоотверженной жизни Эрла Карлсона, молодого слуги Божьего, погребённого в отдалённом районе миссионерского поля, можно было бы написать рассказ. Без устали он нёс весть Евангелия из деревни в деревню, пока его не сразила коварная болезнь, вероятно,-тиф. Когда послали за вра-чом, было уже поздно. Так на глазах у Чарлза Петерсона похоро-нили его товарища на холмике недалеко от кухни. Он работал теперь один, но руководство миссии не хотело оставлять его одного ради его же безопасности".
Из миссионерских сообщений мы читаем:
"Наша семья увеличивается. 15 января мы с радостью при-ветствовали Чарлза Петерсона в Дубовой равнине. Он один из <наших мальчиков> - молодых миссионеров, которые провели свои первые дни в Китае в нашем доме в Иннане. Поэтому Чарлз для нас не чужой. Если охарактеризовать его одним словом, то более всего подходит слово <верность>. Ничто не могло остано-вить его, если Господь сказал: <Иди>. После смерти Эрла сотруд-ники уговаривали его отправиться куда-нибудь на каникулы. Он же спокойно, но решительно отклонил это предложение.
Позже было решено оставить Луду как главную станцию и впоследствии только посещать её по мере надобности. Таким образом, Чарлз расстался с этой местностью, а мы, к нашей радо-сти, получили двух новых сотрудников - его и Виктора".
Теперь вернёмся назад. Во время нашего отпуска в период дождей, с июня до августа, работала краткосрочная библейская школа для лису-евангелистов. Эти ревностные молодые люди очень мало знали из Библии, слишком мало для своей работы. Они пользовались только четырьмя Евангелиями и Деяниями Апостолов, которые были переведены на язык лису. Чтобы при-обрести язычников для Христа, не
обязательно знать больше, чем план спасения из Иоан. 3,16. Но для созидания церкви нужно больше. В то время было много "младенцев во Христе", которые нуждались в духовном руководстве. И так как Новый Завет на языке лису был готов в рукописи, мы видели необходимость в более основательном изучении Слова Божьего.
Фразер радовался этому плану и торопил нас с его осущест-влением. Провести настоящую библейскую школу было невоз-можно, так как участок нашей работы распространялся на четыре дня пути, а если считать внешние станции, то ещё больше. Район Луды, который был под нашим наблюдением, находился на рас-стоянии шести дней пути. Кроме того, в обязанности пастыря церкви входили и частые посещения верующих, число которых постоянно возрастало. К тому же во всей округе на три-четыре недели пути мы были единственными, кто мог оказать медицин-скую помощь. Поэтому мы не имели возможности всё своё время посвятить для библейской школы.
Так как путешествовать в сезон дождей было опасно, мы избрали для учёбы именно это время года. К тому же летом у крестьян больше всего работы, и для занятий лису-учителям оно подходит больше всего. Перед жатвой люди жили на полях, чтобы

охранять урожай от птиц и зверей, и деревни были почти безлюдны. Итак, это время было удобнее всего посвятить изуче-нию Библии. Дальше я расскажу об этом подробнее, сейчас же;
хочу только упомянуть, какое влияние оказало это на Хомай.
Первая библейская школа была для нас серьёзным испытанием. В общем была она рассчитана только на мужчин, но вначале
мы разрешили и некоторым девушкам посещать занятия. Хо-май воспользовалась этой возможностью и, насколько ей позволяло время, старалась посетить как можно больше уроков... Однажды в первые дни занятий в школе мы с Джоном сидели за столом, погрузившись в работу. Вдруг тихо вошла Хомай и встала
поодаль, ожидая, когда мы её заметим. У неё было такое вы ражение лица, что Джон испуганно спросил:
- Что случилось, Хомай?
- Мапа, я должна тебе в чём-то признаться. Её глаза наполнились слезами.
- Так скажи, не бойся,- ласково сказал Джон.
- Перед вашим отпуском, когда мы строили ваш дом, обманула тебя, мапа.
При этих словах она начала растерянно всхлипывать, что мы с трудом могли понять продолжение истории.
- После того, как сломали старую хижину, я нашла на полу чернильное перо и, не спрашивая разрешения, взяла его себе, хотя знала, что ты дашь его мне, если я попрошу. Потом взяла
ветку и сделала из неё ручку. Ею можно было хорошо писать. Но однажды, когда я писала этим пером, ты спросил: "Откуда у тебя перо, Хомай?" Я испугалась и, не подумав, ответила: "Мне дал его господин Кук". После этого я чувствовала себя совсем несча-стной, но стыдилась в этом признаться. К тому же я боялась, как бы ты не подумал, что это моя привычка вас обманывать. Но, кроме этого случая, я не
обманывала вас.
Сказав это, она зарыдала. Мы пытались её успокоить, но она продолжила свой рассказ:
- Потом вы поехали на свою родину, а мы - в Бана, но на каждом богослужении, когда говорилось о грехе, я вспоминала перо. Однажды я призналась в сделанном господину и госпоже Кук, но тяжесть осталась у меня на сердце. Потом я говорила об этом с учителем Лукой. Он считал, что это дело не стоит того, чтобы так из-за этого переживать. Но я оставалась несчастной.
На обратном пути из Бана мы сделали остановку в Пауша-не, где, как вы знаете, проводит собрания девушка Анна Христен-зен. Она как раз говорила о неисповеданном грехе и о том, что даже совсем маленькие греховные дела могут разлучить нас с Богом. Поэтому я должна была признаться вам в этом.
Теперь и мы не могли удержаться от слёз. Я надеюсь, что этот маленький рассказ коснётся читателя, которого Дух Святой побуждает признать свой грех. Может быть, грех кажется вам незначительным, да и сатана нашёптывает, что это дело не такое серьёзное, чтобы приводить его в порядок. Но без полного испо-ведания у вас не будет ни мира в духе, ни благословения в жизни. Сатана будет стараться держать вас в оковах и убедит признаться кому-то другому, как это делала Хомай. Страх перед признанием - тоже уловка сатаны.
Как легко и радостно чувствовала себя Хомай после испо-ведания греха. Её мала, которого она любила, уважал её теперь ещё больше, так как она была послушна Духу Святому в этом маленьком деле. Он заметил в ней желание быть чистым сосу-дом, чтобы Бог мог её употреблять.
Вскоре нас ожидал сюрприз. Миссионерское сообщение от августа 1938 года повествует о не совсем обычном завершении нашей первой библейской школы во время дождей:
Свадебные колокола!
В день экзаменов после обеда Иов сочетал нашу Хомай с Томасом. Я не знаю, как получилось с помолвкой, но предпола-гаю, что это был скорее брак утешения, а не любви. То, что Хо-май лучшая девушка в стране лису, Томасу было известно. Хомай же была уверена, что даёт своё согласие самому лучшему и само-му верному христианину. Так, я думаю, зародились эти отноше-ния. Счастье, казалось, росло с
каждым днём в их сердцах. Сва-дебное платье Хомай было сшито из оранжевого шёлка и синего хлопка. Рода была подругой невесты (как прекрасно она выгляде-ла!), а Луда-Пётр - другом жениха.
Я играла свадебную музыку, когда они заходили в часовню и потом выходили из неё.

Сочетание проходило в большом бла-гоговении. Мы с удовольствием вспоминали этот день.

Предварительно было решено, что Томас будет работать в нашем районе. Они поселились в маленьком домике рядом с нами. Хомай и впредь будет для нас писать и выполнять нашу домашнюю работу, так как Дорка, наша помощница, возвраща-лась к своей семье в Луду.

Томас был родом из деревушки Мухенгпо, откуда он был по-слан в "укреплённый замок", и до женитьбы в основном работал в районе Луды. Под Божьим водительством он отправился в путеше-ствие в район Гоо-моо и там услышал о том, что утонул наш доро-гой Иосиф. Томаса просили провести похороны. Так Томас, кото-рому пришлось хоронить жениха Хомай, позже стал её мужем.

Так как Дубовая равнина обслуживала район Луды, то все евангелисты оттуда были приглашены принять участие в библей-ской школе. Таким образом встретились Хомай и Томас.

Они оба сознавали важность сочетания. Когда Иов спросил Хомай: "Признаешь ли ты его как своего мужа?" - она открыла рот, чтобы сказать своё "да", но от нашей обычно бойкой Хомай мы услышали лишь шёпот.

- Что? - переспросил Иов, смущённый её волнением. Она подняла на него свои умоляющие глаза и опять про-шептала.

Наконец Иов понял, что означал этот умоляющий взгляд, и сжалился над ней:

- О да! Она говорит "да!" - объявил он слушателям и не задерживался больше.

Когда надо было надеть кольцо невесте, жених так волно-вался, что у него дрожали руки, и он не мог взять кольцо. И снова Иов поспешил помочь им и украсил руку Хомай кольцом жениха.

Но эти мелочи не омрачили свадебного торжества. У лису было своё мнение, что всё прошло очень хорошо.

В медовый месяц (лису незнакомо это выражение) молодожёны отправились с нами в путешествие по Бирме в район Гоо-моо, о чём будет рассказано позже. Христиане той местности полюбили эту молодую чету, так что, когда нам подошло время возвращаться, они просили нас оставить Томаса и Хомай ещё на полгода, чтобы с их помощью лучше изучить Библию. Мы охот-но согласились. В маленьком доме, который построили для нас христиане Гоо-моо, Томас и Хомай провели шесть счастливых месяцев в совместном служении.

К началу февраля 1939 года на их счастье легла тень. Вот выписка из миссионерского сообщения в феврале:

"Болезнь, которую мы не могли определить, причиняла То-масу жестокие боли, отчего он совсем не мог работать. Похоже на тяжёлую грыжу, но мы не уверены в этом. Молитесь, чтобы он снова мог исполнять своё ответственное служение".

В сезон дождей опять нужно было проводить библейскую школу. К нашей большой радости, вместе с учителями из Луды пришёл Даниил. Он вновь примирился с Господом и чувствовал потребность в изучении Его Слова. Пресвитер церкви дал ему хорошую рекомендацию, поэтому мы с радостью приняли его. Их прибытие так описывается в миссионерском сообщении:

"Вечер следующего понедельника принёс нам чудесные встречи. Я выбежала к воротам, услышав радостный возглас:

<Учитель Иов возвратился!> Стоя в его скромной хижине, я не-терпеливо спрашивала:

- А Рода не пришла с тобой?

Со стороны огорода донеслось тихое <да>. С распущенными косами и улыбкой на прекрасном лице подошла Рода, неся овощи для ужина. Я поцеловала её, радуясь встрече. Хомай, которая тоже подошла поприветствовать гостей, таинственно шепнула мне:

- Даниил там, внутри.

По обычаю местных жителей она указала подбородком на хижину. При этом лицо её приняло многозначительное выраже-ние.

Она нисколько не смущалась, а наоборот, гордилась тем, что может показать мне, какого мужа хотел ей подарить Бог. Я с трудом протиснулась в хижину, так как многие пришли приветст-вовать гостей. И действительно, в углу смущённо стоял Даниил. Он пришёл рано, уроки ещё не начались, и помогал везде, где только можно было. Таким образом он отрабатывал своё обуче-ние. Он жадно вникал в Слово Божье, и мы поняли, почему семья Кук была довольна Даниилом. Днём, когда мы

пришли, эта ма-ленькая группа, включая и Хомай, была в сборе. В присутствии всех Даниил просил прощения. Позже Хомай рассказывала мне об этом с сияющими глазами. Я же думала о том, как чудесно заботится Бог о тех, которые любят Его и принадлежат Ему. Филипп Броокс говорил Даниилу:
- Иисус исцеляет всякую душевную рану, даже если её причинила тебе твоя же неверность Ему. Ты должен учиться, ты должен позволить Богу учить тебя, это единственный путь оста-вить прошлое и приобрести будущность".
Состояние здоровья Томаса продолжало нас беспокоить. Обычно он был прилежным учеником. В 1940 году в библейской школе он превзошёл всех. Но теперь он не справлялся с заданием. Из миссионерского сообщения в августе:
"В последнем письме я писала о сияющем лице Томаса, теперь же врагу удалось бросить на него тень. Но, слава Богу, этот жестокий удар коснулся только тела. Томас страдал от сильных головных болей и боли в левом глазу. Правда, через неделю они исчезли,! но зрение ухудшилось. Но потом заболел ещё и правый глаз. Молитесь о нём, он ещё так молод - всего двадцать шесть лет. В декабре Томас и Хомай ожидают маленький подарок от Бога".
Я хорошо помню те дни. Мы не могли поставить диагноз бо-лезни. Позже выяснилось, что Томас страдал от грыжи. Боль концен-трировалась в левом глазу, и было похоже, что он ослепнет. Потеря зрения в горной стране, где сплошь крутые подъёмы и отвесные скалы,- большое несчастье. Как хорошо, что Хомай умела погру-жать свои корни веры в "живую воду". Только это помогло ей стойко переносить обрушившееся на их семью испытание.
Никогда не забуду одно утро. Меня попросили посетить Томаса. Он ничего не видел и жестоко страдал. Я ничем не могла ему помочь и с болью сознавала свою беспомощность. С любо-вью обняв его маленькую жену, я шепнула ей:
- Не переживай. Бог верен, и мы любим тебя как родную дочь. Ты и Томас всегда найдёте место в нашем доме.
Она, не выдержав, заплакала, что случалось с ней крайне редко. Она всегда хорошо могла владеть собой.
Вскоре в ответ на наши молитвы Томас настолько поправил-ся, что смог закончить библейскую школу. Но ему необходима была медицинская помощь. В Бирме есть госпиталь, где безотказно принимают и хорошо обслуживают лису. Томас знал, что если он попадёт в этот госпиталь, его там будут лечить бесплатно. В ту осень и зиму мы много путешествовали и редко были дома, поэто-му не знали, когда Томас отправился на лечение. Знаю только, что его верная жена дала ему на дорогу туда и обратно все свои сбережения. Хомай была хорошей женой и хозяйкой. Она хорошо и очень быстро шила. Наверное, она сама для себя решила, что её муж должен быть всегда хорошо одетым и ухоженным. Когда нам присылали ткани и книги для учеников, она была первой, кто мог выбрать для себя необходимое. Для Томаса она покупала всё самое лучшее. Как-то раз я даже подразнила его:
- Знаешь ли ты, какой ты счастливый, имея такую жену?
- Конечно, знаю,- счастливо улыбнулся он. Для меня это было свидетельством его неиспорченности, и я радовалась их счастью.
Мне было очень жалко, что я не могла быть рядом со своей Хомай при рождении её первенца. Больше она не "бесплодное дерево". Бог знает, как разрешить наши самые болезненные во-просы. А с какой радостью Хомай готовила вещи для своего первого ребёнка! Лису обычно не делают этого заранее. В луч-шем случае сошьют шляпку.
- Для чего нам особенно готовиться? Ведь никто не может сказать, останется дитя в живых или умрёт,- обычно отвечают они, когда им предлагаешь приготовить новорождённому одежду. У лису очень высокая смертность новорождённых - больше поло-вины их умирает, поэтому здесь так просто к этому относятся.
Но Хомай видела, как иностранцы готовятся к рождению ребёнка, и она хотела сделать то же и для своего малыша. Она вязала и заботливо складывала шапочку за шапочкой, кофточку за кофточкой. Проходили месяц за месяцем, а Томас всё ещё не возвращался, и писем от него тоже не было.
Тем временем семье Кук пришлось покинуть нас на три ме-сяца, чтобы посетить деревню Три племени. Петерсон уехал в отпуск на родину, а Христиансон женился. Его жена обещала мне сделать всё возможное для Хомай, когда придёт её час. Обязан-ности звали меня на север, и я должна была оставить Хомай на попечение своих друзей.
Нашей дочери Катрин я написала, что Бог подарит Хомай на Рождество ребёнка. Она прислала Хомай следующее письмо:
"Моя любимая Хомай!
Я много думаю о тебе и молюсь о тебе. Кроме одного сло-ва, я не могу ничего

сказать на языке лису, но надеюсь, что ты меня снова научишь, когда мы вновь встретимся. Это так чудесно - изучать другие языки.
Мама мне рассказала о тайне, которую Бог тебе открыл; я думаю, что это чудесная тайна. Я буду любить это дитя. Если это будет девочка, то я хочу подсказать тебе имя для неё - Катрин. Не потому, что меня так зовут, но потому, что оно означает <Дар Божий>. А если это будет мальчик, то назови его Иоанном.
Я тебя очень люблю.
Мне хорошо в школе, я учусь многому. Осталось всего два-дцать восемь дней до каникул.
С любовью Катрин Кун".
Хомай была очень рада, что её белый ребёнок хотел дать имя её малышу. И когда она родила сына, то назвала его Иоан-ном. Это было его официальное имя, но она звала его "старший Ханф", по родовому имени её мужа. Я не понимала этого, пока не научилась мыслить по-лису и не поняла, что она ожидает ещё много "Ханфдеток". Тогда я по-настоящему поняла, сколько страданий на протяжении прошедших лет принесло ей имя "Бес-плодное дерево". Всегда, когда она говорила о "старшем Ханфе", её лицо озарялось счастливой улыбкой.
Когда в марте 1940 года мы возвратились из своего путе-шествия, Иоанн уже немного подрос и был довольно красивым мальчиком, но невероятно кричал. Он кричал день и ночь, отчего Хомай совсем обессилела. В её организме уже развивались зачат-ки опасной болезни, но мы тогда этого не замечали. Хомай всегда была самой здоровой из всех лису, которых я знала. Все другие помощники время от времени страдали от головных болей, при-чиной которых часто была малярия или другие опасные болезни,
но Хомай я никогда не видела больной. Она выглядела такой цветущей, что казалось, просто не могла ничем заболеть. Поэто-му я была очень обеспокоена, когда Христиансон сказал мне, что она выехала из нашего дома и живёт теперь в одном помещении возле кухни, принадлежащей церкви лису. Ни для чего другого, кроме ухода за ребёнком, у неё не оставалось времени. Дети требуют постоянного внимания, и молодые матери очень быстро привыкают к тому, что ребёнок забирает и
время общения с Бо-гом, а это очень опасно для духовной жизни.
Я посетила Хомай и наблюдала за ней несколько дней. Она была совсем другой. Куда девалась её прежняя энергичность? Теперь Хомай была вялой и пассивной. Она даже не ходила за водой, чтобы постирать одежду сына, а сидела и ждала, пока постирает наша прачка, чтобы попросить у неё воду, оставшуюся после стирки.
Однажды тёмным апрельским вечером раздался выстрел. Мы выбежали на улицу вместе с другими жителями деревни. На тропе показались путники, ведущие белую лошадь. Это были Иов, Лука и Андреас с жёнами и вместе с ними Томас. Он воз-вращался домой здоровым, горя желанием впервые увидеть сво-его ребёнка.
После радостных приветствий мы все пошли в хижину Лу-ки, где, удобно расположившись вокруг огня, расспрашивали их обо всём. Томас полностью выздоровел. Мы были очень благо-дарны Богу и не переставали удивляться, что операция грыжи излечила всё, даже его глаза.
Конечно же, принесли маленького Иоанна, чтобы отец мог взять его на руки и любоваться им. Другие учителя тоже хотели многое рассказать, и Томас со своей маленькой семьёй скоро исчез в своей комнате.
Все дни до открытия библейской школы в 1940 году были насыщены разными событиями, но моё внимание снова привлекла Хомай. Как-то вечером пришёл Томас:
- Мама, я озабочен матерью Иоанна (восточная манера назы-вать своих супругов). Уже долгое время она ест без аппетита, ноги её опухли. Есть ли у тебя медикаменты, которые помогли бы ей?
Мне казалось, что он напрасно волнуется и что эти симпто-мы незначительны. К тому же ноги у Хомай всегда были толсты-ми. Я изучила медицинскую книгу, но ни одна из описанных
болезней, где сообщалось об опухших костях, не была похожа на состояние Хомай. Но с этого времени, насколько позволяла моя занятая жизнь, я начала внимательно наблюдать за молодой ма-терью. Она хорошо выглядела, но была вялой и неповоротливой, так что я больше была озабочена её духовным состоянием. Я написала своим друзьям-молитвенникам в Америку, чтобы они усиленно молились о Хомай. Как-то я спросила её:
- Хомай, читаешь ли ты Слово Божье и молишься ли как прежде?
- Нет, мама,- последовал ответ,- у меня нет времени и сил на это. Ребёнок так много кричит ночью, а днём я чувствую себя слишком уставшей.

Её духовное состояние выразилось в следующих словах:
- Нет пользы от этого.
Это очень встревожило меня. Так как я никогда раньше не видела её больной, то и не могла подумать о том, что опасная болезнь уже цепко держит её в своих руках. Сама она знала об этом, но не чувствовала никаких болей. Никто, кроме её мужа, не был серьёзно озабочен её здоровьем. Я всё ещё полагала, что это связано с её духовным состоянием, и напоминала ей, что наш дух так же нуждается в пище, как и
тело. Но ураган смерти уже сокрушал это бедное маленькое гнездо.
По окончании библейской школы учителей-лису направляют в разные районы, где они обычно остаются на год. Томас был по-слан в деревню Олив, на другую сторону реки, где местные хри-стиане построили для его семьи маленький домик. Хомай не хотела уходить от нас, хотя наше лечение не принесло ей облегчения. Я уговаривала её пойти, так как считала, что новое служение для Господа поможет ей. Так мы разлучились с печалью в сердце.
В последующие месяцы я была занята важной работой, ко-торая отвлекла мои мысли от Хомай. Жена Христиансона серьез-но заболела, её жизнь была в опасности. Она попала в госпиталь, а потом ей вместе с мужем пришлось вернуться в Америку. Нам же нужно было предпринять далёкое путешествие в Мухенгпо, чтобы провести в церкви первую библейскую школу с тех пор, как там получили Новый Завет. Там долгие годы не было мис-сионера, и по сей день никто ещё там не работал. Поэтому наше служение было необходимо.
На Рождество мы возвратились в Дубовую равнину. За это время пришло много писем от лису, среди которых было одно от Томаса примерно такого содержания: "Я надеюсь, вы меня про-стите, что я больше не обхожу свой рабочий район. Хомай так больна, что я не могу её оставить. Боюсь, что это смертельная болезнь. Каждый вечер я даю уроки в деревне".
Только теперь я начала беспокоиться. Так как мы ожидали после Рождества возвращения Лайлы и Аллина Кук из отпуска, то послали в деревню Олив мула привезти Хомай, чтобы Лайла Кук обследовала её. Вскоре Хомай прибыла. Она немного похудела. Это было всё, что можно было заметить. В общем, внешне она осталась почти такой же. Но зато лицо её снова отражало внут-ренний мир.
Когда сердце болит и тоскует порой, Непосильным покажется путь, Ты склонись надо мной. Боже мой, Дай мне сил у Тебя почерпнуть.
У меня не было тогда возможности лично поговорить с Хомай, поэтому я не знаю, когда это деревце пришло к выводу, что погружать свои корни в живую воду - единственное средст-во для христианина в любых испытаниях. Если он это делает, то "будет как дерево, посаженное при водах". "Листья" Хомай были так зелены, что ни Лайла Кук, ни я не думали об уничтожающей её болезни. Мы советовали ей поехать в китайский госпиталь, предложив для этого своего мула, но она отказалась, ссылаясь на недостаток сил. Улыбаясь, она добавила:
- Я всегда думала, что езда верхом является отдыхом, и не могла себе представить, что она так же тяжела, как и ходьба, пока не приехала сюда из деревни Олив. Я вспомнила о болях в костях после одного дня верховой езды и рассмеялась: к концу такого путешествия лису хотят быть отдохнувшими и свежими.
Маленькая семья снова жила дома. Мы постоянно молились о Хомай, но особенно не переживали, пока деревню Олив не посетил Орфилле Карлсон, который в то время находился у нас, продолжая среди лису работу своего ушедшего в вечность брата. Он руководил там библейской школой. Он воодушевлённо рас-сказывал о маленькой, но возрастающей церкви и добавил, что сильно озабочен здоровьем Хомай. Она не жалуется на боли, но у
неё нет сил для работы. Каждый день она выбирается из своей хижины полежать на солнце и остаётся так несколько часов. Как
опечалило нас это сообщение!
С того времени мы серьёзно и усиленно молились о ней, но
не получали уверенности в её исцелении. Теперь я действительно встревожилась и после проведения короткого библейского курса в соседней деревне остановилась в деревне Олив на несколько дней. Увидев Хомай, я ужаснулась. Она была очень слаба, хотя всё ещё не чувствовала болей. Лекарства не помогали, и болезнь быстро прогрессировала. Сразу было видно, что смерть уже на-ложила свою печать на её худое, бледное лицо.
Очень обеспокоенная её тяжёлым состоянием, я хотела вы-яснить главное - её отношение к Богу. И до сих поря помню, каким светом озарилось её лицо, когда она, улыбаясь, ответила:

- Да будет воля Господа, мама. Я готова принять Его во-лю, это делает меня счастливой.
Но при этом слёзы заблестели у неё на глазах. Никто не спрашивал отчего - мы понимали её. Это был немой вопрос:
"Что будет с моим ребёнком?"
Я не могла обещать ей, что возьму ребёнка к себе, так как работа требовала от меня большую часть года находиться в пути. В то время мы даже не имели постоянной служанки. Поэтому мы ничего не могли сделать для маленького Иоанна.
В то время как внешний человек Хомай становился всё слабее, всё ярче сияло в нём драгоценное сокровище. С тех пор, как Хомай уверовала в Господа, она особенно полюбила один гимн:
"Ты знаешь путь, хоть я его не знаю".
И теперь, во время самых больших испытаний, эти слова были ответом на все её вопросы. Христиане рассказывали мне, что Хомай была настоящим чудом для языческих жителей дерев-. ни. Они часто приходили, чтобы увидеть и послушать маленькую учительницу, не боящуюся смерти. Дерево, посаженное у воды, не боится зноя и не перестаёт приносить плоды. Маленькая груп-па лису, которая в течение того года обратилась из язычества ко Христу, стала одной из лучших в "укреплённом замке".
К сожалению, мы не могли остаться, чтобы проводить Хо-май через "долину смертной тени", но духом всегда были с ней. Наш отчёт о библейской школе 1941 года повествует:
"Среди своих учеников мы напрасно искали глазами нашего Томаса. Он писал: <Хомай слишком больна, чтобы оставлять её одну. Мне больно видеть её, так слаба и жалка она сейчас. Сердце моё страдает, когда я вижу, как другие собираются в школу, а мне приходится оставаться дома, но этого нельзя изменить>.
Однажды вечером, после затяжных проливных дождей, ко-гда я собралась открывать вечернее богослужение, кто-то сказал:
- Томас пришёл.
Он вошёл, неся сына на спине. Хотя я давно со страхом ожидала этой вести, но она причинила глубокую рану моему сердцу. Появление Томаса могло означать только одно. Едва сдерживая слёзы, я спросила:
- Когда Хомай ушла домой?
- В шестой день шестого месяца,- последовал ответ.
Мне нужно было начинать собрание.
На следующий день Томас был уже в классе. Этот мужест-венный молодой человек нашёл силы справиться со своим горем. При первой возможности я попросила его рассказать мне о по-следних днях жизни Хомай.
- Её вера оставалась непоколебимой до конца, и внутрен-ний человек становился всё сильнее, в то время как физические силы таяли,- говорил Томас.- Никогда она не роптала на Бо-жье решение, хотя ей было всего тридцать лет. Жители деревни удивлялись её терпению в страданиях.
Вспоминая последние слова жены, полные сострадания к нему и к полуторагодовалому сыну, он не сдержал слёз".
Не имея никого, кто мог бы позаботиться о его ребёнке, он хотел возвратиться к своим родственникам на родину. Но на-стойчивые просьбы церкви в деревне Олив заставили его изме-нить свои планы. Он писал мне:
"Мама, я хочу тебе сейчас написать о своём решении. Тогда в своей глубокой печали я не мог этого сделать. Сначала я гово-рил, что хочу возвратиться на родину. Но сегодня я думаю иначе:
если Бог откроет мне путь, то я вернусь в деревню Олив. Братья и сёстры там не одобряли моего первого решения, и я чувствовал то же самое, потому что они для меня значат больше, чем моя семья. Но я не могу забыть Хомай. Перед библейской школой я плакал целый день, но не о Хомай, а о себе и о нашем маленьком Иоанне. Последние слова Хомай были: <Я не могу есть. Если Бог
хочет забрать меня к Себе, тогда пусть это будет сейчас... но тебе и малышу будет тяжело>. Потом её речь стала непонятной. Она очень переживала за своего маленького Иоанна".
Когда Томаса попросили сказать проповедь на воскресном богослужении, он избрал 1Фес. 4,13-18, свидетельствуя этим о своей вере в воскресение. Он сказал: "Мы печалимся, но как люди, имеющие упование".
Потом мы провели богослужение, вспоминая Хомай, кото-рая теперь радовалась в присутствии своего Господа. С тех пор, как она стала Божьим достоянием, её жизнь была безупречной. Она шла к Нему без страха и сомнения, ожидая встречи со своим

Спасителем.
Она получала поддержку с небес,
Когда в испытаниях силы теряла, Ц
И снова несла не только свой крест,
Но даже другим нести помогала.

На небе встречал её старый друг - Фразер, первый мис-сионер в её племени, который пожертвовал блестящей перспек-тивой на родине ради того, чтобы этот бедный, всеми забытый народ познал путь спасения. К этому времени он уже был у Гос-пода и сейчас приветствовал Хомай на небесах.

Теперь я хочу спросить тебя, дорогой читатель, каким будет конец жизни многих молодых девушек, подобных Хомай, кото-рые с удовольствием приняли бы Господа и последовали за Ним, если бы кто-то указал им этот путь? Каким будет конец этих маленьких, сорванных ветром гнёзд, жители которых в отчаянии ищут расселину в скале, чтобы укрыться в ней. Но они не смогут найти её, если ты или я не укажем им путь. Что ожидает тысячи маленьких растений, которые засыхают и погибают в ужасном огне мирской жизни, потому что никто не говорит им о сокро-венном источнике, который ищут их корни, чтобы пить прохлад-ную живительную воду?

Четвёртая глава
Гнездо поющей птицы

В те дни, когда уверовала Хомай и под предлогом заготов-ки дров убегала в деревню Олений пруд, чтобы в часовне иметь общение со своим Богом, ещё одна девушка получила радость и свободу от греха во Христе.

Деревня Олений пруд расположена в самом хорошем месте ущелья. От равнины вверх вьётся узкая тропинка. На высоте 2300 метров она огибает вершину горы и спускается вниз, чтобы снова исчезнуть в глубокой пропасти. Там, вверху, ниже этой тропинки, усыпанной сосновыми иголками, рядами расположились малень-кие хижины лису. В том месте, где два холма подходят вплотную к тропинке и делят деревню на две части, построили маленькую часовню. Не там ли впервые встретились Хомай и Лия? Языче-ские женщины-лису обычно не ходят за пределы своей деревни. Многие из них начинают посещать соседние деревни лишь после того, как становятся христианами. Можно представить себе, как Хомай, оставив свою корзину с дровами возле дверей, тихонько пробиралась в часовню и садилась рядом с Лией, которая была лишь на год младше её.

Но какой разной была жизнь этих двух девушек! Обе они искренне покаялись, и обеих Бог сделал необыкновенными хри-стианками. Обе любили петь и позже красивым пением славили Господа. Но при этом одна из них могла лишь тайно молиться Богу и была постоянно окружена языческими разговорами и обычаями, в то время как другая принадлежала к христианской семье и могла свободно делать для Господа всё возможное. В часовне Лии достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться своей любимой матери, которая была одной из самых ревностных христианок в церкви. А возле неё всегда сидели две её младшие сестрёнки, которые внимательно слушали Слово Божье. На сто-роне мужчин сидел её отец. Он был почти слепой, но лицо его излучало небесный свет. На коленях у него сидел мальчик, который позже станет верным свидетелем Иисуса. Счастливая Лия! Ей легко быть христианкой, не правда ли? Да, но не будем спе-шить с выводами. Хотя это маленькое семейное гнездо и укрыва-лось в расселине скалы, но злой дух, который так долго владыче-ствовал в "укреплённом замке", уже строил свои коварные планы, чтобы разрушить его.

А теперь возвратимся к событиям тех первых дней. От учите-лей-лису мы узнали, что первые христиане в ущелье не сохранили верность Господу. Исключением была лишь группа в Оленьем пруду. Она была для многих радостью, утешением и добрым при-мером, зажигающим в сердцах людей желание служить Господу. Бог воздаёт тем, кто ищет Его всем сердцем. Так деревне Олений пруд выпала честь стать первой миссионерской станцией в "укреплённом замке". Из Китая прибыл сюда миссионер Пайне с женой, чтобы поставить здесь свою палатку и поселиться в одной из бедных хижин лису. Мне бы хотелось знать, что переживала эта белая женщина, которая первой пришла в ущелье верхнего Салуи-на. Я только могу передать свои личные впечатления, когда я спус-тя многие годы впервые оказалась здесь.

Солнце уже село за горизонт, когда мы достигли цели сво-его путешествия. Я невольно обратила внимание на чудесную природу вокруг. Нас завели в хижину для

ночлега, но я поскорее положила шляпу и другие вещи и поспешила выйти, чтобы ещё раз полюбоваться этой красотой, пока её окончательно не скрыла тьма. Задняя стена хижины упиралась в земляной пол. Доски пола лежали на столбах, которые держали переднюю и боковые стены хижины. Я осторожно шла по этим неровным доскам, которые шатались при каждом шаге. Выйдя из хижины, я посмотрела по сторонам. Здесь начиналось кукурузное поле, которое спускалось по отвесному склону вниз к Салуину, совсем теряясь из виду. Меня поразила необыкновенная красота, которая окружала меня снизу, сверху и со всех сторон. Казалось, будто я
стою на крыше мира и могучие вершины гор находятся рядом, а внизу далеко на север и юг тянется горная цепь. Куда ни глянь, везде простира-лось ущелье. Я любовалась природой, пока всё не утонуло в ноч-ной темноте. Ничего прекраснее я никогда раньше не видела. Там, вверху, было так близко небо. Казалось, что и Бог намного ближе. Моё сердце наполнилось неописуемой радостью и благо-дарностью Богу. Я вернулась в нашу хижину, где весело потрескивал
огонь и уже был готов ужин: отваренный рис, мясо и овощи по обычаю китайцев. Мы с удовольствием поели. После ужина ночную тишину нарушил звук медного колокола, созы-вающий жителей деревни в часовню на богослужение. Наш хозя-ин-лису повёл нас по тропе, усыпанной сосновыми иголками. В темноте можно было различить фигуры людей, спешащих в ча-совню. Каждый шёл с горящим факелом, чтобы освещать дорогу. Часовня была построена по обычаю лису: земляной пол, скамьи без спинок; на переднем плане лежал большой плоский камень, на котором стояли горящие светильники. По одну сторону сидели мужчины, по другую - женщины. Все с любопытством смотрели на гостей: новых мапу и маму. Глядя на нас, они счастливо улы-бались. В то время я не понимала языка лису, но когда начали петь, мы пели вместе. Они - на языке лису, а мы - на англий-ском:
Что за Друга мы имеем? Нас Он к жизни пробудил, В Нём мы счастием владеем, В Нём источник вечных сил. Ах, как часто мы страдали, Боль терпя напрасно там, Где просить мы забывали, Чтоб один помог Он нам.
Несмотря на разный цвет кожи, мы имели одно сердце, одни чувства и одно внутреннее свидетельство, что мы дети Божьи. Когда пламя светильников вспыхивало, мы отчётливо видели перед собой сияющие радостью лица, которые затем мягко окутывал полумрак. Горный ветер слегка задувал в щели грубых стен.
Я подумала о том, как далеко мы находимся от дома и ци-вилизации, вспомнила и тяжёлый путь, который мы только что прошли, и сердце моё переполнилось благодарностью Богу за то, что Он привёл меня сюда, чтобы сделать Своей свидетельницей до края земли.
Я думаю, что жена миссионера Пайне пережила примерно то же. Но о чём могли думать лису? Сидя на грубых скамейках, они рассматривали белую женщину, удивлялись цвету её кожи и форме носа и, наверное, пытались представить её жизнь в далёкой стране.
Мне очень хотелось бы знать мысли Лии и Хомай, когда они в первый вечер удивлённо смотрели на чужую женщину. Одно я знаю точно: благодарность и любовь наполняли их серд-це. В катехизисе лису есть такой вопрос: "За что мы должны быть благодарны иностранному миссионеру?" Ответ: "За то, что это ему многого стоило: он оставил родину и своих любимых". Лису этого не забывают.
- Вы принесли нам спасение,- говорят они, гладя с лю-бовью наши руки.
Лия смотрела на белую женщину и думала о том, что она оставила отца и мать, братьев и сестёр и проделала такой далёкий путь, чтобы помочь всеми забытому, полудикому народу. От всего сердца Лия благодарила Господа за Его любовь, за то, что Он послал к ним Своих свидетелей. На небе она поймёт ещё лучше, чего это стоило белым миссионерам, и союз любви соеди-нит их на всю вечность.
- Я буду всегда о ней молиться,- возможно, обещала Лия в сердце своём, потому что так делают все наши духовные дети.
А как восхищались лису, когда впервые услышали пение Грейс Пайне! Она замечательно пела соло. Так как язык лису легко читается (в нём используются латинские буквы), то нам, иностранцам, в большинстве случаев легче петь, чем читать, если знакома мелодия.
- Разве это не удивительно,- шепнула Лии одна девуш-ка,- я понимаю что она поёт, но не понимаю, что она говорит! Она не поняла, что Грейс Пайне говорила поанглийски.
- Её голос не такой, как у нас,- сказала другая.- Её пе-ние касается моего сердца, и я плачу.
Неудивительно, что в то прекрасное время, когда семья Пайне жила в Оленьем

пруду, одинокая маленькая Хомай так стремилась в часовню и там слушала, слушала... Желание слы-шать Слово Божье было сильнее, чем страх перед укорами и жестокими словами домашних.

Для счастливой Лии это были самые прекрасные дни жизни. Целый день она пасла скот на диких горных склонах или находи-лась с другими жителями деревни на поле, или пряла хлопок, чтобы одеть семью. Но чем бы она ни занималась, её мысли всегда воз-вращались к белой миссионерке. Лия ни о чём другом не говорила, как только о тех истинах, которые слышала от неё.

Она знала историю Па-шиа-нио-па, который хотел стать христианином, но был слишком привязан к опиуму. Мама давала ему лекарства, которые должны были помочь. Когда ему стано-вилось совсем трудно без опиума, она давала ему пить какой-то чужой напиток, который называла кофе. Па-шиа-нио-па говорил, что это прекрасный напиток. Лия не встречала никого, кто был бы так добр к лису, как мама. Её сострадание к этому народу было велико.

Грейс Пайне имела медицинское образование, и жители де-ревни никогда не забудут, с какой верностью и любовью она им служила.

В то время её муж уже говорил немного по-лису и хорошо по-китайски. Лия любила вечерние богослужения, когда белый человек объяснял им Слово Божье. У него была вся Библия на языке лису, в то время как у них были только четыре Евангелия, Деяния Апостолов, катехизис, песенник и маленькая книжка с сокращёнными историями из Ветхого Завета. Пайне чувствовал, что катехизис вызывал у местных жителей чувство некоторой зависимости от закона, поэтому он искренне проповедовал о благодати Божьей и о бесполезности всех человеческих стараний спасти самих себя, вместо того чтобы просто принять Божью благодать.

Молодое сердце Лии приняло чудесную любовь и благо-дать нашего небесного Отца, и все бури и испытания, которые потом выпали на её долю, не могли уже сломить её веру в Бога.

Трудная, полная лишений жизнь была тяжелей, чем могла выдержать белая женщина. Я могу только отчасти представить себе эти трудности. Однажды я спала в хижине, которую предос-тавили семье Пайне. Крысы пробегали по моей голове и спуска-лись вниз по стенам. Возмущённая их наглостью, я укрылась плотнее, оставив только лоб и нос, чтобы дышать. Но и это не помогло. Я снова почувствовала на себе маленькие холодные лапки... Но не только это осложняло жизнь миссионерки.

Ей предстояло выдержать ещё много испытаний. Начался сезон дождей. День за днём ливень обрушивался на палатку и бедную хижину. Тяжёлые облака и стена холодного дождя закры-вали чудесную панораму. Казалось, не будет конца холоду, грязи, сырости.

- С воскресного утра до субботнего вечера я не снимала резиновых сапог, разве что на ночь,- рассказывала она мне.

Круг миссионерской работы очень быстро расширялся. Де-ревня Олений пруд не была больше центром работы. Супруги Пай-не пришли к выводу, что настало время построить себе маленький домик в более здоровом центральном районе. Выбор пал на дерев-ню Сосновая гора. Жители Оленьего пруда очень расстроились, услышав об этом решении. Теперь миссионеры будут находиться на расстоянии одного дня пути. Это всё же слишком далеко, если кто-то из близких заболел и срочно необходимы медикаменты.

Когда Пайне переехали, жителей Оленьего пруда не покидало чувство тяжёлой утраты. Хотя хижина миссионеров по-прежнему стояла на старом месте, но так не хватало её приветливых хозяев, которые всех утешали и помогали всем приходящим. И даже в часовне лису чувствовали себя одинокими и потерянными, так не хватало им сердечной теплоты и любви малы и мамы.

- Я не хочу больше идти в часовню, мне хочется пла-кать,- сказал однажды кто-то из местных христиан.

- Но Бог с нами,- пыталась утешить его Лия.- Он слы-шит нас, когда мы просим во имя Иисуса. Мы не должны остав-лять собрания.

Во время собраний она всегда сидела впереди на своём мес-те. Её сильный, чистый голос вёл за собой поющих и ободрял безутешных соседей.

Уже долгое время глаза Лии были постоянно воспалены. Не имея никакого понятия о гигиене, она чесала их, чтобы унять зуд, не задумываясь о том, что руки грязные. В хижинах лису нет окон, отчего внутри всегда полно дыма и копоти. Сама Лия все-да была аккуратной, но ей приходилось дотрагиваться до закоп-ченных

кастрюль и при этом пачкать руки. Поэтому было неуди-вительно, что она заболела опасной болезнью глаз - трахомой. Её отец чуть не ослеп от этой же болезни. Но так как она не знала об опасности заражения, то не была достаточно осторожной в обращении с отцом. В стране лису везде есть жертвы трахомы.
Если Лия слышала, что кто-то идёт в деревню Сосновая го-ра, она просила купить ей немного лекарства для глаз. Обработав ими глаза, она снова начинала видеть немного лучше. Поэтому она не подозревала об опасности.
Я впервые услышала о Лии во время моей болезни в 1935 году, когда к нам прибыла Кэтлин Дафис, чтобы ухаживать за мной. Она и Винифред Эмбери провели ночь в деревне Олений пруд, и на Кэтлин Лия произвела глубокое впечатление.
- Там живёт девушка с больными глазами,- рассказывала она,- ресницы у неё растут вовнутрь, и она просила меня выта-щить их. Её глаза очень плохо выглядят. Девушка почти слепая, но как она поёт! Да, поёт, как маленькая птичка! Это чтото не-обычное: в страданиях быть такой счастливой! Дивен Бог, устроивший в ночи Гнездо для поющей птицы.
Жизнь Лии становилась всё тяжелее по мере того, как она теряла зрение. Но её знакомые свидетельствовали, что она была исполнена терпения и благодарности Богу за всё, даже находясь в таком состоянии.
Как уже упоминалось, в ущелье много слепых лису. Но за все годы, что я там провела, я не встретила слепого язычника, который не имел бы печали в своём сердце. Эти люди несчаст-нейшие из несчастных. Но чтобы читатель не думал, что только Лия так смиренно воспринимала свою слепоту, я расскажу о другой слепой христианке, исполненной той же внутренней радо-стью. Она почти не видела, её глаза постоянно гноились, но лицо её отражало небесный свет, исходящий из глубины сердца. Её двадцатилетняя дочь совсем не видела и вообще не могла выпол-нять какую-либо работу. С ними ещё жила слепая и глухонемая невестка. Так бедной женщине приходилось делать всю полевую и домашнюю работу за себя и за своих родных, но каждая встреча с ней была благословением.
Однажды я спросила у неё, что делает её счастливой? Она ответила:
- Мысль о небе, мама. Учителя-лису рассказали мне, что Иисус приготовил для меня чудесное место. Там, вверху, не будет больше ни болезни, ни слепоты. Но там нас ожидают такие вещи, которых не видели даже здоровые глаза. Никто не может себе представить, как чудесно там всё приготовлено для нас. Мне так нравится об этом размышлять и говорить.
Да, и в печальном мраке слепоты Бог приготовил гнездо для поющей птицы. Он один способен дать ей радостную песнь в ночи. Тот, чьи глаза слепы, может просить Бога о духовном зрении.
И Он открывает глаза веры и поднимает наш дух над невзго-дами этого мира, чтобы спасённая душа могла пребывать с Ним в небесных жилищах.
Лишь в 1942 году встретилась я с Лией. Я её знала как сле-пую певицу из деревни Олений пруд. В феврале того года мы решили открыть на один месяц библейскую школу только для г] женщин и девушек лису. Нелегко было им на это решиться. Их
мужья и братья смеялись: "Они не могут учиться". Когда мы в деревнях проводили библейские курсы, на них присутствовали в основном мужчины. Поэтому женщины, которые не могли учить-ся, выполняли полевые работы.
Я должна признаться, что и в самом деле было похоже на то, что мужчины правы. Во
всяком случае, такое мнение склады-валось о тех нескольких женщинах, которые присутствовали на курсах. Каждый раз, когда их просили повторить стихи из Библии или хотя бы в простой форме передать их смысл, они начинали глупо хихикать. А если им предлагали помолиться вслух, то они совсем не могли этого сделать. Поэтому обучение женщин каза-лось безнадёжным делом. Но среди этих учениц находились Хомай, Лия и некоторые другие, о которых будет рассказано позже. Они были исключением и вселяли в нас надежду, что, вооружившись терпением, можно проводить работу и среди женщин. Когда же потом, в сезон дождей, началась библейская школа, прибыло ещё несколько девушек. Они скромно заняли задние скамейки.
Потом мы поняли, что именно смешанное обучение привле-кало легкомысленных девушек, что подвергало опасности учеников мужского пола. Нам пришлось запретить таким девушкам посещать курсы. По этой причине мы решили провести библейскую школу исключительно для девушек. Но придут ли они, если не будет пар-ней? Нам так хотелось воспитать девушек правильно.
Возникал и другой вопрос: в какое время лучше проводить курсы?

После сбора урожая мужчины-лису были свободны, но не так обстояло с женщинами. С
концом полевых работ для них начиналась ткацкая работа и шитьё одежды для всей семьи на весь следующий год.
Даже пресвитеры церкви не слишком воодушевились на-шим решением провести библейскую школу для девушек. Один молодой евангелист предложил:
- Если выбрать время китайского нового года, тогда более или менее все свободны. Девушки, которые хотят учиться, могут в январские вечера подольше ткать, а утром пораньше начинать работу, чтобы управиться до конца января, тогда в феврале они смогут посещать библейскую школу.
Но многие с сомнением качали головой, считая, что это не-возможно. Никто не верил, что действительно стоит учить деву-шек, но в то же время никто не хотел разочаровать маму.
На Рождество, когда со всех районов собралось множество лису, объявили, что в феврале мы планируем провести библей-скую школу для девушек, и все желающие должны записаться. Мы поставили им следующие условия:
1. Ученица должна не только носить имя христианки, но быть действительно спасённой.
2. Она должна иметь рекомендацию пресвитера церкви из её деревни, что её поведение хотя бы в прошлом году было без-укоризненным.
3. Она должна уметь читать и писать. (В дальнейшем мы отменили это условие.)
4. Она должна быть не моложе семнадцати лет. После этого объявления было много разговоров. Девушки, наклонив головы, хихикали. Записались только шесть из них. Но тот самый евангелист, о котором говорилось выше, ободрил меня:
- Не падай духом, мама, многие девушки хотят приехать. Они только не знают, что значит записаться, и медлят это сделать из-за страха, что не смогут сдержать обещания.
Мы готовились к курсам с молитвой и верой. Можете пред-ставить нашу радость, когда в день открытия прибыли не шесть, а двадцать четыре девушки! Но двух пришлось отправить назад, так как их пресвитеры не могли дать им рекомендацию. Девушки прибыли и с севера, и с юга ущелья, и с другой стороны реки. Некоторым пришлось преодолеть расстояние в один день пути. С юга прибыла Лия с двумя другими женщинами из Оленьего пруда. Ко мне робко подошла Тавифа, подруга Лии, в
то время как сама Лия в ожидании стояла сзади, и попросила:
- Мама, в правилах сказано, что каждая ученица должна
уметь читать и писать. Лия это раньше умела, но сейчас ей не по-зволяет зрение. Но ей очень хочется учиться. Разрешишь ли ты?
- О, конечно! - обрадовалась я, ласково дотронувшись до руки слепой девушки.Это правило мы установили только для того, чтобы не пришли те, кто не сможет справиться с заданием, но это не касается Лии. Мы её сердечно приветствуем!
Лицо слепой просияло.
Осчастливленные моим ответом, три подруги пошли искать себе ночлег на все дни занятий. Китайская школа предоставила нам свои помещения для ночлега, так как были новогодние каникулы. Вместо кроватей были лишь дощатые настилы, пол был земляной, а каменные блоки заменяли печь для приготовления пищи.
Перед началом занятий белые учителя старались побеседо-вать со своими учениками об их спасении. Когда Лия вошла в мою комнату, я, как обычно, задала ей вопросы, хотя знала, что она примерная христианка.
- Лия, ты прибыла, чтобы учиться в первой библейской школе для девушек. Перед тем, как мы начнём занятия, мне хо-чется знать, как каждая из вас понимает Слово Божье. Скажи мне, ты возрождённое дитя Божье?
- Да, мама, я рождена свыше.
- Что означает возрождение?
- Это значит иметь вечную жизнь, как и физическую, не правда ли?
- Хорошо! И когда ты родилась свыше, Лия?
- Когда я верой приняла Иисуса, Который умер на кресте за мои грехи.
- Почему ты хочешь учиться в этой школе, Лия?
- Потому что мне хочется больше узнать из святой Книги. Уже несколько лет я не могу её читать сама.
- Сколько тебе лет, Лия?
- Примерно тридцать... я не знаю точно!
- Мы очень рады, что ты здесь, Лия, и если я могу тебе чем-то помочь, то, не стесняясь, приходи.

Неуверенное движение её руки подсказало мне, что именно сейчас есть какая-то проблема.
- Что у тебя на сердце, Лия?
- Мне сказали, что школа для девушек примерно так же проводится, как библейская школа для мужчин. Это правда, мама?
- Да, мы хотим попробовать дать вам то же, что и мужчинам.
- Будут ли в воскресные дни и девушек посылать на про-поведь?
- Мы этого хотим, но...
- Мама, я хочу просить тебя о милости. Когда ты будешь посылать меня, не сможешь ли ты тогда отправить меня с Тави-фой и Авигеей? Я вижу совсем плохо, а по незнакомому пути я могу идти только совсем медленно. Мои две подруги привыкли к этому и снисходительны ко мне, а если же мне придётся идти с девушками, которых я не знаю, может, они тогда...
Слёзы выступили у меня на глазах. Мне бы и в голову не пришло послать слепую девушку по крутым и высоким горным склонам. Её бесстрашие поразило меня. Она была готова идти, как я могла сказать ей, что это слишком тяжело для неё?
- Лия, успокойся, тебя никогда не пошлют с чужими. Я радуюсь твоей готовности быть посланной и знаю, что Бог тебя употребит в Своём деле. Я так устрою, что вы
трое - Тавифа, Авигея и ты - всегда будете ходить в деревни вместе.
Улыбка облегчения на её лице показала мне, что единст-венная забота Лии исчезла и радость наполняет её сердце.
В школе Лии дали место впереди, вблизи учителя. Выраже-ние мира и неослабевающего внимания на её незрячем лице по-ощряло нас. Сразу в первое утро вместе с другими получила она своё библейское имя, потому что языческие имена, как я уже раньше об этом писала, имеют очень часто плохое значение. А мы хотели помочь молящимся друзьям на родине лучше их за-помнить. Лия, например, лучше запоминается, чем За-ме-ниио.
Во время этого первого библейского курса для девушек ка-ждый вечер я говорила о женской личности из Библии. Биогра-фии детей Божьих являются жизненным примером для всех нас, а особенно для женщин на востоке. Когда мы подошли к истории библейской Лии, я старалась сделать ударение на том, что во всех обстоятельствах Бог был её другом.
Когда мы изучали эту историю в маленькой хижине, на улице завывал холодный ночной ветер. И в то время, как на улице становилось всё темнее, лица, обращённые ко мне, озарялись духовным светом. В те вечерние часы Бог учил нас чудесным истинам. Слепая девушка увидела свою жизнь в новом свете и вновь получила подкрепление и утешение, чтобы перенести
скорбь, которая как "кратковременное лёгкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу" (2 Кор. 4,17).
В памяти остался и другой вечер. Мы рассуждали о жизни Авигеи. Подруга Лии, лису Авигея, в то время проходила через глубокие воды скорби. Она вышла замуж за Филиппа, после того как Хомай расторгла помолвку с ним. С той поры он внутренне сильно ожесточился и, оставив её, ожидающую ребёнка, одну, женился на языческой девушке. К тому же он унёс весь её запас кукурузы на год.
Мы дали молодой женщине имя Авигея, потому что её биб-лейская сестра давнего времени тоже была женой безбожного человека. То, что библейская Авигея была очень мудрой и краси-вой - согласно древней еврейской летописи, она одна из шести самых красивых женщин земли,- делало её жребий ещё печаль-ней. Когда я случайно упомянула о красоте библейской Авигеи, многие иронично ухмылялись и кивали в сторону лису Авигеи, что вызвало печальную улыбку на её серьёзном молодом лице.
Библейская история рассказывает о том, как безнадёжно Авигея была привязана к своему мужу, который не был достоин её и с которым она никогда не имела внутреннего общения, и как она постоянно подвергалась искушению принять самостоятель-ное решение и изменить свою судьбу. Языческие девушки лису делают это слишком поспешно и убегают с другим человеком. Единственный верный путь - доверить всё Богу и Ему предоста-вить выбор. Когда искушение применить насилие вывело Давида из внутреннего равновесия, Авигея уговаривала его и умоляла предать своё дело Богу. И как чудесно Господь всё устроил! По-сле того, как она доказала, что в смирении сердца научилась ходить пред Богом, Бог вступился за неё. Через десять дней умер бессердечный муж, а она стала женой царя.
Некто сказал однажды, что нельзя судить о незаконченном деле, нужно подождать до

его полного завершения. Так и мы не должны судить о своей жизни и посланных испытаниях, пока Бог не завершит Свою работу над нами и не достигнет того, чего Он хотел достичь в нас. Увидев в себе Его совершенное дело, мы получим удовлетворение и счастье.
Замечал ли ты, что Слово Божье является лучшим бальза-мом для разбитой молодой жизни? Велико было горе Авигеи, этого маленького гнезда лису, пока оно не нашло расселину в
скале. И представьте себе мою радость, когда в тот вечер в конце урока молодая женщина схватила меня за руку и, с благодарно-стью глядя на меня, прошептала:
- Спасибо тебе, мама, это действительно помогло. И всё же в то время, когда спасение уже достигло лису и Иисус стал для них надёжным прибежищем, далеко в южных горах безнадёжно шли в погибель тысячи лоло (до сих пор не достигнутое миссионерами племя). Они ничего не знали о скале - Иисусе Христе, о пути освобождения. Им никто не сказал об этом. Как тяготит меня мысль, что те люди с удовольствием приняли бы Его как личного Спасителя, если бы только кто-то пошёл показать им этот путь...
Хотя библейская школа длилась всего месяц, всё равно мы устроили экзамены. Желая поощрить учениц, всем сдавшим эк-замен выдали аттестаты. Если учесть, что никто из учениц преж-де не учился в школе и никогда не готовился к экзаменам, то результат можно считать удовлетворительным. Лишь одна полу-чила "отлично". Как вы думаете, кто была эта счастливица? Сле-пая Лия. Ей задавали те же самые вопросы, что и другим, только с той разницей, что она отвечала на них устно. Все конспектировали уроки и пользовались своими записями при подготовке к экзаменам, она же не имела такой возможности. Большая часть экзамена заключалась в пересказывании стихов из Библии. Лия знала их лучше всех. Я спросила, как ей это удалось. Лицо её сияло от радости, и она смущённо призналась:
- Я слышала, как другие читали свои конспекты и отрывки из Библии, готовясь к экзаменам.
Мы были действительно довольны нашими двадцатью дву-мя ученицами и с радостью смотрели на них, когда они под звуки маленького органа вошли в часовню. Одна из них руководила пением во время всего богослужения, а две говорили короткие прощальные проповеди. Ещё одна из них руководила всем торжеством, которое сопровождалось прощальными песнями и му-зыкой точно так же, как во время библейской школы для мужчин. На это заключительное служение прибыли многие бывшие уче-ники из мужчин. Некоторые прошли расстояние в один день пути, чтобы проводить сестёр домой или под другим каким-нибудь предлогом. В действительности же они хотели увидеть
результат занятий с девушками. В конце праздника один не вы-держал и радостно воскликнул:
- О, было чудесно! Почти так же хорошо, как и у нас.
А я думаю, было нисколько не хуже.
Собрание закончилось, и счастливые, взволнованные де-вушки собрали свои постели и вещи, чтобы отправиться домой вместе со своими братьями и друзьями. После собрания я отозва-ла троих из Оленьего пруда в сторону. Не зная, что ожидало их и меня в будущем, я сказала примерно следующее:
- Вы идёте домой, но ни для одной из вас жизнь не будет лёгкой. Обещайте мне, что вы постараетесь не забыть силу мо-литвы. Обещайте, что будете систематически собираться и мо-литься о ваших проблемах. Вы знаете, что Олений пруд в духов-ном плане уже не тот, каким должен быть. Дьявол заразил многих страстью торговлей зарабатывать деньги, и они остыли. Некото-рые из уверовавших и некогда полностью отдавшихся Богу ду-ховно умерли. Разве это не так?
- Да, мама,- печально подтвердили они. Подруги обещали молиться и не унывать, и мы расстались. Лию мне не пришлось больше увидеть. Сильная зубная боль и другие физические страдания вынудили меня отправиться в Ки-тай за медицинской помощью. Джон находился на конференции в Куньмине, и мы были почти три месяца в разлуке. Теперь мы на-деялись вернуться вместе, но случилось иначе. Весной 1942 года японцы двинулись маршем вверх через Бирму. Когда моё здоровье улучшилось настолько, чтобы возвратиться назад, они достигли страны лису, и по приказу британского консула я была эвакуирова-на. Это слишком длинная история, чтобы здесь всё рассказать. Во всяком случае, прошло шесть долгих месяцев, пока я снова увидела "укреплённый замок". Наконец-то я могла что-то узнать о своей любимой ученице. Но это была печальная история.
Вскоре после возвращения Лии из библейской школы умер от туберкулёза костей её младший брат, единственный сын в семье и чудесный христианин. Одна из младших

сестёр умерла на год раньше от лихорадки. Всего несколько месяцев побыла Лия дома и тоже заболела, по всей вероятности, тифом, который вспыхнул на юге после бомбардировки. До этого они, вероятно, встречались с Тавифой и Авигеей для молитвы. Вскоре Лия по-няла, что Бог отзовёт её к Себе. Она попросила свою семью,
которая в то время состояла из отца, матери и замужней сестры, собраться возле её постели и сказала с тихой радостью:
- Я знаю, что пойду домой к Богу. Единственное, что меня печалит, это забота о вас: чтобы вы не охладели в вере. Тяжёлое испытание обрушилось на вас в прошлом году, и никто не может сказать, почему эта скорбь постигла нас. Но мы знаем, что Бог любит нас и Он верен. Всё, что с нами случается, служит нам к лучшему: когда-то Бог откроет нам, почему всё это должно было произойти. Не плачьте обо мне, я иду в страну блаженства и света, туда, где Христос. Но я беспокоюсь, что вы будете роптать на то, что Он меня забрал, и этим огорчите Господа. Отец, обе-щай мне, что ты и в дальнейшем будешь верить и не усомнишься в Божьей благости.
Мне рассказывали, как Лия из последних сил просила своих родных во всём воздать честь Богу. Как можно объяснить такой образ мышления? Не иначе, как словами Христа: "рождённая свыше".
Так родители похоронили своё третье дитя. И хотя слёзы застилали глаза, они старались исполнить просьбу своей дочери и вели себя так, чтобы никто не сказал, что Бог был к ним слиш-ком жесток.
Но жестокий ураган смерти всё ещё продолжал наступле-ние на эту семью. Мать, одна из самых верных христианок, тяже-ло страдала от неизвестной нам болезни. Я подозреваю, что это был рак. Через год и она ушла к Господу, оставив слепого мужа и замужнюю дочь. Никогда они не забывали просьбу их Лии, ушедшей домой поющей птицы: "Обещайте мне, что вы будете верить". И они подражали её вере. Господь приобретает для Себя лучших воинов в тяжёлых испытаниях.
Одно маленькое происшествие, рассказанное мне знакомым евангелистом, который некоторое время работал в деревне Оле-ний пруд, свидетельствует о вере и уповании на Бога много испы-тавших христиан. Он вспоминал:
- Когда я работал в деревне Олений пруд, мы пережили страшное бедствие - пожар. Загорелись одна или две хижины, и мы боялись, что из-за сильного ветра пожар уничтожит всю де-ревню. Я поднялся на крышу хижины Давида и принялся расстилать мокрые платки, чтобы предохранить крышу от летящих искр; другие побежали за водой. Подняв глаза, я вдруг увидел
старого, слепого отца Лии, стоящего посреди дороги. Его дом стоял прямо на пути пожара, но у него не было никого, кто помог бы ему. Он поднял свои невидящие глаза к небу и молился. Ещё во время молитвы ветер начал менять направление. Этот старый, много переживший простой человек надеялся на своего Господа, а я, проповедник, бегал вокруг дома своего хозяина, пытаясь сохранить его. Слепой преподал мне хороший урок. Я спустился с крыши и пал на колени. Ветер отнёс пламя к дикому горному склону, и больше не пострадал ни один дом.
Конечно, слепота - большое несчастье в этой земной жиз-ни, но у Лии, у этой слепой девушки, было удивительное внут-реннее зрение, так что видение её веры продолжало жить и осве-щать путь другим, когда голос её уже умолк.

Глава пятая
Скала в сухой земле
(События происходили примерно в 1921 году)

Высокая стройная фигура осторожно скользнула по непри-битым шатким доскам и нырнула в тёмную хижину.
- Мама, ты слышала новость? - громко спросил вошед-ший.
У огня, вытянувшись на постели, лежала такая же высокая худощавая женщина с закопчённым лицом. Её бритая голова была покрыта тюрбаном. Она быстро поднялась.
- Что нового? Я ничего не слышала.
- Ну,- начал сын, ища в полумраке хижины самострел и колчан,- отец убежал с Ниио-ер-ме. Да будут прокляты оба! За этим последовал целый ряд бранных слов. Женщина негодовала. Поток грязных ругательств и страш-ных проклятий обрушился вслед беглецам.

- Почему он это сделал? - бушевала она.- Разве я не была ему доброй женой? Не подарила ли я ему сыновей? Нет на этой горе молодого человека, который был бы сильнее и выше моих сыновей! К тому же я родила ему ещё дочь. Почему он убегает с этой...- и тут последовали отвратительные прозвища в адрес Ниио-ер-ме.
В это время сын нашёл лук и стрелы и перекинул их через плечо. На поясе висел охотничий нож почти метровой длины. Молодой человек потянулся, поправляя снаряжение, и нельзя было не залюбоваться его гибкой стройной фигурой. Юноша был широкоплечим и высоким - примерно шести футов росту. Не-смотря на грязное лицо и
нерасчесанные волосы, он был очень красив. Только сейчас правильные черты его лица были искаже-ны дикой, злобной гримасой.
- Дай мне вина, ма,- попросил он.- Не скорби. Резко повернувшись, он поспешил по
шатким доскам к тропе, уходящей высоко вверх. Старая мать, оставшись одна, ругалась и
плакала одновременно. На смену страху, преследовавшему всех женщин-лису, в её семью пришло страшное несчастье.
По крутому горному склону взбирались четверо молодых людей. Их возбуждённый разговор не предвещал ничего доброго. Они узнали, в какой деревне хочет провести ночь сбежавшая пара и какая семья готова оказать им гостеприимство. Я не знаю под-робностей, как их поймали. Отец знал, что сыновья не имеют права разлучить, его с любовницей. Но бесстрашие и решитель-ность его старшего сына Лао-та внушали ему страх, поэтому он не осмелился сразу привести эту женщину домой. Но разговор с сыновьями не изменил его намерения. Он был страстно привязан к Ниииоер-ме,
которая умела держать его в своём рабстве. Она была действительно испорченной женщиной.
Не знаю, какими обманными обещаниями отцу удалось ус-покоить сыновей. Во всяком случае он не собирался один воз-вращаться домой. Он знал некоторых, которым удалось убежать с любовницами в Бирму и быть там, пока не уляжется гнев родных. Но его старший сын не мог всё так быстро забыть, у него был твёрдый характер. И в этом сыне он видел своего врага. Не толь-ко отец, но и все окружающие избегали его, когда он был во гневе. "Одно средство может его успокоить,- решил отец,это большая доза опиума".
Да, опиум ломает и разрушает любой характер, если его употреблять регулярно. Он притупляет всякую боль и делает человека бесчувственным. В двадцать лет этот молодой человек стал употреблять опиум.
В то время как отец со своей новой подругой строил планы на жизнь, его сын тоже кое-что придумал. Для него подошло время жениться, а значит, и строить свою собственную хижину. Вместе с невестой он приведёт сюда и свою мать. Тогда отец может устраивать свою жизнь как хочет.
Через некоторое время он привёл с собой девушку из де-ревни Три корня, которая расположилась глубоко в ущелье. Жизнь девушки не была безупречной. Да и кто был чист? Для язычников порядочность девушки не много значит. Девушка была более или менее в его вкусе, и этого было достаточно.
- Что в вашем представлении делает женщину желанной? - спросила я как-то одного лису.
- Одни хотят иметь жену красивую, другие - богатую, третьи - гостеприимную. Для лису позор, если его жена негос-теприимна,- объяснил он.
Во всяком случае, по какому-то из этих качеств Лао-та вы-брал себе невесту. Ему нужно было заплатить за неё большую цену, примерно двести серебряных долларов. Её семья, как и все другие, хотела получить плату за воспитание дочери, за одежду и питание, за то, что в ней они теряют рабочую силу, а другая се-мья получит выгоду от её способностей. Подробности выкупа за невесту просто смешны. Мать имеет право потребовать деньги за кормление грудью; бывает, что жениху предъявляют счёт даже за ява-ява-хва (пере-жевывание пищи) и т. д. Женитьба у лису доро-гостоящее дело. По этой причине церковь лису в нашем районе решила не брать денег за своих девушек. Но Лао-та женился до того, как Евангелие достигло его деревни; он был уже отцом, когда впервые услышал о Христе.
Время залечивает все раны. Через десять лет оба сына - Лао-та и Лао-ер - были женаты, каждый имел свою хижину и обрабатывал свой участок земли. Отец жил со своей второй же-ной в старой хижине. У него появился новый сын и маленькая дочь Зузанна. Отец и сыновья уже давно похоронили вражду и по старой дружбе помогали друг другу в работе. Но обе жены отца никак не могли примириться. Распри и

ревнивые ссоры не пре-кращались в их хижине. Старший сын, Лао-та, предложил матери перейти в его хижину, как он ей и обещал. Она согласилась. Но через несколько лет старая любовь к мужу снова возвратила её домой. Когда же их достигла весть Евангелия и её муж стал хри-стианином, они разлучились окончательно. Старая женщина перешла к своему сыну Лао-та и осталась там до смерти.
С рождением маленькой дочери, которую назвали Ме-до-ме, изменилось и имя Лао-та. Теперь он стал Ме-до-ме-па. Это имя осталось за ним до смерти. Лису-родители принимают имя своего старшего ребёнка и добавляют к нему слог: отец - "па", а мать - "ма". Употребление старого имени воспринимается как обида.
Шёл 1932 год. Однажды вечером по извилистой тропе, ко-торая поднимается вверх на
700 метров от Салуина, пришли два лису, одетых как чужеземцы. Они вошли в дом Лао-зан и попро-сились на ночлег. Их сердечно приветствовали. Уставшие путни-ки были рады сесть на большую низкую постель, которая днём
служила скамьёй. Они достали из маленьких мешков книги и начали читать.
- О, вы читаете по-китайски? - спросил Лао-зан с любо-пытством.
- Нет, не по-китайски,- возразили гости,- это книги на языке лису.
Эта новость была подобна молнии среди ясного неба. Все с интересом повернулись к
говорившему. Это был Иов со своим спутником.
- Лису-книги? - удивлялся хозяин.- Я не знал, что есть такие. Вы хотите этим сказать, что эти листы говорят на нашем языке?
- Я хочу вам немного почитать из них, а вы сами решите.
Воскресение Лазаря было у Иова любимым местом из Но-вого Завета. Иногда он пользовался и катехизисом, первый во-прос которого гласил: "Кто создал землю и всё, что на ней?"
Этот вопрос заинтересовывает лису.
Интерес к самим книгам вскоре иссяк, и все со вниманием слушали пришедших. Наконец один из слушателей сказал:
- Будет лучше, если мы позовём Ме-до-ме-па.
Герой нашей истории стал к тому времени лидером в де-ревне, и было бы неразумно принимать какое-то решение без его согласия. Позвали Ме-до-ме-па.
Пришёл рослый мужчина тридцати двух лет. Как все язычники, он был грязным, кроме того, пьянствовал и курил опиум. Но, несмотря на эти пороки, в его глазах светился живой ум, когда он внимательно слушал Иова, рассказывающего историю смерти Христа.
Все ожидали его решения. Наконец Ме-до-ме-па произнёс:
- Я очень хочу иметь вечную жизнь - кто же этого не же-лает? Но об этом я ещё никогда не слышал в нашей местности. Что же нужно сделать, чтобы её получить? Это возможно для лису?
- Вы должны верить в Бога,- ответил евангелист-лису.- Иисус умер за ваши грехи. Вам нужно удалить от себя демонов и обратиться к Богу. Вы не должны больше курить опиум, пить вино, но должны вести нормальную жизнь.
Это было непростое условие. Оставить единственное удо-вольствие в языческой жизни? Слушатели запротестовали, что это слишком большое требование для смертных. Ме-до-ме-па не
сказал ни слова. Он спокойно размышлял над услышанным. Весть о том, что может удовлетворить страстное желание его сердца, захватила его. Вновь и вновь задавал он серьёзные вопро-сы, которые приостанавливали общий шум, и тогда все с нетерпением ожидали ответа.
- Вы тоже всё это сделали?
- Да,- последовал решительный ответ.- Уже более пят-надцати лет назад мы изгнали своих демонов, и сотни лису в нашей местности сделали то же самое, и ничего страшного не случилось. Иисус сильнее демонов. Вместо греховных наслажде-ний Он пошлёт вам нечто лучшее. У нас есть чудесные гимны и сердечное общение на богослужениях. Один раз в год мы все собираемся и вместе отмечаем праздник, который называется Рождество. О, мы имеем много радости! Ни за какую цену я не хочу возвратиться в язычество! Впрочем, люди из вашего района уже разрушили жертвенники демонов и верой приняли Христа.
До поздней ночи продолжалась беседа. Почти все мужчины из деревни Дубовая равнина собрались в маленькой хижине по-слушать о новом учении. В конце беседы поднялся Ме-до-ме-па.
- Я хочу верить. Учитель, приходи завтра перед обедом в мой дом и изгони моих

демонов. Ты будешь у меня обедать. Потом поднялся Хао-лао-зан.
- И моих демонов ты должен изгнать,- заявил он.- Я тоже буду верить в Бога.
Так началось пробуждение в Дубовой равнине. Всю гору вмиг облетела новость: "Учителя пришли к нам с чужим учением! Они говорят, чтобы мы не поклонялись демонам, но чтобы вери-ли в Бога и надеялись на Него. Старший в Дубовой равнине и другие уже изгнали своих демонов".
Когда учителя пошли дальше, путь уже был приготовлен. Иосиф из деревни Сухой гриб, тот самый, который позже засва-тал Хомай, тоже присоединился к небольшому числу христиан. В деревне Три корня обратился к Богу брат Ме-до-ме-па, а в Сосно-вой горе - "Великий старик" и Пу-фу-зе-па. В Равнине сливово-го дерева покаялись все жители. В Равнине таволги за Господом последовала молодая семья: муж с женой. Эти люди основали церковь в той местности.
Так распространялось Царство Божье среди полудиких языческих племён. Весть о спасении во Христе достигла и феодала
в деревне Деловое место. Его легко было настроить против нового движения. Ему говорили:
- Это новое учение - не китайское. Его принёс белый человек. Это хитрость, чтобы забрать твою землю. Ты лучше запре-ти им, пока все твои люди не перешли к белому человеку. Ме-до-ме-па из деревни Дубовая равнина тоже присоединился к ним.
Всё это было обманом - дьявол ведь отец лжи, но феодал думал, что это правда, и поэтому объявил, чтобы его люди не принимали нового учения. Этот приказ сообщили всем деревенским старостам. Ведь именно от старосты зависело, как будет распространяться Слово Божье в той или иной деревне.
Без сомнения, приказ феодала дошёл и до Ме-до-ме-па. Можно представить, какую борьбу вызвало это в его сердце! Ме-до-ме-па пользовался привилегиями у феодала, а это много зна-чило: никаких налогов, личное расположение хозяина и многое другое. Как же он может ослушаться? У зажиточных людей, отважившихся на непослушание, постепенно забиралось богатст-во, и они становились бедными. А тех, кто демонстративно не слушался приказа хозяина, подвергали мучениям. Ме-доме-па
знал, на что способен феодал, если он разгневается.
Думаю, что дело происходило так.
- О Ме-до-ме-па! - вбежал в хижину Хао-лао-зан.- Я слышал, что приходили люди от
феодала с приказом, чтобы мы не принимали христианство. Это правда?
- Так оно и есть,- прозвучало в ответ.
- Ну, ты передашь этот приказ нам?
-Нет.
Все присутствующие тяжело вздохнули. В наступившей тишине отчётливо прозвучал вопрос:
- А ты знаешь, что он сделает тебе, если ты не послуша-ешься?
Ме-до-ме-па поднял голову и спокойно посмотрел в глаза спрашивающего:
- Что бы он ни сделал, он коснётся лишь моего тела. А веч-ную жизнь, что Бог мне подарил, он не может забрать у меня. Сего-дня утром я читал из Луки 12,4-5: "Говорю же вам, друзьям Мо-им: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать. Но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну; ей, говорю вам, того бойтесь".
В маленькой хижине стало совсем тихо. В тишине Хао-лао-зан сказал:
- Это как ответ, не правда ли? Ну, тогда и я хочу остаться верным!
Как лесной пожар, разлетелась весть по деревне.
- Ме-до-ме-па не откажется от веры!
Это был решающий момент для маленькой церкви. У нас на родине были друзья, которые молились, чтобы Бог послал для церкви лису мужественного вождя, чтобы укрепить малую группу слабых верующих, если на них будут гонения. Нам знакомы были подобные случаи, когда целые деревни возвращались в язычество, потому что староста отступал от веры. Люди, находящиеся в зави-симости от феодала, не решались поступать по своему усмотрению и желанию. Но если находится один, готовый взять на себя наказа-ние, то многие укроются за ним и займут ту же позицию.
Как вы думаете, что придавало решимости Ме-до-ме-па? Почему он был готов потерять всё: землю, авторитет, вино, опи-ум - всё, что приносило ему радость? Что он получил взамен? Чудесную вечную жизнь? Этот человек не был выдающимся философом, он был всего лишь безграмотным крестьянином, но с живым и ясным умом.

Никогда раньше он не дал бы себя в обиду. Что же теперь придавало ему решимости оставить всё ради Христа? Единственный ответ на это даёт Слово Божье: "Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы - дети Божий" (Рим. 8,16) и "Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом" (1 Иоан. 5,10). Этот "дикий", как китайцы называют лису, знал, хотя и не мог этого объяснить, что через Иисуса Христа он имеет связь с Богом. Он знал, что перед ним открылся мир не-описуемой радости и ни с чем не сравнимых преимуществ, хотя он стоял всего лишь у истоков новой жизни. Но его счастье во Христе было так велико, что ни одно прежнее удовольствие не-возможно было сравнить с ним. Прежнее для него теперь ничего не значило, но новую жизнь с Богом он должен сохранить. Он был твёрд в своём решении, и каждый с тревогой ожидал, какое наказание повлечёт за собой его непреклонность.

Дни проходили без особых происшествий, но Ме-до-ме-па не обманывался насчёт намерений хозяина. Как житель востока, он хорошо знал феодала. Однажды, когда он гнал свиней на базар через деревню Деловое место, навстречу ему вышел один из слуг хозяина, положил руку ему на плечо и сказал:

- Феодал зовёт тебя.

Вот и настало время расплаты. Спокойно проследовал Ме-до-ме-па на хозяйский двор, который понемногу заполнялся зрителями. Феодал был, по-видимому, в большом гневе.

- Как ты смеешь гнать свиней на базар, когда ты получил приказ строить дорогу? - закричал он.

Все присутствующие знали, что такого приказа не было, это был лишь предлог, чтобы утаить истинную причину гнева, пото-му что в Китае существовало право на вероисповедание.

- Привяжите его к позорному столбу и высеките! - при-казал феодал.

Тут же нашлись добровольцы. Но сильный Ме-до-ме-па даже не сопротивлялся. Следовал удар за ударом. Его, одного из сильнейших во всём районе, били так, что он потом три дня не мог ходить. Когда экзекуция окончилась, непокорный Ме-до-мепа остался неподвижно лежать на земле.

Так быстро, как только могут ходить человеческие ноги, эта новость долетела до Дубовой равнины. Его товарищи оставили работу и с печалью в сердце поспешили на место происшествия. "Жив ли он ещё? Сохранит ли он и дальше верность Христу? - переживала маленькая группа христиан, дрожа от страха.- По-ступят ли с каждым из них так же, или один Ме-до-ме-па должен был понести наказание за всех, только в меньшей мере, чем его Учитель? Стоит ли им нести наказание за свою веру? А может, лучше всем возвратиться в язычество?"

Множество вопросов волновало их, пока они шли в дерев-ню. Но скоро все с облегчением вздохнули: Ме-до-ме-па загово-рил! Он сказал, что всё в порядке и что он и в дальнейшем будет верить! Проходили дни, но больше ни один христианин не по-страдал. "Он взошёл... как росток из сухой земли". Это было сказано о его Учителе, но оно было в определённом смысле верно и для последователя Христа. Напуганные верующие ободрились, и, как обычно бывает, к ним присоединились другие. Многие заинтересовались: что же предлагает христианство, если ради него один из самых сильных и влиятельных лису позволил себя так бить?

А что же феодал? какое-то время в качестве наказания он облагал последователей нового учения большими налогами. Но со временем он обратил внимание на некоторые обстоятельства: материальная жизнь христиан улучшалась, их поведение было примерным. Они подчинялись ему во всём, что не касалось их веры. И лет через восемь он открыто заявил, что христиане явля-ются его лучшими подчинёнными, потому что отказываются от курения опиума, отчего становятся физически сильнее и, следо-вательно, лучше обрабатывают свои поля. Налоги приносили ему теперь больше прибыли, так как они зависят от собранного урожая: чем больше урожай, тем больше зерна для феодала.

Этот человек не стал христианином, но, как правитель Фе-ликс из библейского повествования, он приглашал к себе пресви-теров церкви послушать Слово Божье. Может быть, он рассчиты-вал, что успеет покаяться в свой последний час, но, увы, этого ему не было дано: лихорадка внезапно оборвала его жизнь.

Церковь в Дубовой равнине утверждалась, но недоставало евангелистов, чтобы понести весть спасения дальше. Товарищи Ламаву возвратились в свою родную деревню Мухенгпо, и хотя их место заняли другие, но всё же было слишком мало учителей, чтобы удовлетворить просьбы всех желающих слышать Слово Божье. Поэтому ответственность за евангелизацию легла на пле-чи новообращённых. На расстоянии однодневного пути на юг, по ту сторону Салуина, на его западном берегу лежала деревня Рав-нина лошадиных пажитей. Хотя её жители первыми услышали Евангельскую весть, они медлили принять Христа. Теперь же и они просили учителя. Ме-до-ме-па заявил, что пойдёт к ним.
- Как восприняла всё это твоя жена? - спросила я, слу-шая его историю.Уверовала ли она сразу, как и ты?
- Нет, она этого не сделала, мама,- ответил он с добро-душной улыбкой: - Немало проблем создавала она мне. Её зли-ло, что ей нужно было оставить языческие наслаждения, и поэто-му она устраивала мне бурные сцены, что сильно огорчало меня.
- Ну, а теперь? Она согласна С тобой? - расспрашивала я.- Как произошло изменение?
- Я не знал уже, что делать, и начал о ней молиться,- сказал он с радостным блеском в глазах.- Она не любила, напри-мер, чтобы я уходил из дому проповедовать, а я добровольно посвятил себя этому служению. Но я начал постоянно о ней молиться,
и она стала меняться. Чем сильнее я о ней молился, тем заметнее были изменения в моей жене, и сегодня она совсем мне не мешает, и я могу поступать, как хочу.
Пользуясь возможностью, я хочу сказать, что Ме-до-ме-ма была до смерти своего мужа примерной женой пресвитера. Она постоянно приходила на молитвенные собрания, сама свидетель-ствовала и наставляла других, и рассказывали, что она помогла одному старосте деревни примириться с его женой. Но, к сожале-нию, после смерти мужа Ме-до-ме-ма снова впала в старый грех.
Свидетельство Ме-до-ме-па в Равнине лошадиных пажитей принесло обильный плод: там образовалась маленькая, но верная церковь.
Продолжение истории относится к тому времени, когда мы с мужем переехали в Дубовую равнину. Наша хижина стояла чуть ниже жилища Ме-до-ме-па, и между нами установились добросо-седские отношения.
Ме-до-ме-па я увидела впервые весной 1933 года, когда мы посещали Лайлу Кук в Сосновой горе. Тогда мы ещё не жили среди лису. Было воскресенье, и госпожа Кук обратила наше внимание на некоторых руководящих членов церкви, пришедших на богослуже-ние. Указывая на высокую фигуру Ме-до-ме-па, она сказала:
- Того высокого лису я называю пастырем, потому что он всегда заботится о других и имеет доброе сердце, полное любви к ближним.
В декабре 1934 года семья Кук переехала в Луду, а мы заняли их место в Дубовой, равнине как ответственные за этот район. Миссионерское сообщение марта 1935 года содержит две записи о Ме-до-ме-па:
"В нашей работе среди лису мы столкнулись с дьявольски-ми уловками - конфликтами из-за земельных участков, для урегулирования которых обращаются к языческому феодалу. В прошлое воскресенье мы серьёзно говорили с Паде-Йоганнесом, Хао-лаозан
и Ме-до-ме-па, которые заняли неправильную пози-цию в этом вопросе. Вечером, когда началось открытое собрание, первым поднялся наш любимый пастырь и признал свою ошибку перед всей церковью. Лицо его светилось, и он был так искренен, что его просто невозможно было не любить".
Церковь лису образовывалась по обычаю местных жителей, и они же руководили ею. Миссионер давал свой совет, если его
об этом просили, и проповедовал только в том случае, если ему это поручали. Каждая христианская деревня выбирает руководи-теля собрания, а он пишет на доске имена тех, кто должен на следующей неделе проповедовать. Если нет имени белого чело-века, значит он не проповедует и сидит среди других слушателей, в то время как местный христианин проводит служение. В ту пору, когда я ещё не понимала языка лису, мне пришлось присут-ствовать на одном вечернем богослужении, которым руководил Ме-до-ме-па. Я смогла лишь понять, какое место из Евангелия он выбрал. Это был текст из Иоан. 12,1-8, история об алавастровом сосуде, разбитом Марией, чтобы помазать ноги Иисуса. Я видела, с каким вдохновением говорил проповедующий, и думала: что же в этой истории так особенно коснулось сердца этого крестьяни-на? У него было ещё мало библейских познаний, но он был одарён

духовно. Драгоценная жертва Марии, принесённая своему Учителю, глубоко тронула его сердце и вдохновила его на благо-словенную проповедь. На лице этого лису, наверное, было то же самое выражение, что и у той еврейской женщины в древние' времена. Оно светилось любовью, потому что этот язычник ис-пытывал к своему Учителю те же чувства. "Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе" (Гал. 3,28).
Из сообщения за июль 1935 года видно, что хотя в церкви был иностранный миссионер, но наказание определяли только местные христиане.
Вечером, во время богослужения встал заблудший сын и сказал, что хочет снова возвратиться к Господу, потому что по-знал, что только у Господа можно найти спасение и мир. Когда он снова сел, учитель Иоанн заметил:
- Ты недостаточно сказал.
Его поддержали Ме-до-ме-па и Паде-Йоганнес.
- Как обстоит дело с твоим грехом? Возвратиться к Господу и не сказать ни слова раскаяния?! Так нельзя обращаться с Богом!
Нам очень приятно было видеть, что они так ревнуют о своём Господе. Кто однажды пренебрёг своим спасением, тому трудно возвратиться назад. Церковь приняла его исповедание и предоставила возможность проявить свою веру на деле. Ему разрешили приветствовать других в знак общения, но в членстве его не восстановили.
В сентябре мне и моей маленькой дочери пришлось на не-сколько месяцев поехать в Китай. Я уже об этом писала в истории Хомай. К Рождеству мы вернулись.
Декабрьское сообщение описывает наше возвращение:
16 декабря мы возвратились в Дубовую равнину. Встретили нас чудесно. На середине горного склона нам навстречу вышли Иоанн, Е-хиаме - подруга нашей маленькой дочери, Гу-фу-хе, который, ударяя в гонг, созывал христиан на богослужение, и Марк. Все другие должны были ожидать на горе. Но когда люди из Равнины сливового дерева услышали наши голоса, они не смогли дольше ждать и побежали нам навстречу. Первым подбе-жал Халев и, счастливо улыбаясь, крепко пожал нам руки. Один старый человек сказал вполголоса:
- Господу благодарность, Он не позволил нам быть в разлуке.
Это тронуло меня до глубины души.
Повыше, ожидая встречи, стояли Иов, Паде-Йоганнес, Ме-до-ме-па, Ке-те-зе-па и другие. Когда мы приблизились, они начали петь, но от волнения забыли слова и совсем умолкли. На несколько минут воцарилась праздничная тишина, потом Иов воскликнул:
- О, оставим лучше! Поприветствуем их!
Наш небесный Отец - чудесный Податель всех благ! Он знает даже, какая мелочь может доставить большую радость. Среди тех, кто спешил первыми пожать нам руки, были и те, о чьих холодных сердцах мы давно молились.
Мы прожили здесь три счастливых месяца, прежде чем отправиться домой в отпуск.
Лису писали нам в Америку, и у меня сохранилось письмо от Ме-до-ме-па. Хотя оно не сообщало о чём-то особом, но зато было написано,им лично.
"Дубовая равнина, 14 марта 1937 года.
Старший брат, старшая сестра!
Вам, по которым я скучаю, которых не могу забыть и кото-рых постоянно желаю видеть, я посылаю рукопожатие именем Отца и Сына и Духа Святого. Старший брат и сестра, живёте ли вы в мире?
У нас всё в порядке, мы живём хорошо, потому что Господь нам помогает. Молитесь обо мне. Молитесь и о пресвитерах в окружающих районах. Мы усердно молимся о том, чтобы вы возвратились и учили нас. Хотите ли вы вернуться к нам?
Мы были очень рады, когда получили от вас в начале марта фотографию. Теперь Дубовая равнина будет какое-то время без миссионера - овцы без пастыря! Я спрашиваю себя: кого Бог для нас приготовил?
Любящий вас слуга Иисуса Христа Ме-до-ме-па".
Когда, оглядываясь назад, читаешь это письмо, то невольно обращаешь внимание на простой вопрос: "Я спрашиваю себя:
кого Бог для нас приготовил?". Если бы Ме-до-ме-па мог знать, какие переживания ждут его впереди в связи с этим вопросом...
После нашего отъезда деревня Дубовая равнина была не-сколько месяцев без миссионера, потом один заявил о своей готовности идти туда помочь. Лису дали ему имя: брат "Два". Китайская миссия старается не отправлять на станцию новых работников одних, без помощи опытных миссионеров, но иногда в случае острой необходимости приходится делать это. История церкви в Дубовой равнине показывает, каким может быть резуль-тат таких вынужденных решений.

Брат "Два" был ревностным, жертвенным молодым мис-сионером, к тому же очень одарённым: за короткое время он выучил язык лису. С большой радостью писали о его прибытии Ме-до-ме-па и другие. Лёгкость, с которой он выучил их язык, вызывала у них удивление.

Слова в языке лису часто имеют двойное значение, и даже опытный знаток языка может неправильно понять местных жите-лей. Позже лису рассказывали нам:
- Иногда брат "Два" думал, что понял нас, но по его отве-ту мы замечали, что это не так.
Брат "Два" приступил к работе без помощи опытного мис-сионера, который смог бы объяснить ему причины некоторых трудностей, которые возникали в церкви, но в принципе не ме-шали делу благовестия. Не имея рядом старшего миссионера, с кем он мог бы посоветоваться, брат "Два" начал вносить измене-ния в жизнь церкви лису. Фразер дал местным жителям катехи-зис. Мы работали с этой книгой в различных племенах и на соб-ственном опыте оценили её. Катехизис был несложен для начинающих и поощрял их к дальнейшему изучению основ веры. Но брат "Два" думал, что через простые вопросы и конкретные ответы в катехизисе лису придут к мнению: "Сделай то и другое - и будешь спасён". Другими словами, он полагал, что церковь
лису стоит перед опасностью законности. Он утвердился в своём мнении, когда услышал, что Пайне думал то же самое.
Брат "Два" решил начать действовать против этой законно-сти и стал критиковать дисциплину церкви. Это привело его к конфликту с Ме-до-ме-па, руководителем всех пресвитеров церк-ви, слово которого во всех вопросах было последним. Как я уже упоминала, дисциплина и руководство устанавливались церко-вью, и миссионер давал свой совет, только если об этом просили. Так делалось для того, чтобы местные церкви могли утверждать-ся. Этот же белый человек хотел присутствовать на всех совещаниях лису и, возможно, хотел взять в свои руки и руководство церковью, стараясь доказать, что в церкви применяются неправильные методы. Ме-до-ме-па был против такого быстрого пере-ворота, который хотели провести без предварительной консуль-тации у Фразера или Кука, которые были хорошо знакомы со
всеми вопросами работы среди лису. Брат "Два" совсем недавно прибыл в страну лису, а оба миссионера. Фразер и Кук, уже давно понимали образ мышления и чувствования лису, и оба одобряли методы Ме-до-ме-па. Но брат "Два" оставался при своих убежде-ниях и претворял их в жизнь со всей пылкостью юности и не-опытностью новичка.
Когда миссионер Самуил Рутерфорд достиг зрелого возрас-та, он как-то высказал такую мысль: "Сердца молодых людей являются приятелями сатаны". И, указывая на своё собственное прошлое, он с печалью добавил: "Часто моё рвение граничило со своеволием и неуравновешенностью". Точно так же было и в этом случае, но, к сожалению, мы этого не заметили.
Наконец разногласие во мнениях в церкви достигло высшей точки. Речь шла о Самуиле из Оленьего пруда.
Иов и Ме-до-ме-па убеждали его смиренно нести свой крест, то есть признать свою жену. Это несколько месяцев удерживало Самуила на узком пути. Он был не из тех, кто углубляет свои корни веры в живой источник, как это делала Хомай. Он не уделял време-ни для чтения Слова Божьего и молитвы, поэтому легко впал в грех, когда ветер искушений начал одолевать его. Наш отъезд означал для него полный крах, и он решительно и добровольно оставил Господа и отдался греху. О нём говорили, что не было такого греха, которого он не сделал бы. Его старик-отец считал, что во всём
виновата нелюбимая женщина. Он повёл её к феодалу в место, называемое Шесть сокровищ, и заплатил за развод.
Самуил был внешне очень привлекательным: высокий, широ-коплечий, с открытым взглядом и сияющей улыбкой. Мы все любили его. Брат "Два" неправильно понял одну сторону этого дела и думал, что тот женат по языческому обычаю. В действительности же Самуил сочетался по-христиански. Брату "Два" казалось, что никто из пресвитеров и не старался вернуть Самуила. Он, по всей вероятности, не знал, сколько времени Ме-до-ме-па провёл в бесе-дах, с любовью убеждая парня не предаваться греху.
- Вы и не пытаетесь вернуть грешников,- запальчиво до-казывал брат "Два".
Он пошёл к Самуилу лично, молился с ним и убеждал его возвратиться к Богу. Польщённый интересом белого человека, Самуил на словах признал свой грех и

согласился вернуться в церковь. Брат "Два" был, конечно, очень обрадован и ожидал, что каждый раскроет свои объятия и с ликованием примет грешника. Но было не так.
- Мы рады, что он признал свои грехи и желает вернуть-ся,- сказали пресвитерылису,-
но он умышленно грешил. Не в наших правилах сразу пускать таких к столу Господню. Пусть он некоторое время не участвует в рукопожатии и в вечере, чтобы иметь возможность доказать искренность своего покаяния.
Кроме всего прочего, брат "Два" начал выдавать опиум как медикамент. Когда ему сказали, что христиане-лису не должны иметь дело с опиумом, он возразил:
- Новый Завет не говорит, что нельзя употреблять опиум! И также не написано, что нельзя курить или пить вино!
Это был тяжёлый удар для церкви, и некоторые слабые христиане использовали его слова для того, чтобы снова впасть в свои старые грехи. Во всех случаях брат "Два" цитировал Новый Завет - Книгу, о которой Ме-до-ме-па и другие только слышали, но никогда сами не читали. В то время супруги Кук ещё работали над его переводом.
Так случилось, что церковь лису разделилась на две части. Некоторые последовали за братом "Два", а другие - за Ме-до-ме-па. Никогда ещё такой сильный ветер не обрушивался на пастыря и на его маленькую паству. Удары феодала были ничто в сравнении с этим ударом. Те касались тела физического, этот же
изнутри разрывал тело Христово. Подавленные и смущённые, христиане из группы Медо-ме-па
рассуждали в покинутой часовне: есть ли вообще смысл продолжать
духовную работу? И снова Ме-до-ме-па стал для них опорой.
- Я знаю, что нам нужно сделать,- сказал он.- Нужно написать господину Фразеру и
спросить его, правы ли мы и что нужно сделать. Если действительно нам нужно было передать руководство брату "Два", то мы признаем свою ошибку. Бог знает, мы хотим исполнять лишь Его волю. Но Самуил, кажется, никогда не сожалел о своём грехе, насколько я это мог понять. По-моему, он признал грехи лишь для того, чтобы угодить брату "Два". Что же станет с церковью, если позволить пить, курить и употреблять опиум?
Все возмущались, вспоминая превратные объяснения брата "Два", которые кое-кто уже усвоил для себя. Так было написано и отправлено письмо. Но пришлось долго, месяца три, ждать отве-та, так как Фразер был очень далеко, на востоке провинции. Как же тяжело было для разделённой церкви находиться в постоян-ном поругании у язычников.
Однажды сторонники брата "Два" принесли новость:
- Брат и сестра Кун вернулись из отпуска, но находятся в Китае и не вернутся сюда, потому что посланы в Паушан. Если вы не хотите признать брата "Два", то и он уйдёт, и вы никогда не получите больше миссионера.
Это было тяжёлым ударом. Мы на самом деле вернулись из отпуска и были направлены в Паушан, о чём свидетельствовали наши личные письма. Теперь ураган сокрушал небольшую цер-ковь ещё сильнее.
- Лучше уж нам написать письмо в китайскую миссию, чтобы брата "Два" оставили,испугались
некоторые служители церкви.- Лучше уж делать так, как он хочет, чем
остаться совсем без миссионера.
И они написали письмо совету миссии в Шанхай, в котором просили, чтобы брата "Два" оставили у них. И только Ме-до-ме-па не подписал это письмо.
- Я не поставил свою подпись не из легкомыслия,- рас-сказывал он нам позже.- Кете-зе-па
и я молились всю ночь. Всю ночь мы взывали к Богу, чтобы Он показал,
что нам делать. И я не мог подписать!
Его несогласие произвело большое впечатление на церков-ный совет. Об этом долго говорили, много спорили и уже совсем было договорились отправить письмо без подписи Ме-до-ме-па, но потом всё же не решились, вспомнив о том, что он всегда с любовью помогал им мудрым советом. И в конце концов все опять собрались вокруг "скалы".
- Ну, тогда и мы не подпишемся,- заявили братья пе-чально.
И в этот критический момент вдруг пришла помощь.
Они получили полное сочувствия письмо от Фразера с наставлением оставаться твёрдыми, потому что брат "Два" неправильно понял некоторые вещи и он. Фразер,

сам придёт, чтобы поговорить с братом "Два" об этом. Тогда всё решится. "Вы правильно поступили",- писал он.
О, какое утешение было в этих словах!
- Бог услышал нашу молитву! - радовался Ме-до-ме-па, чуть не плача от благодарности.
Теперь им было легче ждать.
Наконец от Фразера пришла весть, что он сейчас слишком занят, чтобы посетить их местность, но он хочет встретиться с братом "Два" в Паушане. Между тем, сообщал он, брат и сестра Кун должны были отправиться к ним в ущелье и, как он надеялся, "утешить их сердца". Это письмо Фразера принесло им радость и печаль одновременно.
Радость при мысли о встрече с миссионерами, которые больше года жили среди них, а печаль, когда они видели, как брат "Два" запаковывал свои вещи и всё ещё утверждал, что он прав, и заявлял, что никогда больше не вернётся к ним. Лису любят сво-их миссионеров больше, чем своих родителей. Хотя брат "Два" и посеял раздор между ними, они всё равно не забывали, что он покинул свою родину, расстался с родными и многим пожертво-вал для того, чтобы они, полудикие язычники, приняли Еванге-лие. Поэтому им было очень больно видеть, что он ушёл от них обиженным.
Примерно через неделю пришло известие: брат и сестра Кун, наверное, уже сегодня поднимутся по горному склону. Ко-гда через несколько часов Ме-до-ме-па увидел своих любимых миссионеров, приближающихся к нему, ему показалось, будто тяжёлая ноша свалилась с его плеч: теперь всю тяжесть ответственности
за церковь он мог спокойно разделить с дорогим стар-шим братом. Всё пережитое было слишком тяжело для нашего любимого пастыря. Увидев моего мужа, он
пал ему на грудь и дал свободу слезам. Это была трогательная картина. Он не произнёс ни слова, никого не обвинял, но только крепко обнял Джона и тихо заплакал...
Потом, во время длительной беседы, Ме-до-ме-па не сказал ни одного плохого слова о брате "Два". Но он был очень печален.
В ту ночь пастыря мучили сильные боли. Это было началом страшной болезни. Боли потом стали постоянными и напоминали симптомы рака. Но больше года мы не подозревали, что жизнь нашего дорогого наставника церкви находится в опасности, хотя приступы периодически повторялись.
Нужно ещё упомянуть о встрече Фразера с братом "Два", который говорил лису, что совсем уйдёт из китайской миссии. Он был уверен в своей правоте и считал, что Фразер никогда не сможет переубедить его. Честно признаться, никто из нас не имел большой надежды на положительной результат их беседы, но всё равно мы об этом молились. Каждый год 31 декабря для всех членов китайской миссии является днём поста и молитвы. Так как год шёл к концу, Джон призвал к этому и всех лису. Ме-до-ме-па и другие собрались в тот день для совместной молитвы. Встреча в Паушане занимала мысли всех, поэтому мой муж перед началом молитвенного часа сказал примерно следую-щее:
- Когда мы сейчас будем молиться, то я бы хотел, чтобы никто из нас не говорил Господу об ошибках брата "Два" - Бог их уже знает. Но посвятим это время для того, чтобы признать пред Богом свои личные грехи и чтобы привести своё сердце в
порядок пред Богом. После этого мы можем просить о взаимопо-нимании между господином Фразером и братом "Два".
Молитвы, последовавшие после этого, были самыми чудес-ными из всех, которые я когда-либо слышала. Милые лису сделали именно так, как их просил "большой" брат. Не было сказано ни одного плохого слова о брате "Два", но зато многие покаялись в своих грехах и признались в том, что озлобились и ожесточили свои сердца. Плач всеобщего покаяния возносился к престолу благодати.
Не падай духом, ты не одинок. С тобою Тот, в Ком я нашла спасенье, С тобой Христос, незримый вечный Бог, А в Нём душе скорбящей утешенье. Лишь сердце перед Ним своё открой По доброй воле - Он не принуждает. Он кротко ждёт и, слыша голос твой, В любви всё забывает и прощает.
Господь чудесным образом ответил на наши молитвы. Для церкви лису пришло письмо от брата "Два", в котором он просил прощения за раскол, состоявшийся по его вине, и за всё, что он сделал или сказал неправильно. Правда, в некоторых вопросах он не считал себя неправым. Так, он по-прежнему был убеждён в том, что меры наказания в церкви лису устанавливаются неправильно, и Фразер не смог

заставить его изменить своё мнение. Но главное - брат "Два" искренне хотел единства сердец.
Хотя взгляды на наказание в церкви и на катехизис так и остались разными, но мир был восстановлен.
Пришло и письмо от Фразера, одно из лучших, которые я когда-либо читала, в котором он сообщал, что они с братом "Два" примирились как братья во Христе, и потом он добавил: "Я не хочу, чтобы кто-то из вас вспоминал его ошибки. Что касается меня, то они уже забыты - он мой возлюбленный брат.
И я прошу вас так же принять его как такового.
Любовь всё покрывает. И я верю, что она восторжествует и в ваших сердцах".
Спустя годы "Великий старик" (дальше о нём будет рассказано подробно) видел, как я просматривала некоторые письма.
- Мама,- обратился он ко мне,- где сейчас брат "Два"? Я знаю, что кое-что произошло, когда он здесь находился,- продолжал он медленно,- но он вылечил мою ногу, когда я её сильно порезал. И я всегда буду благодарен ему за это. Я скучаю по нему.
Брат "Два" был послан на другое поле деятельности. По-следнее, что я о нём слышала, это то, что он служит в британской армии и приводит многие души ко Христу.
К нашей радости, нам разрешили остаться в Дубовой рав-нине да ещё прислали в помощь двух миссионеров. Когда приблизилось
лето, мы рассказали церкви о нашей мечте - трехме-сячной библейской
школе в сезон дождей для лису-евангелистов и для тех, кого Господь хочет призвать для служения Ему.
Служителям церкви понравилась эта мысль, но когда Джон сказал, что все расходы, в том числе и пропитание учеников, должна понести церковь лису, они пришли в замешательство.
- Мапа,- стали они робко возражать,- для того, чтобы со-держать пятнадцать человек три месяца, нужно очень много куку-рузы. Где церковь столько найдёт? Такое ещё никогда не делалось в стране лису! И на такое долгое время! Это даже не делали в церкви Мухенгпо. Три месяца кормить пятнадцать человек!
Ме-до-ме-па был церковным казначеем. Он тоже озабочен-но смотрел на всех.
- Мапа, я верю, это было бы хорошо, но я не знаю, как это осуществить. В этом деле так много трудностей.
- И всё-таки мы должны открыть школу,- возразил Джон.- Я уверен, Бог позаботится о кукурузе. Или попробуем проводить школу до тех пор, пока Он нас будет обеспечивать кукурузой.
Пресвитеры успокоились и стали составлять планы.
История библейской школы будет описана в другой главе, а сейчас достаточно сказать, что её результатом все были довольны, так что было единодушно решено на
следующий год сделать то же.
Как уже было сказано, начали мы эту первую школу, как и все последующие, с исследования своих сердец, и я вижу из со-общений тех дней, что Дух Святой касался не только сердец учеников. Приведу здесь июньское сообщение 1938 года.
"Просматривая письма наших молящихся на родине друзей, я обратила внимание на следующее предложение:
<Дух нам подсказывает молиться об общем пробуждении христиан лису>. Как мы рады, что есть люди, которые, будучи водимы Духом Святым, молятся о лису. Так же, как слуга Илии был послан на гору Кармил, чтобы посмотреть, не появились ли пред-вестники просимого дождя, и мы хотим рассказать, как здесь тоже поднялось маленькое облачко, величиной с ладонь человеческую.
С первых дней нашего пребывания здесь каждый месяц не-которые лису и многие ученики, которые стремились к очище-нию, были побуждаемы Духом признаться в своих грехах.
Это особая радость - видеть такое Божье действие, причём Господь может сделать всё Сам, не употребляя нас для этого.
Воскресенье. 1 мая поднялось маленькое облачко. Всегда в первое воскресенье месяца здесь совершается хлебопреломление. В то воскресенье проводил богослужение Джон. Он говорил на тему: <Иди и впредь не греши>. Потом попросил тех, кто хочет привести своё сердце в порядок, сделать это до того, как присту-пят к вечере. Сразу же поднялся Ме-до-ме-па. При подсчёте церковных денег он заметил, что полтора доллара были лишними в кассе. Он подумал, что это его деньги, и положил их в свой карман. В то воскресенье он молился и размышлял о

чём-то дру-гом, но Дух Святой напомнил ему, что он должен вернуть эти деньги церкви. Ме-до-ме-па уже признался Иову, но теперь хотел сказать это ещё и церкви.
Его признание открыло путь и другим. Я не могу рассказать о всех исповеданиях, но приведу некоторые, о которых, думаю, интересно знать и читателям.
Вахи-ме-па был братом нашего Иосифа, усопшего в Гос-поде. Этот молодой человек пережил ещё много скорбей. За несколько месяцев умер его отец. На смертном одре он говорил, что видит своего Иосифа, дирижирующего пением на небе!
Не так давно сгорел дотла дом Вахи-ме-па. По неосторожно-сти его жена положила лён слишком близко к огню. Они потеряли всё своё имущество. От обиды и огорчения он побил свою жену.
В то воскресенье и он встал, признал свою ошибку перед всеми присутствующими и протянул руку жене. По-моему, у него такое же нежное сердце, как у Иосифа, его брата. Он так горько плакал, сожалея о своём поступке.
Рода, жена Иова, жила на горе по соседству с Паде-Йоганнесом. Они уже долгое время не разговаривали. Но теперь признали свою вину и примирились.
Потом вышел вперёд Паде-Йоганнес. Вначале он признал-ся, что три года назад украл у нас карандаши, потом он продол-жал рассказывать, как плохо обращался со своими родителями. При этих словах Ме-до-ме-па поднял на него свой взгляд и сказал строго:
- Да, это хорошо, что ты об этом сказал.
Старые родители были среди слушателей. Слушая признание сына, они начали всхлипывать и осыпать нас печальными
подробностями, как не по-сыновнему относился к ним их сын, так что Дух был подавлен и признаний больше не последовало. Иов закончил молитвой: <Отец, в нашей среде, должно быть ещё много грехов, очисти Ты нас>. В то воскресенье богослужение продолжалось четыре часа".
Одним из редких качеств Ме-до-ме-па было умение сказать "нет". Многим руководителям пришлось оставить своё служение только потому, что они не могли устоять в маленьком испытании. Ме-до-ме-па же обладал способностью хорошо исполнять свои обязанности, чего бы это ни стоило.
К концу весны 1939 года запасы кукурузы в нашей семье уменьшились. Мы уже часто покупали кукурузу из запасов - ту, которую христиане подарили церкви и которую всё равно нужно было продать. Конечно, мы платили за эту кукурузу обычную базарную цену, но нам было удобнее купить её по соседству, чем нести откуда-то издалека. Поэтому Джон попросил церковного казначея Ме-до-ме-па продать нам немного церковной кукурузы. К его удивлению, Ме-до-ме-па отказал! Он сделал это очень тактично и объяснил так:
- Если я продам кукурузу, которая сейчас есть в деревне, тогда не хватит для пропитания учеников во время библейской школы. И зачем церкви потом доставать её
откуда-то, если её было достаточно?
Мой муж сначала немного огорчился, но потом мы поняли, сколько было у нас оснований радоваться. Подумать только: ведь он берёт на себя ответственность о пропитании учеников. Он заботливо планирует, как провести школу без затруднений. Если кого-то и обременять доставкой кукурузы, то лучше, если это выпадет на нашу долю. В конце концов мы можем купить кукуру-зу в другом месте. "Как это хорошо -
иметь человека, который хранит интересы церкви, не заботясь о своём авторитете",- признал Джон.
И действительно, после смерти Ме-до-ме-па именно в этом вопросе у нас возникло много проблем. Лису, который позже занял его должность, был истинным христианином, но не мог сказать "нет" своим родственникам и знакомым, которые хотели "занять" у него кукурузу или использовать его как-нибудь иначе. Он часто попадал из-за этого в неловкое положение. Он был честным, но слишком боялся испортить отношения с людьми.
В 1939 году перед библейской школой Паде-Йоганнес по-просил принять его кандидатом. Обратившись к Ме-до-ме-па, он сказал, что хочет трудиться для Господа, и поэтому ожидал, что церковь возьмёт его содержание на себя. Но Ме-доме-па
отказал ему в содержании, заявив, что это противоречит правилам. ПадеЙоганнес был родственником Ме-до-ме-па, а на востоке мало заботятся о соблюдении правил, если дело касается родственни-ков. Но как истинный пастырь, Ме-до-ме-па знал, что запаса кукурузы едва хватит для учителей, поэтому никому не мог

вы-дать бесплатно. Паде-Йоганнес ожидал чего угодно, но только не этого, и очень растерялся. Добрый пастырь ласково посмотрел на смущённого молодого человека и спросил:
-Иоганнес, разве у тебя нет денег, чтобы купить кукурузу?
- У меня только три доллара, а питание за три месяца сто-ит пять.
- Хорошо,- отвечал Ме-до-ме-па,- ты отдашь свои три доллара, а я добавлю четвёртый.
- А я дам пятый! - предложил гость, который жил в доме Ме-до-ме-па.
Так молодой человек получил деньги для школы, не обре-меняя церковь. Это маленькое дело, но оно характеризует Ме-до-ме-па как истинного пастыря. Для блага большинства ему при-шлось занять позицию закона, но он смягчил его милостью из личного кармана. Слух о его честности в сочетании с добротой и мудростью распространился далеко по ущелью.
Вскоре стало ясно, что наш дорогой пастырь страдал неизле-чимой болезнью. Мы послали его к китайскому врачу в Паушан. Он провёл полное обследование разными методами, но так и не смог установить причину его страданий. Врач предложил сделать операцию, чтобы поставить точный диагноз. Но Ме-до-ме-па не захотел. Он
предпочёл вернуться в своё любимое горное жилище.
Ещё один случай остался в моей памяти, только я не помню точно, когда это произошло. Всё же хочу об этом здесь упомя-нуть. Чарлз Петерсон как раз возвратился из района Луды, где он работал некоторое время. В одно воскресное утро мы сидели вместе за завтраком.
- Кто сегодня проповедует? - поинтересовался он.
- На доске написано Ме-до-ме-па,- ответила я.
- Ме-до-ме-па,- произнёс он и откинулся на спинку сту-ла.- О, наконец-то я услышу и увижу этого известного Ме-до-ме-па! Скажу вам откровенно, я заранее не в восторге от этого человека. Чего я только не пережил с руководителями общин там вверху, в Луде. Ничего нельзя было решить. Всегда, когда нужно было принимать решение, кто-нибудь говорил: "Подождём не-много, посмотрим, что на это скажет Ме-до-ме-па".
Ме-до-ме-па живёт на расстоянии шести дней пути, и к то-му же он не относится к району Луды! Какое он имеет отношение к делам в Луде? Кто он? Поп-лису?
В то время я не знала о распространившемся слухе, что наш пастырь обладает божественной мудростью. Я опасалась, что в церковной жизни случилось что-то, о чём мы не слышали, и поэтому только ответила:
- Я не думаю, что это так. Сегодня после обеда ты сам его услышишь и тогда можешь у него спросить, что хочешь.
Когда наш любимый пастырь изъяснял на богослужении Слово Божье, лицо его было озарено внутренним светом, как я уже часто замечала. Слушая его простую, исполненную любви проповедь, я вскоре забыла обо всех сказанных в его адрес обви-нениях. Его слова коснулись моего сердца, и я вспомнила о нашей беседе с Чарлзом Петерсоном, лишь когда тот поднялся со своего места и с распростёртыми объятиями подошёл к пастырю. Белый миссионер обнял Ме-до-ме-па и с чувством сказал:
- Я благодарю тебя, брат! Твоё слово было благословени-ем для моего сердца,отчего
руководитель церкви покраснел, как школьник. С тех пор Чарлз Петерсон был одним из верных друзей нашего пастыря до самой его смерти.
Наше следующее письмо сообщало печальную новость:
"Уже ясно, что наш дорогой пастырь умрёт от неизлечимой болезни. Молитесь, чтобы он окончил свой путь победителем. Ему пришлось отказаться от церковного служения, что не осталось без неприятных последствий. Я очень благодарна Господу, что могу быть здесь в это критическое время; во всяком случае лучше, что церковь имеет сейчас миссионера - иначе, наверное, невозможно было бы провести библейскую школу в сезон дож-дей. Пресвитер утверждает, что кукурузы хватит только на один месяц. Может быть, у Бога другие планы на это лето. Молитесь
же о том, чтобы сатана не помешал доставить продукты, если Бог хочет на эти месяцы подарить нам библейскую школу".
Хотя Ме-до-ме-па оставил своё служение, ответственность за церковь была на нём до конца. Как и прежде, обращались к нему люди со своими нуждами, его болезнь не
была им помехой.

Приведу пример из нашего сообщения 23 мая 1940 года.
Долина теней. Воскресный вечер. Я смотрю, как солнце медленно скрывается за горами, и сразу становится так грустно и неуютно без его золотистых лучей. Меня не покидают тяжёлые мысли об изможднном больном в маленькой хижине лису, кото-рый ещё странствует, страдая, в долине смертных теней. Не толь-ко я думаю об этом - мысли всех постоянно заняты здоровьем Ме-до-ме-па.
Вечер в стране лису. Хотя я всё ещё одна, а дни по-прежнему остаются влажными, душными и туманными, я раду-юсь наступлению сумерек. Всё постепенно затихает. Небо уже потемнело, но всё в природе исполнено миром и благодарностью Творцу. Тихо щебечут перед сном птички, трещат сверчки и кузнечики; спокойствие, исходящее от присутствия Божьего, казалось, наполняло небо и землю. Я прогуливалась возле нашей хижины по площадке на выступе скалы и наслаждалась тишиной и близостью небесной родины, но моё одиночество было нару-шено. Один из христиан-лису. Папа Пётр, поспешно спустился с горы и сел на край площадки, желая, по-видимому, поговорить со мной. После недолгого молчания он заговорил:
- Мама, слух достиг моего уха,- начал он, при этом гри-масничая и усиленно жестикулируя по своей привычке.
- И что ты узнал? - остановилась я перед ним.
- Когда Ме-до-ме-па уйдёт на небо, "большой" брат тоже оставит нас.
Я не знала, как мне поступить. Слова в языке лису, как я уже говорила, часто имеют двойное значение, что даёт простор фантазии. Но в этом случае я не могла себе представить, что хотел этим сказать Папа Пётр. Между тем вокруг нас собрались и другие лису. Лафу-зи-ма пояснил, улыбаясь:
- Он имел ввиду, что, когда умрёт Ме-до-ме-па, вы, белые люди, тоже уйдёте.
- Да,- многозначительно простонал Папа Пётр.- По этой причине наши сердца стали холодными. О, если Ме-до-ме-па
от нас уйдёт, тогда я не хочу больше жить на этой земле. Если злых людей станет больше и они попытаются обокрасть мои поля, что мне тогда делать? Как бы он ни был болен, он всегда знал, как помочь мне в любой трудности. Я, глупец, никогда не встречал такого человека, как он. Если он уйдёт от нас, я стану беспомощной жертвой плохих людей.
Его страдальческое лицо выглядело комично, но я готова была заплакать. Мысленно я вернулась на несколько лет назад.
Однажды во время воскресного богослужения Папа Пётр принёс в церковь кусок железа, чтобы заключить сделку на сле-дующую рабочую неделю. Перед концом богослужения пришёл язычник и громко позвал Папу Петра. Когда Ме-до-ме-па увидел, что пожилой человек, христианин, действительно принёс железо, в часовню и спрятал под скамейкой, он схватил этот кусок и выкинул за дверь. Это стало причиной горячего спора между ними. Когда мы пытались наладить мир, пастырь признал свою вину только в одном: "Я не прав в том, что рассердился, но никто не
приносит мне столько хлопот, как этот старый человек. Для меня он - постоянное испытание".
И теперь это "испытание" стояло передо мной с мрачным лицом, убеждая меня, что не сможет жить, если умрёт пастырь.
Я сразу поняла, что Папа Пётр является представителем слабых христиан в церкви лису и воспользовалась возможностью побеседовать с ним на духовную тему.
- Папа Пётр, Господь нас не оставит и белый человек то-же.- Как я была благодарна Господу, что в тот момент я была здесь и могла своим присутствием успокоить и утешить немощ-ных в вере.- Разве ты не веришь, что Иисус Христос тоже может сохранить Своих от зла? Полагаешь ли ты свою надежду на Ме-до-ме-па или на Христа? Может быть, Иисус забирает у нас нашего пастыря для того, чтобы мы познали Христа как истинную надежду. Разве вы не слышали историю господина Янга, как Господь спас его от гибели? Несколько месяцев назад он пошёл в Луки на
базар. На вершине горы его лошадь убежала от него. Догоняя её, он спустился вниз по горе до берега реки. Там он поймал лошадь и вдруг увидел лежащего на дороге язычника, истекающего кровью. Разбойники устроили там засаду. Но так как господину Янгу пришлось догонять свою лошадь, другой путник опередил его и встретился с разбойниками. Они забрали
всё, что у него было, изранили его и даже перебили кости рук. Разве мог Ме-доме-па
сохранить господина Янга, как вы думае-те? Разве не Иисус - Христос лучшее прибежище?

Эту историю Папа Пётр ещё не слышал, и она произвела на него большое впечатление.
- Так оно и есть, как ты сказала. Ты утешила меня, мама, я благодарю тебя,сказал он медленно.
А потом (как часто так бывает!) слово утешения, посеянное мною, постигла печальная участь: "птицы небесные поклевали его". "Птиц" на этот раз олицетворял Авель, который с легко-мысленной улыбкой сказал:
- О, господин Янг - проповедник, мы с тобой никогда не заслужили бы такого внимания.
Я подумала, что и у меня на родине есть немало таких же Авелей, которые говорят точно так же: "Вести жизнь веры - это подходит миссионерам. Бог их особенно любит". Но Слово Бо-жье даёт ответ на все вопросы, и поэтому я ответила Авелю сло-вами Писания:
"Пётр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нели-цеприятен. Но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему" (Деян. 10,34-35).
Единственное усло-вие,- добавила я,- чтобы быть принятым Богом и быть прият-ным Ему, это вера, любовь и страх согрешить перед Ним, а также жизнь в полном послушании Ему.
Не знаю, на добрую ли почву упало семя, но на этом закон-чилась наша беседа. И группа стала расходиться.
Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы читатель видел, как это важно - молиться за слабых в вере. В каждой церкви есть духовные и плотские верующие, и практически в каждой церкви доминируют последние. Я не могла осуждать Папу Петра и тех, кто разделял его мнение, потому что и со мной однажды происходило нечто подобное. Когда умерла моя мать, мне было двадцать два года. Хотя я была уже достаточно взрослой, чтобы жить самостоятельно, но не могу забыть того ужасного чувства одиночества, которое охватило меня после её смерти. Я не пред-ставляляла себе жизни без матери, к которой спешила со всеми своими трудностями. В то время я и не подозревала, что Бог предназначил для меня такого хорошего мужа.
Так и церковь в Дубовой равнине не представляла христи-анской жизни без Ме-доме-па,
к которому они могли спешить со всеми своими трудностями. Теперь они смущаются и робеют - я говорю только о плотских христианах, духовные христиане не боятся. Но я могу понять чувства Папы Петра. Я на себе прочув-ствовала любовь и всемогущество нашего Господа и знаю: Он может подарить нам что-то, что снова придаст жизни смысл. В моём случае это был мой муж. У Господа всегда что-то для нас приготовлено. Плотские христиане, не пережившие этого, слиш-ком много надежд возлагают на человека, отсюда их страхи и неуверенность в будущем. Но нигде не написано, чтобы мы их отвергали из-за их маловерия. Наоборот, "слабых в вере прини-майте!" Любящими руками молитвы поддержите сомневающих-ся, чтобы и им увидеть святость Божью.
Эми Кармайкл сказала, что слова: "Незаменимых нет. Бог даст вам другого Ме-доме-па"
- неверны. Она говорит:
" - Бог учит нас Своим истинам не путём восполнения ут-раты, но путём воспитания в нас смирения и покорности Его воле. Он терпеливо ждёт, пока мы сможем сказать: <Я признаю волю Божью правильной и совершенной!>"
Покорно предайся Божественной воле Воззвавшего к жизни всех смертных Творца. К Нему обращайся ты в тягостной доле, И в Нём ты увидишь благого Отца.
Для нашего дорогого пастыря наступило время, когда он особенно должен был надеяться на своего Господа, потому что жестокий ветер смерти сокрушал его. Когда он понял, что нет больше надежды на выздоровление, его стал мучить вопрос: "За что?". Однажды, когда я была у него, он, едва сдерживая слёзы, обратился ко мне:
- Мама, я проверял своё сердце снова и снова и не нашёл греха, заслуживающего такого наказания.
Я напомнила ему историю Иова и пояснила, что страдания не всегда являются последствием греха и не всегда являются наказанием. Он утешился. С тех пор мир наполнял его сердце, хотя телесные страдания усиливались.
В то время Хомай жила ещё у нас. Мы каждый день брали гитару и поднимались к хижине Ме-до-ме-па, чтобы спеть ему
гимн и этим утешить его. Он любил эти минуты и просил спеть свои любимые гимны. Вначале он постоянно просил гимн:
"Единый Врач явился нам", но когда стал приближаться конец, он всё чаще

заказывал гимн: "Моя надежда основывается лишь на крови Иисуса и Его праведности" или "Если я смотрю на чудес-ный крест" и "Иисус, держи меня у Своего креста". В те дни я ощущала себя у границы неба. Однажды он попросил спеть гимн, в котором говорится: "Вера - это победа". Мы спели, и я про-читала ему из 1 Иоанна 5 главу и добавила:
- Разве не замечательно, что здесь написано: победа есть наша вера, не наша сила, чтобы выдержать до конца?
Его лицо просияло от радости при этой мысли, потому что его страдания стали почти невыносимыми!
- Мама,- отвечал он,- я верю, чему всегда верил, что Христос умер за мои грехи и
воскрес, и я знаю, что Он меня однажды наградит.
В Дубовой равнине июнь считается самым дождливым вре-менем года, это сезон тропических ливней. Часто неделями мы не видели солнца, дождь лил не переставая, день и ночь, особенно в этом году. Восьмого июня в час ночи стук в дверь разбудил меня. Я сразу поняла, что это означает.
- Да, мама,- последовал ответ на мой вопрос.- Ме-до-ме-па при смерти. Он просит тебя прийти к нему.
Я быстро надела тяжёлое пальто, резиновые сапоги и вышла в тёмную ночь. Хижина Ме-до-ме-па находилась примерно в ста метрах над нашим домом, но из-за непрерывного дождя земля так размокла, что ноги мои с каждым шагом увязали всё больше. Нам нужно было подниматься под непрерывным дождём по размытому водой полю, и двое лису тащили меня по отвесному склону вверх. Я взяла с собой обезболивающее средство на случай, если боли умирающего будут невыносимыми. В хижине было полно людей. Некоторые спали на полу, другие стояли, а третьи сидели возле огня. Почти до последнего вздоха Ме-до-ме-па обременяли люди с различными просьбами и вопросами. Напрасно умолял он избавить его от их забот. Он даже обратился с этим ко мне:
- Мама, не можешь ли ты попросить церковь оставить ме-ня в покое? Я бы очень хотел им помочь, но я так слаб и очень устаю от их длинных историй. Не можешь ли
ты мне помочь?
Мне захотелось плакать. Он так похудел, что большие кости торчали из-под сухой кожи - живой скелет, но, несмотря на это, люди шли к нему за советом. Так долго он был для них скалой в сухой земле, что, казалось, они не смогут отпустить его. Они боя-лись, что он умрёт прежде, чем они воспользуются его советом. Я строго приказала людям оставить его в покое. Хотя они всё ещё окружали его, но теперь уже не досаждали своим присутствием. Наступила благоговейная тишина, когда я пробиралась между собравшимися в середину хижины, где лежал умирающий. Предсмертный хрип помешал ему говорить, но он узнал меня. Я взяла его худую руку в свою, и он слабо ответил на руко-пожатие. Я попросила Иова прочитать Иоанна 14,1-6, так как думала, что ему легче понять голос лису, чем мой. Когда Иов закончил, Ме-до-ме-па собрал последние силы, чтобы сказать своё последнее свидетельство. Я видела его мучительные усилия и дала с помощью пипетки немного лекарства, потому что он был слишком слаб, чтобы пить. Вдруг он заговорил, но вначале я не понимала его. А потом ясно прозвучало:
- Я верю тому, что прочитал пастырь Иов, и через Его крест я... мама, молись обо мне, чтобы воля Божья свершилась надо мной.
Последние слова были ясны и отчётливы. Я помолилась, вверяя его Тому, Кто умер, чтобы его спасти. Когда я закончила, он сказал своим прежним естественным голосом:
- Благодарю тебя.
Потом отвернулся и задремал. Успокаивающее средство по-действовало. Я оставила немного лекарства, так как не могла знать, когда он проснётся, а потом пошла домой и снова легла спать.
В те дни работала наша библейская школа. Нас, учителей, было всего двое, и к тому же я сильно простудилась. Теперь многое зависело от моего здоровья, и я не решалась без особой причины выходить на холод, поэтому просила, чтобы меня по-звали, когда он снова проснётся. В восемь часов я услышала тихий плач, доносящийся с холма. Я надевала свои резиновые сапоги, когда Иов, Лука и другие запели похоронную песню лису: "Спи, мой возлюбленный". Я поняла, что наш дорогой пастырь находится у своего Господа.
Мне сказали, что конец настал слишком быстро, чтобы ус-петь меня позвать. Ме-доме-па

спал до восьми часов, потом попросил женщин выйти.
- Теперь я ухожу от вас,- сказал он мужчинам,- не плачьте обо мне, но сейте за меня.
Это были его последние слова, и он переступил порог смерти.
После скитанья - милость Отца, После страданья - слава венца, Сладость покоя после угроз - Вот что дарует верным Христос.
У лису все гости, пришедшие на похороны, должны быть об-служены. И так как Медо-ме-па
знали далеко вокруг, то церковь боялась больших затрат для вдовы,
поэтому было решено в этот же день после обеда его похоронить. Его замужней дочери Ме-до-ме было девятнадцать лет, Таддэус - десять, а Филиппу пять лет.
Ученики библейской школы выкопали могилу. Они заверну-ли его тело в платки и привязали к шесту. Близкие друзья понесли его к могиле, где уже стоял готовый гроб. Его положили туда и медленно опустили в могилу. Никогда до этого я не видела такой могилы. Со всех сторон к могиле, которая была в два раза больше гроба, вели ступени. Пространство над гробом оставили свобод-ным. Потом положили на ступеньки большие каменные плиты, такие большие, что два человека с трудом подняли их и таким образом полностью закрыли могилу. На каменную плиту насыпали земли, а сверху камней. Позже я посадила на его могиле цветы. На поставленном плоском камне был вытесан крест с надписью: "Ме-до-ме-па, 41 год. Дубовая равнина. Пастырь церкви".
На горизонтальной части креста было написано: "Хотя он мёртв, он говорит ещё!"
Могила находится возле тропы, ведущей к главной дороге, по которой мы так часто ходим. Она напоминает жителям деревни о жизни доброго пастыря, всецело отданной Богу.
Всего девять лет был Ме-до-ме-па христианином. Язычни-ком он вряд ли был известен за пределами своей деревни. Но после того, как он отдался Христу, его любили и почитали, как орудие в руках Божьих, далеко по всему ущелью. Это можно объяснить только Писанием: "Ибо Содействовавший Петру в апостольстве... содействовал и'мне..." (Гад. 2,8). "Но каждому
даётся проявление Духа на пользу: одному даётся Духом слово мудрости... "(1 Кор. 12,7-8).
Друг, если Бог за девять лет мог так много сделать для од-ного "дикого", то что бы Он мог сделать для тебя, если бы ты полностью предоставил себя в Его распоряжение?

Шестая глава

В рабстве у дьявола

А сейчас перенесёмся из глубокого ущелья Салуина в горы Верхней Бирмы. Мы находимся на расстоянии примерно семи дней пути на запад от хижины Ме-до-ме-па.
Я боюсь, что мы много говорили о гнёздах и при этом забыли о пропасти. Эта глава напомнит нам о той злой силе, которая претендует на эту горную местность, как на
свою собственность, и по сей день.
Посетим деревушку, лежащую на маленьком холме под мо-гучими зелёными деревьями. Издали слышен топот ног и стук незакрепленных досок. Жуткая картина! Две женщины и мужчи-на призывают злых духов, Они танцуют под звуки гонга и посто-янно кричат: "Сойди, сойди, сойди!". Вдруг всё смолкает. Стеклянный взгляд их глаз свидетельствует о том, что они невменяемы. Из груди вырываются странные звуки, не похожие на их голоса. В этот раз демоны говорят что-то необычное.
"Молитесь Богу! - кричат они.- У Него есть Сын, Кото-рого зовут Иисус, и две дочери. Они живут в верхних слоях воз-духа, в облаках. Отвергните ваши жертвенники демонам, потому что Бог даст вам вечную жизнь. Он воскресит мёртвых и старых сделает молодыми".
Никогда раньше в этой местности не слышали подобного. Удивлённые зрители сидят с
открытыми ртами. Вот демон, гово-рящий через мужчину, обращается к женщинам и ругает их за то, что они не полностью исцелили больного, ради которого прово-дилось подобное собрание. После этого обе женщины, всё ещё одержимые, поворачиваются к мужчине, злословят его демона, употребляя при этом имя "Иисус".
Эта сцена происходила в 1923 году. Через пятнадцать лет я посетила этих людей и расспрашивала их об этой истории, которую я раньше слышала. Я думала, что, может

быть, они слышали имя "Иисус" на базаре и непроизвольно запомнили его, но все с уверенностью говорили, что никогда раньше не слышали этого имени.
А теперь возвратимся опять в деревню. После долгих раз-говоров присутствующие опять бьют в гонг. Одержимые споты-каются и приходят в себя. Собрание окончено. В жертву демонам приносят животное. Одержимые не помнят, что они говорили. Зрители возбуждённо обсуждают, какое значение имеет эта странная весть.
Одно поразило всех: все три демона сказали, чтобы они больше не поклонялись обычным духам, но поклонялись одному Иисусу. Они не знали ничего об этом и думали, что Иисус явля-ется демоном, который хочет быть их особым хранителем. Это их очень заинтересовало, и все решили на следующий день снова повторить подобный ритуал и при этом попросить неведомого "Иисуса" снизойти к ним. На следующий день мужчина и обе женщины опять участвовали в заклинании и в этот раз приглаcи-ли "Иисуса". Снова странный голос сказал: "Молитесь Богу и Иисусу! Старые помолодеют, и мёртвые воскреснут". Демон дал им новое наставление: "Когда ты молишься Иисусу, сними тюр-бан, закрой глаза и склони голову".
Демон в мужчине опять сказал: "Не поклоняйтесь демо-нам!" В ответ злые духи женщин стали его проклинать. После этого мужчина три года не был одержим. Очевидно, демон оста-вил его. Другие жители деревни пытались стать одержимыми, и
им удавалось.
Люди сразу узнавали "Иисуса-демона" по его любимой вес-ти: "Молитесь Иисусу, тогда вы, старые, станете молодыми". Он давал и другие повеления: "Каждый седьмой день вы должны отдыхать и не работать на своих полях. Не пейте вина и не
курите опиума. Не прелюбодействуйте. Будьте добрыми. Не воруйте. Не лжесвидетельствуйте. Почитайте своих родителей". Это было совершенно новым для лису-язычников.
Ещё я узнала, что постепенно демоны возвестили им десять заповедей и кое-что из левитского закона. Доказательство, что всё это пришло не из подсознания, в том, что хотя Евангелие и достиг-ло Верхней Бирмы, коренные жители никогда не были научены отделяться от мира, поэтому эти "христиане" пьют и курят точно так же, как и язычники, и работают в воскресенье. Единственным исключением является эта деревня Гоо-моо с демоническими от-кровениями, где христиане стараются вести христианский образ
жизни, не предаваясь похотям этого мира. Поэтому требование оставить старые обычаи могло прийти только от сатаны.
До сих пор я говорила только о таких откровениях, которые влияли на сознание. Но
были и другие. Сатана никогда не ис-пользовал Слово Божье без того, чтобы не вплести глупость или обман. Так демоны говорили о дочерях Божьих, но как-то невра-зумительно. Люди из Гоо-моо были заинтересованы дарами, обещанными демонами. Однажды демон сказал: "Идите на место (он указал его точно) и найдёте медведя". Они пошли и, к своей радости, нашли медведя. Теперь у них было мясо. Так демон вовлёк их в свои сети. Но не все его обещания исполнялись. Однажды он сказал: "Построй-те сараи для коров и свиней". У лису скот обычно содержится под хижинами, между столбами, на которых стоит хижина. Прошло несколько лет, прежде чем люди поняли, что демон их обманул и не послал прироста скота. Но тем не менее все жители деревни уничтожили жертвенники демонам, каждый седьмой день считали днём покоя и молились Иисусу.
Через два-три месяца один правительственный служащий заметил, что в их домах нет больше жертвенников демонам, и узнал причину. Он рассказал об этом своему начальнику. Жители Гоо-моо получили приказание явиться к правительственному чиновнику и обо всём рассказать. Там им сказали, что в крепости Пиен-ма есть учитель, у которого есть книги об этом Иисусе, и что там 25 декабря отмечают праздник во славу Иисуса. Они пошли на этот праздник и познакомились с другими лису. Позже (не знаю точно, в каком году) посетил их учитель. На третий день его пребывания в их деревне демон "Иисус" вошёл в обеих ранее упомянутых женщин и сказал через них: "Не изучайте эти книги! Это собачьи книги, обезьяньи книги". Поэтому никто уже не хотел интересоваться катехизис-книгами, которые принёс учи-тель. Но учитель взял гонг из рук одержимой женщины и сказал:
"Вы не должны этого делать". Женщина тут же пришла в себя - демон оставил её. Люди всё ещё находились под сильным впечатлением чу-десного откровения демона, который дал им мясо. Они удивились учению пришедшего учителя, а он, потрясённый, поспешно оста-вил деревню.

Меня спрашивали: для чего сатана ознакомил этих людей с именем Иисуса? Думаю, потому, что он знал: рано или поздно Евангелие достигнет их. Поэтому он хотел ознакомить их с внешней формой христианства и употребил для этого десять заповедей и другое. Но это в действительности означало покло-нение ему. До сих пор его уловки имели успех.
Но, к счастью, этим не кончилось. Надеясь, что люди те-перь в его власти, он начал их обманывать. Однажды демоны возвестили обеим женщинам: "Земля будет скоро сожжена, Иисус придёт на эту землю. Все неверующие будут сожжены. Вы, ве-рующие, идите на то место (снова он указал точно место в горах) и ждите его пришествия. Он придёт и даст вам скот и деньги". Все жители деревни запаковали вещи, оставили незасеянные поля и отправились в указанное место. Там они постились (ели всего один раз в день) и ожидали целую неделю, но ничего не про-изошло. Обманутые, печальные и озабоченные незасеянными полями, вернулись они домой. За девять лет это повторялось четыре раза. Один раз они чуть не умерли с голоду. Некоторые уже хотели освободиться от этого демона.
Однажды в их деревню ненадолго пришёл учитель. Когда же он ушёл, один из жителей деревни стал одержимым и сказал:
"Он не вернётся домой, потому что заболеет". И в ту же ночь этот учитель смертельно заболел: внезапно начавшаяся горячка поме-шала его возвращению домой. "Демоны были очень сведущими и знали всё",- говорили нам позже жители Гоо-моо. Послушание и привязанность к демону довели их до опас-ного состояния. Когда пришло в четвёртый раз повеление: "Не засевайте ваши поля в этом году", они не знали, что делать. Разве могли они ослушаться демона?
В деревне жил юноша, который никогда не был одержи-мым. Он бы и хотел этого, но демоны не входили в него. Он был единственным в деревне, над кем они не имели власти, и через него пришло наконец освобождение.
- Отец,- сказал он, когда семья договаривалась, засевать им поля или нет,- я не верю, что Иисус придёт. Разве он не говорил это три раза, но каждый раз обманывал нас? Мы умрём с голоду, если не засеем поля. Мне хочется узнать истину об этом Иисусе. Тот учитель молился Иисусу, но никогда не проводил таких собраний, как это делаем мы. И он не даёт обмануть себя,
^
как мы это позволяем. У того учителя из Пиен-ма были книги об Иисусе, помнишь? Я
хочу найти его и попросить прийти к нам, чтобы научить нас.
- И я так же думаю! - добавил отец.- Сходи к одному из твоих друзей и попроси пойти с тобой.
- Мне прийти к вам в деревню? Никогда! - ужаснулся учитель, когда два молодых человека просили его.- Ваша дерев-ня полна демонов. Никогда я не соглашусь отправиться на дру-гую сторону Школьной горы.
- Мы неправильно поступили с тобой, когда ты последний раз у нас был. В тот раз мы не слушали тебя, но теперь мы отвер-нулись от демонов и хотим научиться истине, пожалуйста, при-ди,- настойчиво уговаривали его юноши.
Но учитель не хотел и слушать. Печальные и разочарован-ные, они отправились домой. Неужели нет никого, кто мог бы их освободить?
Отец Марка (позже мы дали юноше это имя) принял твер-дое решение. Он не хотел голодать. И пусть демоны бушуют, он всё равно засеет свои поля. Некоторые семьи последовали его примеру. Остальные оставили свои поля незасеянными и ожида-ли изо дня в день, что Иисус придёт к ним и даст им пищу. Ведь демоны часто чудесным образом показывали им, где можно в горах найти добычу. Но после некоторого времени, когда уже поздно было сеять, а обещанный демон "Иисус" не показывался, исхудавшие, с бледными лицами, обступили они дом отца Марка и просили пищу. Но у него не было столько еды, чтобы разделить на всех голодных. С
каждым днём лицо Марка становилось всё мрачнее. Он негодовал: как можно быть рабом такого злого и лживого господина!
Однажды в хижину Марка пришли мужчины. Они шли из ущелья Салуина, где вели торговлю.
- Книги! - крикнули они и протянули их удивлённому юноше.- Лису-книги об Иисусе! Ты ведь знаешь, мы ходили на базар в деревню Сандаловое дерево и увидели одного лису, кото-рый продавал эти книги. Это лису-книги. Представь, он мог их читать! Он говорил на нашем языке о Боге и об Иисусе.
Деревня загудела. Новость с быстротой молнии облетела все хижины, и вскоре собралась целая толпа послушать пришедших,

которым приходилось вновь и вновь повторять свою исто-рию.
Лису, которого они встретили, был Андреас, тот самый Ан-дреас, последовавший за Ла-ма-ву в ущелье.
Марк взволнованно листал книги.
- Вы можете их читать? - настойчиво спрашивал он.
- О нет, у нас не было времени, чтобы остаться там до тех пор, пока не научимся. Но другие лису учились, учитель Андреас учил их. Говорят, умные люди могут за две недели научиться.
- Почему вы не привели Андреаса с собой? - печально спросил Марк.
Он чувствовал себя несчастным оттого, что они упустили такую хорошую возможность.
- О, он не мог прийти. Он не мог даже принять все приглашения живущих вблизи людей. К нам же нужно идти пять дней, а скоро будет и семь, когда снегом занесёт перевал и он станет непроходимым. Тогда ему придётся идти в обход через перевал Пиен-ма.
- Хорошо, тогда я пойду искать учителя Андреаса,- реши-тельно заявил Марк.- Если я не найду учителя, то останусь там, пока не научусь сам читать эти книги. Отец, ты разрешишь мне?
Отец не дал своего согласия, прежде чем не переговорят с господином бездны.
Демон не хотел терять своих обычно по-слушных рабов. Два раза он возвращал Марка и его друга. Два раза казалось, что князь бездны одержит победу. Первый раз юноша едва не умер от малярии. Можно представить, как радо-вался дьявол, когда бледный, похудевший Марк, спотыкаясь, вошёл в свою хижину. Это было в мае 1933 года.
В октябре они снова отправились в путь, на этот раз в дру-гом направлении. Но они ещё не достигли высокого перевала ("Горы страдания"), как необъяснимый страх охватил его друга. И опять пришлось возвратиться. И опять оставался неразрешён-ным вопрос, как избавиться от ужасного тирана?
В марте 1934 года терпение Марка совсем иссякло, что-то должно было произойти. Он не мог больше мириться с тем, что люди находятся в рабстве у лживых демонов. Марк посоветовал-ся со своим отцом. Они оба были уверены, что демоны ввели их в заблуждение, и решили: "Если есть люди, знающие истину и
могущие нас научить, тогда мы должны их найти. Лучше умереть в поисках учителей, чем жить так дальше".
Марк уговорил своего зятя и соседа пойти вместе с ним, и наконец эта маленькая группа отправилась в неизведанный путь в ущелье Салуина. Им нужно было преодолеть перевал Пиен-ма высотой в 3700 метров, причём в такое время года, когда он покрыт снегом и не видно дороги. Один китайский путешествен-ник, которого они встретили, сказал им, что от Пиен-ма можно за день достичь ущелья Салуина. Поэтому на следующий день ещё до восхода солнца они отправились в путь. Они поднимались всё выше и выше. Воздух становился всё холоднее. Везде лежал глубокий снег. Его было так много, что из сугробов выглядывали лишь верхушки деревьев. Но вот и они скрылись под пушистым холодным одеялом. Путешественники же поднимались всё выше и выше - туда, где ни один человек не смог бы жить.
От лютого мороза и ледяного ветра захватывало дыхание. Как только могли, они закрывали лица своими тюрбанами и ру-ками, пытаясь согреться своим дыханием. Они шли молча друг за другом, но каждый в сердце своём молился незнакомому Иисусу, тому Иисусу, которому пытался подражать демон. Они молились, чтобы Иисус привёл их туда, где они услышали бы истину о Нём. Когда они чувствовали, что совсем замерзают, они начинали кусать себя за руки. Иногда они совсем проваливались в снег и даже не могли видеть друг друга из-за пурги.
Наконец перевал позади. Внизу показался китайский район. Благодарность незнакомому Богу! Там не было снега.
Окрылённые новой надеждой, спешили молодые люди всё дальше вниз по каменистой тропе. Им пришлось пройти несколь-ко миль по необжитым, заросшим травой горным склонам, пока они в вечерних сумерках не достигли деревни. Там они вошли в одну хижину.
- Откуда вы идёте? - спросил их хозяин. Когда они ответили, что шли через перевал Пиен-ма, все, кто был в доме, воскликнули:
- Не обманывайте! В такой снег вы не могли перейти через гору.
- Но где же учителя, знающие Иисуса? - первое, что спросили уставшие путники.
- О, белые люди там, в ущелье, они учат лису,- последо-вал неожиданный ответ.Их зовут Кук, они живут по ту сторону реки в деревне Дубовая равнина. Вам нужно идти вдоль реки до парома, на котором вы переберётесь на другую сторону.

Весь следующий день путники шли вдоль дикого Салуина, а ночью спали на рисовом поле недалеко от берега. На третий день рано утром они увидели причал, у которого остановилась лодка. Из неё вышел молодой лису со связкой книг на спине.
- Откуда вы идёте? - спросил он, глядя на их одежду, ко-торая свидетельствовала о том, что они принадлежат к "цветным" лису из Бирмы.
- Мы пришли из Бирмы и ищем учителя, знающего Иису-са,- отвечали они.
- Я служу у миссионеров и прибыл, чтобы забрать их письма. Господина Кука нет, но госпожа дома. Также вчера при-были господин и госпожа Кун. Идите дальше. Дорогу легко най-ти. Увидимся завтра.
А теперь я бы хотела, чтобы читатель всё забыл, о чём я до сих пор рассказывала, чтобы увидеть всё нашими глазами.
Мы с мужем находились в экспериментальном путешествии по ущелью. Фразер боялся, что я не перенесу полную лишений жизнь в ущелье Салуина без ущерба для здоровья. Когда мы услышали о том, что супругам Кук пришлось разлучиться и жить на расстоянии шести дней пути друг от друга для того, чтобы обслуживать одновременно две уверовавшие деревни, мы решили помочь им и взять у них один район. Поэтому Фразер предложил это непродолжительное путешествие, чтобы посмотреть, смогу ли я жить здесь.
Из-за плохой почтовой связи в этой местности мы не могли сообщить о своём прибытии и появились в хижине Лайлы Кук совсем неожиданно. Уже год прошёл с тех пор, как она в послед-ний раз видела белую женщину, поэтому нет нужды описывать, какой сердечной была встреча. Я только повторю то, что я в то время описала в письме:
"Когда мы в день нашего прибытия сидели в жилой комна-те и разговаривали, в открытые ворота неожиданно вошли трое странно одетых симпатичных лису. Лайла Кук предложила им сесть, но они посмотрели на стулья так странно, будто никогда в жизни не видели ничего подобного. Они дали нам понять, что
предпочитают расположиться на полу. Гости сели перед нами - живописная группа в белых одеждах с красными тюрбанами. По мере того как Лайла Кук вежливо задавала вопросы и выслуши-вала их длинные ответы, их радость возрастала, и они начали рассказывать вышеупомянутую историю.
- Они семь дней шли через те горы,- говорила она нам, в то время как молодые мужчины показывали через открытую дверь на скалистые, покрытые сверкающим снегом вершины по ту сторону ущелья.- Они говорят, что пробирались через снег... Они говорят, что хотят здесь ждать, пока не найдут учителей, которые пойдут с ними... Они принесли с собой продукты... Они уже одиннадцать лет молились Богу Иисусу... Это их третья по-пытка найти учителя.
После беседы путников познакомили с учителем Моисеем, который взял их к себе домой. Лайла Кук, обратившись к нам, сказала с горечью:
- Представьте себе, у нас нет ни одного учителя для этого нового района.
Нам было очень больно за этих людей. Я знаю в Америке город, где на четыре тысячи жителей приходится девять церквей. Эти же смелые парни прошли тяжелейший семидневный путь, чтобы найти истину, а у нас нет для них учителя. У каждого учи-теля-лису много своей работы.
Только что пришло письмо от Аллина Куа с просьбой, что-бы жена ненадолго посетила его, если семья Кун уже прибыла. Кроме того, мы ещё не знали языка лису, только выучили китай-ский, который жители Бирмы не понимали. Поэтому мы не
могли отправиться с этими молодыми людьми, хотя мой муж сделал бы это с удовольствием.
Когда Марк узнал, что учителей недостаточно, он сказал:
- Мы взяли с собой продукты и деньги. Мы останемся здесь, пока не найдётся ктото,
а в это время учитель Моисей может учить нас.
Так они день за днём сидели над своими книгами и моли-лись об учителе.
Прошёл месяц. Однажды в Мухенгпо пришёл учитель Симе-он. Он исполнил своё обещание - один или два года работать для Господа евангелистом - и теперь возвращался домой, чтобы
жениться. Лайла Кук рассказала ему о просьбе людей из Гоо-моо. В сердце Симеона происходила жестокая борьба. Он скучал по своим.
- Но я не могу пойти один,- сказал он наконец. Евангелисты-лису идут обычно по двое, чтобы помогать друг другу во время болезни или в каких-то непредвиденных трудностях. Рядом стоял молодой человек, принесший нам пись-ма, и внимательно слушал беседу. Его слова удивили всех.

- Я пойду с ним,- решительно заявил он.- Я с удоволь-ствием пойду! Ох, мапа, пусти меня!
Стоит только появиться хорошему работнику в миссионер-ском доме, мы быстро теряем его как работника кухни и приоб-ретаем как проповедника. Это происходит часто. Никто не спра-шивает, можно ли обойтись без него,- призыв Господень на первом месте.
Так было и в этом случае. Учитель Симеон решил отложить свою долгожданную поездку домой ещё на шесть месяцев и рабо-тать для Господа. Так примерно через месяц эти три парня из Гоо-моо вернулись домой с долгожданными учителями. С боль-шой радостью вся деревня слушала весть о Том, кто пришёл уничтожить дела дьявола и спасти тех, которые из страха находи-лись в его плену.
В те счастливые шесть месяцев мы с мужем переехали в страну лису, и в сентябре 1935 года Джону удалось осуществить своё заветное желание - посетить Гоо-моо. Он
провёл там неза-бываемые дни.
В субботу после захода солнца все жители деревни собра-лись в часовне. В это время уставшие от семидневного пути Джон и его спутники медленно поднимались в гору. Их сердца были исполнены благодарности Богу, что тяжёлый длинный путь ос-тался позади. В темноте они услышали пение и остановились послушать. Им казалось, будто само небо приветствовало их:
Во грехах покайся, отступи от зла, И омойся ты кровью Христа! На Голгофе кровь и
за тебя текла, О, омойся ты кровью Христа!
- Ещё не видя их лиц, мы уже слышали их свидетельст-во,- рассказывал Джон, сердце которого было глубоко тронуто.
Гости появились в дверях неожиданно, не предполагая, ка-кую бурю восторга вызовет это посещение. Лису смеялись и плака-ли от радости, впервые видя белого миссионера. Снова и снова они повторяли его имя. Некогда одержимый бесами, не в силах сдер-жать радости, поцеловал Джона, отчего мой муж сильно смутился.
- Сегодня ночью мы не будем много спать, так как прибыл мапа,- объявил один к всеобщей радости.
Это было незабываемое время. Двенадцать мужчин приня-ли крещение, число же верующих возросло до двадцати пяти человек. Были ещё желающие принять крещение. Люди из других деревень тоже жаждали услышать весть Евангелия.
Как тосковали и плакали они, когда подошло время расста-ваться. В знак любви и благодарности они несли вещи Джона. Никто не хотел и слышать о плате. Будучи бедными в материаль-ном отношении> они отдавали самое лучшее, чтобы доказать свою любовь. Даже готовили ему на обед курицу.
Когда они позже услышали, что мы собираемся в отпуск до-мой, то некоторые из них пришли к нам в "укреплённый замок". Это было в рождественские дни. Когда счастливый праздник по-дошёл к концу и нужно было расставаться, мужчины и женщины начали громко рыдать, так как знали, что пройдут годы, прежде чем мы увидимся вновь. Я была растрогана скорбью Марка:
- О, мапа, мапа! - рыдал он в объятиях Джона. С громким плачем он отправился в обратный путь. Вернувшись из отпуска в любимое ущелье, мы планировали посетить эту маленькую отдалённую деревню в Бирме, чтобы узнать, как обстоит дело с верующими. Учителя лису из нашего района время от времени посещали их. Я там никогда не была и хотела лично познакомиться с этой работой. Описание моего путешествия было в ноябрьском сообщении 1938 года, в том году, когда поженились Томас и Хомай.
- Моё сердце всё там,- сказала мне Хомай, и её глаза за-сияли при этом.- Так мы, лису, говорим, когда не можем чего-то дождаться. Хотя бы мы скорей отправились в
Гоо-моо.
Мы разделяли её чувства и с нетерпением ожидали возвра-щения мужчин с мулом. Они провожали Чарлза Петерсона и Христиансона в Паушан. К всеобщей радости, они вернулись на день раньше, чем мы ожидали, потому что их сердца тоже были там. Но
они принесли нам печальную весть. Чарлз Петерсон,
который в 1937 году похоронил своего друга, прибыл в Паушан как раз вовремя - чтобы похоронить нашего дорогого и незаме-нимого руководителя миссии И. О. Фразера.
Я говорю незаменимого, потому что мы и сегодня ещё это чувствуем. В наших сердцах так и осталось это ощущение утра-ты, потому что не было больше никого,

с кем мы могли бы так работать. "Фразер будет очень рад это услышать",- было нашей первой мыслью при каждом новом благословении и радости. И долго ещё мы ловили себя на этой мысли, но потом с болью вспоминали, что его больше нет среди нас. Не было никого на земле, кто бы так хорошо знал работу среди лису со всеми её трудностями и тонкостями, кто так хорошо умел делить с нами все радости и горести. Он нас никогда не разочаровывал. Для нас он значил больше, чем руководитель, он был для нас идеальным миссионером, постоянным наставником и живым примером того, как сохранять апостольские методы в миссионерской работе, вопреки всем трудностям. Его особым даром были глубокое смирение и сочувствие окружающим. Его нежное и заботливое отношение к нам сделало его нашим прибежищем во всех бедах и трудностях. Его одобрительная улыбка вдохновляла нас на труд. Легко получить похвалу от того, кто не имеет опыта в нашей работе, но совсем другое - заслужить одобрение человека, кото-рый является мастером этой работы. Мы потеряли того, кто мог лучше всех вдохновить нас и помочь незаменимым советом. После смерти нашего любимого руководителя для нас с Джоном как бы начался новый этап жизни, потому что жизнь без него не могла быть прежней. Но жизнь продолжалась, хотя смерть Фра-зера так и осталась незаживающей раной на сердце.
Утром второго октября в чудесный ясный день отправились мы в тот же путь, которым два года назад пришли Марк и его два друга. Наше общество состояло из Ах-бе-па, Луки, Томаса, Хо-май, Симеона, Луциаса, А-хе (нашего повара, который служил раньше семье Кук), погонщика мулов, Авеля и трёх носильщиков. Господь утвердил наше решение предпринять это долгое путеше-ствие тем, что перед самым отправлением неожиданно послал нам встречу с двумя христианами из Гоо-моо, которые сделали свои дела в ущелье и возвращались обратно. Они оказали нам большую помощь как носильщики и переводчики, когда мы при-шли в район Кахин и там закупали продукты и всё необходимое.
После длинного дневного перехода мы остановились на ночь в Луханге, а на другой стороне ущелья в последний раз видели наш "Дом милосердия". На следующий день нас ожидал вышеописанный перевал Пиен-ма. Поднимаясь всё выше и выше, преодолевали мы долины и ущелья. Ещё до обеда миновали мы последнее человеческое жилище, и нас обступили густые, тёмные леса, которые, казалось, поглотят нас. Здесь мы не встретили ни одного человека. После обеда мы наконец вышли к голым скалам, и тут на нас обрушился такой холодный ветер, что мы не могли унять дрожь, хотя снег ещё не выпал.
Примерно часа в четыре мы оказались в узком коридоре между горными вершинами. Нашей радости не было предела. Позади осталось глубокое ущелье Салуина, за ним - мрачные неприступные горные великаны, а впереди лежала незнакомая Бирма. Нужно было пройти ещё немного по очень узкой тропе, после чего всё осталось позади, а перед нами открылась панорама особенной красоты - долина Верхней Ировади. Солнце как раз садилось за далёкие горные вершины, которые, казалось, как часовые, охраняли эту долину и в вечерних сумерках выглядели выше, чем те, что остались позади. Даже лису удивлялись.
С трудом оторвав взгляд от чудесного багрового неба и зубчатых горных силуэтов, мы посмотрели вперёд и на холме увидели британскую границу - пограничную крепость Пиен-ма с длинными строгими бараками. Нам они показались молчаливым рукопожатием цивилизации. Сгущались сумерки, когда мы по-дошли к крепости. Она была пуста. Борьба между местными племенами и буддистами Бирмы заставила британцев из-за недос-татка солдат снести укрепление. Мы спали на дороге, радуясь тому, что немалая часть пути уже позади.
На третий день рано утром мы случайно встретили одного учителя из американской баптистской миссии, которая работала в Верхней Бирме. Мы шли с ним до вечера. Он привёл нас в дерев-ню племени А-хиа, где мы заночевали. Но перед тем, как отпра-виться на покой, мы провели с местными жителями вечернее богослужение, на котором Джон проповедовал с переводом.
Весь следующий день мы шли по дороге через чудесное горное ущелье, мимо водопадов, вдоль бурной реки, по берегам которой поднимались крутые скалы с растущими на них прекрас-нейшими орхидеями.
Мы так устали, что решили переночевать в Тавгаве, хотя бы-ло всего 14 часов. В этом городе есть почта, которая работает один день в неделю. Дома построены в иностранном стиле. Крыши по-крыты красным кирпичом, что придаёт им непривычный

для нас, но приятный вид. За районом наблюдает один чиновник, в распо-ряжении которого двадцать шесть сепоев (индийские солдаты);
также есть врач, посланный правительством, и школа кахинов с тремя учителями. Все эти служащие - местные жители. Мы могли даже закупить некоторые продукты: молоко и кофе в банках. Ко-гда-то это был густонаселённый город, но из-за землетрясения число жителей уменьшилось на несколько сот человек.
Учитель приветливо принял нас в своём собственном доме. Вечером нас посетили три надзирателя, один из которых хорошо владел английским. Они уговаривали нас остаться ещё на один день и хотели пригласить на обед, но нетрудно догадаться, каким был наш ответ. Они увидели мою гитару и попросили что-нибудь сыг-рать. Наши лису спели несколько песен, которые им очень понра-вились. Нас просили спеть ещё и ещё. Лису в этой местности в пренебрежении, настоящим племенем страны считают кахинов, поэтому мы были рады показать своих лису в хорошем свете.
Пятый день пути запомнился нам криками обезьян и укуса-ми пиявок. Над нами возвышались поросшие лесом утёсы, с которых приветствовал нас многоголосый хор. Я думаю, обезья-ны предупреждали друг друга. Высоко над нашими головами, среди вершин высоких деревьев слышалось: "Оо-а-ла, Оо-а-ла". Казалось, мы слышим хоровое пение древнего мира; но самих обезьян не было видно.
Совсем иначе было с пиявками. Этих маленьких чёрных существ было множество. Они прямо стояли на сухих листьях, опираясь на хвостики, и раскачивались взад и вперёд. Они жадно присасывались к нашим ногам, отчего наши дорогие босоногие лису очень страдали. Ноги бедных мулов были тоже в крови. Здесь впервые я увидела папоротниковые деревья - длинные прямые стволы, на верхушках которых распускались грациозные папоротниковые ветви, каждая из которых достигала трёхметровой длины. Встречались и другие мощные деревья, больше три-дцати метров в высоту, стволы которых были так толсты, что внутри свободно мог поместиться автомобиль.
Ту ночь мы провели вблизи одной деревни кахинов, на гор-ном хребте. Справа от нас было ущелье. Над зубчатой стеной скал взошла луна и величественно поплыла ввысь. Мы надеялись провести ночь спокойно, но нам пришлось познакомиться с маленькой мухой, которая кусает, как москит. Даже защитная сетка не помогла бы. Особенно страдала Хомай. Её полные обнажён-ные ноги казались мухам самым подходящим объектом для атаки.
Последний день был самым тяжёлым. В семь часов утра от-правились мы в путь. В двенадцать часов пообедали и отдохнули. Вблизи был водопад примерно пятнадцатиметровой высоты. Мы спешили к цели нашего путешествия, хотя нещадно палило солн-це и мучили пиявки. Ближе к вечеру мы добрались до места. Рано утром мы увидели большое дерево возле часовни Гоо-моо, стоя-щей на противоположном берегу реки, но было очень трудно туда попасть. Здесь человек борется с природой совсем прими-тивными средствами. Моста не было, к нашим услугам был лишь плот из
бамбуковых стволов, скреплённых корой деревьев. Плот был очень слабым. Одновременно на нём могли перебираться всего два человека, да и то он при этом уходил под воду. На этом плоту нужно было преодолеть два течения.
Когда мы пришли, плот был на другой стороне. Какие-то ка-хины подтаскивали его к
воде, но они хотели переправить своего друга и не захотели взять с собой когонибудь
из нас. Так мы сиде-ли и смотрели на плот. Четыре часа понадобилось нам, чтобы пере-браться на тот берег, хотя река была шириной всего тридцать мет-ров. О нашем прибытии сообщили в Гоо-моо и попросили найти гребцов. Наконец пришли трое мужчин и начали переправлять плот. Переправа Эсси и Яспера, а также лошади с жеребцом пере-водчика заняла очень много времени. Мы пытались заставить жи-вотных плыть, но, достигнув первого течения, они возвращались назад. В это время некоторые из нас уже были на другой стороне, тогда как другие ожидали переправы. Темнело. Переправа станови-лась опасной из-за подводных скал. И поэтому оставалось только ждать, пока появится луна. Наконец при слабом лунном свете луны животные переплыли реку. Их хвостами привязали к плоту и дер-жали их головы, так что они наконец-то решились.
Все продукты мы съели и к завтраку раздавали последнее. Деревня Гоо-моо располагалась в семистах метрах над нами. Дорога была слишком крутой для верховой езды, можно было
идти только пешком. Единственное, чем можно было облегчить себе путь, это

уцепиться за хвост мула.
Мы подкрепились остатками кофе и начали подниматься. Дорога шла через густой кустарник, в два раза выше нас. Ничего не было, видно кроме узкой серебряной полосы на небе. Я не видела, куда ступают мои ноги. Днём мы встречали больших змей. Вспомнив о пиявках, я едва не пришла в ужас, но потом подумала о том, что мы, христиане, ходим верой. Поэтому я возложила свои заботы на Господа, и Он заботился о том, чтобы на всём этом длинном пути я не наступила на что-то опасное.
Было очень жарко, пот лился ручьём. Но и в этом мы по-знали чудесное водительство Господа, который позволил нам подниматься при свете луны, а не в дневной зной.
Наконец мы достигли деревни кахинов. Неожиданно из темноты выскочил человек. Он бросился к Джону и восторженно приветствовал его. Потом он повернулся ко мне. Сразу мы не узнали его в темноте, но его ослепительная улыбка показалась нам знакомой. Да, это был Марк, наш милый Марк! Он слишком поздно услышал о нашем прибытии, поэтому не мог встретить нас у реки. На обочине дороги стояли христиане, ожидая нас Это была чудесная встреча! В полночь уставшие, но счастливые, мы легли спать в маленькой побелённой часовне, возблагодарив за всё Бога. Давняя мечта исполнилась. Наконец-то мы в Гоо-моо!
Нам расскажите, как в местности вашей Вы получали от Бога дары, Черпали благости полною чашей, Как вы вкушали с Иисусом пиры.
Мы прибыли туда в субботу вечером, а в воскресенье утром наши молодые друзья разошлись по деревням, чтобы сообщить о нашем приходе и сказать, что в следующее воскресенье мы хотим начать кратковременную библейскую школу. Жители деревни приходили каждый вечер и каждое утро, чтобы учиться у нас и чтобы поговорить с нами о домике, который они хотели для нас построить.
Очень интересно наблюдать, как строятся дома лису. Ни одного гвоздя не потребовалось, чтобы построить наш "кудрявый" домик. Я говорю "кудрявый", потому что его крыша напоминала кудрявую голову. Я уже спала под шиферной, металлической
и толевой крышей, под деревянной, соломенной и пару-синовой, но ещё
никогда мне не приходилось спать под крышей из листьев. Здесь, в Гоо-моо, крыши делали из длинных серебри-сто-зелёных банановых листьев. Концы их разрезали, отчего они завивались, поэтому крыша выглядела словно кудрявая голова только что проснувшегося мальчишки, которого ещё не успела причесать мать. В стране лису много таких "кудрявых" крыш, и наш домик стоял в полном согласии со всеми остальными.
Итак, мы начали библейскую школу. Для этой школы Бог дал нам в Слове Своём обетование из Исайи 58,11: "И будет Господь вождём твоим всегда", и оно чудесным образом исполнилось.
В этом Гоо-моо-"саду" было много сорняков: ссоры, себя-любие, нечистота. До последнего дня нашего пребывания здесь к нам шли люди, которые признавались в грехах и исправляли свои ошибки. Мужья и жёны, жившие в ссоре, примирялись. Нац1 дорогой Марк тоже получил большое благословение. Он говорил нам, что наш приход спас эту маленькую церковь.
В последний вечер некоторые свидетельствовали о себе, а Марк удивил нас маленькой постановкой собственного сочине-ния. Он встал на возвышение и сказал:
- Я неверующий, и у меня есть два друга, которых я люб-лю. Иди сюда, мой друг,при
этом он поманил рукой За-му-ие-па, на груди у которого был плакат со словом "Нечистота".
- Прислушиваются ли люди к совету любимых друзей? - спросил Марк, обращаясь к слушателям.
- Некоторые,- последовал ответ.
- Что ты скажешь мне, мой друг? - спросил Марк у За-му-ие-пу.
- Я скажу: делай нечистые дела, имей нечистые мысли.
- Я должен слушаться своего друга, но у меня есть ещё второй друг, вот он. Иди сюда!
Появился А-хе с плакатом "Гнев".
- А что скажешь ты, мой милый друг? Что мне делать? - спросил Марк.
- Люби себя. Не заботься о своих соседях.
Потом спокойно подошёл Томас с плакатом "Иисус".
- А кто ты? Что ты мне предложишь?
- Я предлагаю тебе вечную жизнь и небесный удел, но что-, бы это получить, ты

должен оставить обоих своих старых друзей.
- Учитель Кун, что ты скажешь? - обратился Марк к Джону.- Что мне делать? Оба моих друга сопровождают меня всю мою жизнь.
Джон крикнул из среды слушателей:
- Прими совет Того, Кто предлагает тебе вечную жизнь.
- Хорошо, уходите скорей! (За-му-ие-па и А-хе удали-лись.) Иисус, но что мне делать, чтобы снова иметь друга? Или я должен теперь жить один?
Выходит Симон с плакатом: "Святой Дух".
- Нет, тебе не надо оставаться одному,- сказал Томас.- Вот Друг, Который тебя никогда не оставит, но всегда будет твоим советником.
Марк, положив руку на плечо Симона, сказал:
- Я благодарю Тебя, Иисус, и принимаю этого друга. Дру-зья,- обратился он к слушателям,- это было моё свидетельство. Я хочу обратиться к вам с вопросом: кто ваши друзья? Кого вы избрали?
Действие этого необычного свидетельства на собравшихся было велико. Мы увидели нашего дорогого Марка совсем в новом свете. Его приятная, открытая улыбка может ввести в заблуждение насчёт его характера. А характер у Марка сильный и властный. Так как в свои двадцать шесть лет он имел склонность к лидерству и был самоуверен, у него иногда в церкви были трудности. Будучи сам ревностным христианином, он ожидает от тех, кто является достоянием Господа, такой же отдачи, как у него. Он ещё не понял, что "младенцы во Христе" нуждаются в заботливых руках и снис-хождении. Он признавался в течение недели перед всеми присутст-вующими в своей самоправедности. Но у меня создалось впечатле-ние, что он ещё не вполне осознал свои ошибки. Он хочет изучать послания апостолов и собирается прийти в деревню Дубовая рав-нина на занятия библейской школы.
Проповеди Луки и Томаса были чудесны. Мы могли убедить-ся, что библейская школа уже приносит свой плод. Наше посеще-ние Гоо-моо было благословением для этого "сада" и принесло с собой живительную влагу проповеди о возрождении. В дальней-шем мы слышали, что наши ученики, участвовавшие в последних библейских курсах, с дерзновением проповедуют эту истину.
После коротких библейских курсов в Гоо-моо мы отправи-лись дальше, в деревню нашего За-му-ие-па, чтобы вместе с ним
праздновать там день Жатвы. Встретили нас чудесно. В деревню мы входили через цветочные ворота. Маленький домик, приго-товленный для нас, был полон цветов.
Прощание, как всегда, было нелёгким. Христиане в Гоо-моо плакали так громко, что мы их слышали, находясь уже на прилич-ном расстоянии от деревни. Ещё долго слышали мы их голоса.
Марк дважды посещал библейскую школу, но ему трудно было соблюдать дисциплину. Учёба давалась ему с трудом, мате-риал он усваивал медленнее других. Это задевало его самолюбие, ведь он привык первенствовать. Он огорчался, если не мог отли-читься на экзаменах, и вскоре начинал скучать, так что всякий раз после одного месяца занятий он уходил домой и уводил с собой и других учеников из Гоомоо.
В результате никто из этих учени-ков не имел твёрдого основания в учении Нового Завета.
Во время войны японцы осадили Верхнюю Бирму. Везде были их, шпионы, но некоторым христианам Гоо-моо удалось прийти к нам, чтобы попросить для себя учителей. Один отклик-нулся на этот зов и, рискуя жизнью, отправился с ними. В одном из писем он сообщил, что Марк и За-му-ие-па в ссоре, и церковь из-за них хочет разделиться. Но письмо содержало и хорошую новость: христиане принесли весть Евангелия другому племени, жившему вблизи их. Марк изучал их язык, чтобы проповедовать им Евангелие и привести их ко Христу.
Вот уже три года прошло После того письма, но мы больше ничего не слышали о христианах в Гоо-моо. Я всё думаю, победил ли там сатана? Враг душ человеческих не может простить, что в Гоо-моо люди освободились из его когтей. Наверняка он придумал различные способы, чтобы снова обрести над ними власть.
Иметь в своём сердце гордость - значит подвергать опас-ности свою духовную жизнь. И неопытные христиане не замеча-ют этой опасности, которая влечёт их в пропасть. Ветер гордости сокрушает души и сегодня. Но расселина в скале готова для всех, кто хочет в ней сокрыться. Не хочешь ли и ты молиться о Гоо-моо?

Глава седьмая
Поле для посева

Давайте мысленно возвратимся в верховье реки Салуин. Уже так много было написано о библейской школе, что пора теперь подробнее рассказать о ней.
Критическое суждение брата "Два", что церковь-лису нахо-дится в опасности законничества, было не совсем безоснователь-ным. Но нужно учесть и другое, а именно: церковь-лису в то время не имела Евангелия и поэтому не знала учения о законе и благодати. Послание к Галатам и 1 Послание к Коринфянам были уже переведены. Мы уже писали о том, как хорошо провели время с пресвитерами после того, как вернулись из отпуска и привезли с собой печатную машинку со шрифтом языка лису. Теперь должен был осуществиться наконец наш план: библейская школа в
сезон тропических дождей. Я думаю, что некоторые выдержки из миссионерских сообщений лучше всего смогут передать события того времени.
Поле для посева
Среди горных вершин одиноко возвышается огромная гора. По её отвесному склону, поросшему травой, вьётся среди сосен тропинка, ведущая к небольшому плоскогорью с крохотными хи-жинами, которые совсем оттеснили на край. глубокой пропасти покрытый соломой навес. На другом склоне горы, только мили на три выше, приютилась другая группа хижин. Но какое значение имеет эта дикая, нищенская жизнь для остального мира? И стоит ли о ней писать каждый месяц? Мир не интересуется этой оторванной от него жизнью, но небо с любовью и радостью наблюдает за этим диким горным склоном. Лишь поэтому и мы пишем о ней.
Эта деревня называется Дубовая равнина. Как уже говори-лось, небо интересуется этим местом, потому что там есть поле для посева - библейская школа в сезон тропических дождей.
Я уже раньше писала, как, несмотря на усталость, бедно одетые, босые молодые люди с севера, юга, востока и запада с
радостной надеждой устремились сюда, подобно тому, как пчёлы слетаются на мёд. Кто бы мог подумать, что в небесных сферах шла борьба за души этих невзрачных людей. И всё-таки было именно так. Толь-ко благодаря молитве многие из них смогли прийти сюда. И я не сомневаюсь, что пока они шли к нам, среди них имели место легкомысленные слова, злые взгляды, плотские разговоры. Это лишний раз доказывало, что каждый из них является сыном плот-ского Адама. Невольно задаю себе вопрос: может ли это обстоя-тельство смутить ангелов? Нет, ангелы терпеливее нас. С доволь-ством смотрят они на связку книг, которую несёт каждый из учеников за спиной. В ней находится Книга, перевернувшая весь мир, книга, повествующая о последнем Адаме, который поправил всё, что испортил первый, и теперь через возрождение мы можем стать Его достоянием. Как только эти ростки высажены в поле, их подвергают испытанию: пережили ли они возрождение, пото-му что где нет жизни, там нет и возрастания. Хотя они все утверждают, что имеют жизнь, но ещё не знают, что им делать, чтобы возрастать в ней, потому-то и пришли сюда.
Прежде чем начать эту трёхмесячную библейскую школу, мы провели такой экзамен: одиннадцать учеников в течение не-дели изучали Слово Божье. Не всем учёба давалась легко, но это типично для нашей библейской школы. Друзья же радовались первому сообщению о наших учениках, поэтому привожу его ниже.
Наши первые ростки
- Белла, чему ты улыбаешься, и зачем тебе бумага и каран-даш? - спросил меня Джон, оторвавшись на минуту от диктанта.
- Я записываю некоторые впечатления о наших учениках для друзей, которые молятся о нас,- объяснила я ему.
Вокруг большого стола, в конце которого сидел Джон, при-лежно склонились над книгами одиннадцать чёрных голов. Стол? Он состоял из одного квадратного стола, к которому приставили маленький круглый и два шкафа. Ученики, собравшиеся здесь, были евангелистами или начинающими учителями. Мы планирова-ли, чтобы каждую седьмую неделю они собирались здесь для изу-чения Библии, а потом шесть недель проповедовали в деревнях. За
некоторых евангелистов платит церковь, а другие - обычные ученики, оплачивающие уроки из собственного кармана. Так как эта маленькая группа составляет ядро нашего библейского класса, то, может быть, лучше с ними лично познакомиться.
Юниа. Он выглядит худеньким семнадцатилетним парень-ком, но ему двадцать лет. Родом он из Равнины таволги и уже во-семь лет ревностный, целеустремлённый христианин. После биб-лейского курса в феврале он пошёл "делать Божью работу" и ничего не взял с собой, даже своей шляпы. Но от жарких солнеч-ных лучей у него

были частые головные боли, поэтому он позже вернулся в чужой поношенной шляпе. Она была ему слишком велика и спадала до бровей, что придавало молодому евангелисту странный вид. Каким счастливым покинул он нас, а теперь казался мрачным и угрюмым. Но такое впечатление создавалось только из-за головного убора, в сердце же его по-прежнему была радость. Таков наш Юниа. Когда мы уезжали в отпуск, он заболел корью, но не согласился отказаться от участия в прощальном богослужении. С высокой температурой и весь в пятнах, как леопард, сопровождал он нас пять миль до Дубовой равнины, а потом шёл обратно эти пять миль. Я чуть не испугалась, когда увидела среди слушателей очень внимательное лицо, покрытое красной сыпью.
Сила. Ему двадцать три года, и пришёл он из Равнины ло-шадиных пажитей. Он уверовал три года назад. Сначала мы ду-мали, что он глуп. Во время диктанта он вертит в руках свой карандаш, потом напишет всего несколько слов и, почесав заты-лок, любуется своей писаниной. Опять склоняется над столом, выводит два слова и опять перестаёт писать, дёргает свой ворот-ник, чтобы сделать его посвободнее, снова пишет два слова, потом встаёт и смотрит на других, как у них идут дела. Если ему удаётся правильно ответить на вопрос, он сам удивляется этому больше всех. Это о многом говорит. Позже мы заметили, что он всех удивляет тем, что в противоположность другим ученикам запоминает что-то совсем второстепенное. У него способность всё делать наоборот. То, что нужно запомнить, он забывает, а что-то сложное, что, по всей вероятности, не произведёт большо-го впечатления на его будущих слушателей, наш Сила верно подмечает. Другими словами, он может учиться, но просто без-надёжно равнодушен и невнимателен. Для упражнения в пропо-веди классу дали задание подготовить весть о Воскресении Христа,
потому что приближалась Пасха. Все послушались, за ис-ключением Силы; когда подошла его очередь, он сказал хорошо продуманную проповедь о смерти Христа. Джон спросил:
- Почему ты не сделал так, как я просил, и не говорил о Воскресении?
Сила и сам не знал почему. Во время одного диктанта Джон поинтересовался:
- До какого места ты дошёл. Сила? Не поднимая головы, тот ответил:
- До десятой главы! Раздался дружный смех.
- Но в Послании к Филиппийцам всего четыре главы,- поправил кто-то.
- Ну хорошо, может быть, это был десятый стих.
Во всяком случае он что-то понимал. Бедный юноша! Не-хорошо над ним смеяться. Он
такой счастливый, никогда не сердится, всё воспринимает с улыбкой.
Луциус. Ему двадцать лет и пришёл он из деревни Олив. Он единственный ребёнок верующих родителей, которые платят за его содержание в школе. Он не евангелист. Луциус у нас, как луч света. Он сидит предпоследним в классе, но везде первый. Его ясные мысли опережают слова, отчего он часто заика-ется. По характеру он нерешительный, но очень пылкий.
Луда-Пётр. Ему двадцать пять лет, живёт в Луде, уверовал девять лет назад. Говорят, что он самый красивый в группе, во всяком случае он пользуется авторитетом. Он располагает к себе и имеет влияние на других. Он хороший проповедник и отличный певец, хорошо знает уже переведённые части Библии. Он всегда бодрый, учить его доставляет радость. Но порой возникает не-объяснимое чувство, что всё это подобно привлекательной скор-лупе, внутри которой пустота. Этот молодой человек нуждается в особенной молитве. Он был принят для служения, так как после библейской школы в феврале его труд в деревне Водяная гора, где христиане охладели и стали подражать языческим обычаям, был благословенным. Он смог привести к Господу три семьи. Возможно, что ему предстоит духовное пробуждение.
Нафанаил. Двадцатидвухлетний юноша, уверовавший два с половиной года назад. Он живёт в деревне Лошадиное пастбище. Нафанаил коренастый, с приятной внешностью, его высокий лоб
и открытое лицо сразу внушают доверие. Учение ему даётся нелегко. Он сидит рядом с Силой, и его право быть последним никто не оспаривает. Нафанаил имеет задатки хорошего пропо-ведника. Он изумил нас своей хорошо продуманной и отлично сказанной проповедью.
Иов. Ему тридцать два года. Он из района Мухенгпо. Ве-рующий с восемнадцати лет и первым принёс Евангелие в эту местность. Он маленького роста, непривлекательный, худой, со следами оспы на лице. В своей шляпе, обычно надетой набекрень, он скорее похож на конюха, нежели на евангелиста. Хотя по внешности

он самый незначительный в классе, но, насколько нам известно, самый большой покоритель душ в стране лису. У Иова мало природных даров, но Бог так использовал его, что он стал живым памятником тому, что Бог может сделать с человеком, который полностью отдаёт Ему своё сердце. Но чтобы никто не думал, что мы имеем дело с олицетворением святости, хочу на примере Иова показать, что у всех есть свои странности. Иов вовсе не является воодушевлённым слушателем, нет, напротив. Я думаю, что никакой другой ученик не раздражает своего учителя таким невниманием, как Иов. Но в действительности всё наоборот. Мы заметили это с большим удивлением, когда однажды он пересказал урок, который, как мы думали, он совсем не слушал. Он ни минуты не сидит спокойно. Слушая объяснение новой темы, он ковыряется в зубах или дёргает себя за уши, вертится во все стороны и наконец, повернувшись к своему соседу, не отры-ваясь, смотрит на него. Если тема требует от него сосредоточен-ного мышления, то он ведёт себя хуже обычного: запрокидывает голову, открывает рот, глаза устремляет в потолок. Лицо его при этом ничего не выражает. Никто бы и не подумал, что он в это время серьёзно размышляет, но тем не менее это так. Его нужно знать, чтобы любить, а любовь снисходительна.

Хо-а-тсе. Ему двадцать два года, родом из Гоо-моо в Бирме. Он сопровождал Иова, когда тот возвращался назад, и мы угово-рили его остаться на библейские курсы. Он очень чувствитель-ный, у него почти девичье поведение. Он обожает Джона, громко смеётся над его шутками и бывает очень счастлив, если может подержать его руку. При этом радостно восклицает: "О мапа!" В этом возгласе заключается вся его любовь.

Изучение Библии сделало его совсем новым человеком. Ни в ком из учеников, кроме него, мы не заметили такого изменения. Он моментально освободился от своих мечтаний и превратился во внимательного, спокойного ученика, который в последний вечер дал самое лучшее свидетельство (так я думаю).

Аристарх: Ему двадцать два года. Живёт он в Равнине сан-далового дерева. Уверовал пять лет назад. Это робкий и стесни-тельный человек. Его губы постоянно подрагивают, как у кроли-ка. Движения неловки и неуверенны. Ведёт себя иногда, как побитая собачонка: боязливо оглядывается по сторонам, будто ожидает получить от кого-то удары. Но когда он встаёт на пропо-ведь, всё это исчезает. Он говорит уверенно, спокойно, делая ударение на словах, чтобы слушатели могли понять его пропо-ведь. По всей вероятности, он самый верный молитвенник из всей группы, но никогда не говорит об этом, поэтому мало кто об этом знает. Этот молодой человек оставил должность, на которой имел содержание и шестьдесят долларов в год. Это жалованье ма-па-ра. Иов, Лука и Андреас получают больше, потому что они учи-теля (мапа). Белый учитель называется Ма-па-да-ма, или Большой учитель, а в обиходной речи просто мала.

Руф. Ему двадцать три года, и четыре года назад он уверо-вал. Руф высокий и худощавый, со следами оспы на лице. Он напоминает мне одного пастуха, не знающего ни страха, ни стес-нения и готового на всякие проделки. Он способный, быстро всё усваивает, по характеру уступчив, но показывает ещё мало ду-ховного понимания. "Одно только нужно" (Лк. 10,42).

Иона (За-квеи-ху). Живёт он в деревне Олив, ему двадцать два года. Уверовал шесть лет назад. По темпераменту, как Симон Пётр. Он добрый и сообразительный, самый понятливый и вос-приимчивый в классе, судя по его разговору. Полный способно-сти и энергии. Он рождён быть предводителем, но у него те же слабости, что и у Петра. Сначала говорит, а потом думает. Он хороший проповедник с низким приятным голосом и ясным умом. Иона и Тит соперничали с Луциусом за лидерство в группе.

Тит: Ему двадцать два года. Это младший брат Андреаса из Мухенгпо. Он уверовал уже шестнадцать лет назад. Утверждает, что к новой жизни в Иисусе Христе пришёл весной 1938 года. Тит - прямая противоположность Ионе: он настолько же хлад-нокровен и расчётлив, как Иона порывист и горяч. Тит в большинстве случаев ходит один, в то время кик Иона часто рука об руку с другом.

Иона принимает всё, чему его учат, с великой признательностью. Тит мало говорит, а отсутствие блеска в его
глазах и тяжёлые вздохи показывают его отношение к
учёбе. Они сидят рядом не потому, что взаимно притягивают друг друга, но потому, что хотят быть поближе к учителю. Тит обладает острым коммерческим умом. Он точно знает, с кем имеет дело, не то что Иона. Склонность к художеству побуждает его рисовать на кни-гах. Ещё одним даром обладает он - у него самый лучший те-нор, какой я слышала в стране лису. Джон говорит:

- Пение Тита так трогает сердце, что невольно прослезишься.
Я рассказала о наших молодых учениках и невольно спрашиваю себя: увидел ли их читатель так, как видим мы? Что он при этом заметил? Что они все очень разные, да? Что они очень молоды? И нужно ли их критиковать? Ведь главное - у них есть молодой энтузиазм и верность своему Господу, не так ли?"
Давая библейские имена ученикам, мы оставались при сво-ем убеждении, что каждому нужно дать имя, соответствующее его характеру. Когда имя Иоанн стало повторяться, мы дали им номера: 1, 2, 3. Джон (Иоанн) без номера. Это мой муж. Для ясности будем их называть так.
А теперь вернёмся назад к нашей первой библейской школе во время дождей, когда Хомай и Ме-до-ме-па были ещё с нами и церковь только начала поправляться после брата "Два". В жизни церкви в то время был и свой положительный момент - само-праведность христиан пошатнулась и они были готовы выслу-шать ответ на вопрос: "Что у нас неправильно?"
28 мая 1938 года был знаменательный день. Со всех концов шли молодые люди, чтобы учиться в библейской школе. При-шедшие с юга были первыми. Среди них находился Аристарх, который возвращался из Равнины лошадиных пажитей. Он мог сообщить о тридцати душах, которые обратились к Господу. Потом пришли люди из Луды, и среди них был новый верующий. Такой новый, что даже ещё не умел читать. Он был рад, что мо-жет учиться, и принёс с собой продовольствие на три месяца. Он сразу же купил книги, и на следующий день я видела, как он ходил по нашему дому, прижимая их к груди. Широко раскрыв глаза от изумления, он смотрел, как живут белые люди. Мы дали ему имя Новичок.
"Должно вам родиться свыше"
Это была тема библейской школы этого года. День откры-тия был днём молитвы и поста. И уже при этом пережили мы благословения. Госпожа Янг в слезах признала свою вину, и вечером во время богослужения некоторые молодые люди посвя-тили свою жизнь для служения Господу.
Чарлз Петерсон и Джон использовали время между заня-тиями для того, чтобы лично с каждым из учеников говорить о возрождении. За исключением Новичка, все дали положительные ответы. Я была удивлена, узнав, что многие пережили возрожде-ние в
феврале, когда Иов проповедовал из 3-й главы Евангелия от Иоанна. Это произвело на всех большое впечатление. Мы убеж-дены в том, что руководители лису-церквей должны твёрдо дер-жаться этой фундаментальной истины. По этой причине все ученики один раз проповедовали о возрождении. Я бы хотела, чтобы вы услышали проповеди Иова, Луки, Аристарха и Нафанаила.
Кроме того, в течение всей недели каждый вечер Чарлз Пе-терсон говорил на эту тему. В конце каждой недели все ученики (девушки тоже) посещали соседние деревни. Некоторым из этих молодых людей приходилось проходить больше двадцати пяти английских миль, чтобы провести три собрания, а потом - об-ратный путь. И это с субботы до утра понедельника, когда снова начинались уроки. Но ещё никто от служения не отказывался.
Наши сердца ликовали при виде счастливых лиц, когда в понедельник утром ученики, вернувшись, первым делом прихо-дили нас приветствовать. За исключением одной недели, посто-янно шёл дождь, а ни у кого из учеников не было ни плаща, ни зонта. Но эти Временные неудобства не могли омрачить ни их, ни нашей радости.
"Но если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь" (Фил. 2,17).
В первую неделю, когда ученики посещали близлежащие деревни, они охватили Евангельской вестью примерно пятьсот лису, в следующую - более семисот, а в третью - ещё большее число. В понедельник утром они рассказывали о своей работе.
А теперь вернёмся к первой неделе. С 1 по 4 июня Господь особенно говорил к нашим сердцам. И к нашей общей радости, в субботу возвратился Андреас. Его приход был для нас доказательством, что Бог услышал наши молитвы. Но он был болен.
Сильная простуда со странной сыпью по всему телу мучила его, но он спокойно сказал:
- Я никогда не болел, когда был в Бирме, а сейчас, когда при-шёл изучать Слово Божье, заболел. Я верю, что это натиск сатаны.
Он не давал себе отдыха и присутствовал на всех уроках. В конце недели был он первым на экзамене по 1 Посланию к Ко-ринфянам.
"Рождённое от Духа есть дух".
Наши ученики заметно возрастали духовно и этим радовали нас. Единственное, что

я
могу сделать, чтобы вы могли разделить нашу радость, это написать некоторые выдержки из их молитв, как я их слышала:
"Господь, я недостоин быть Твоим рабом. Ты же сделал меня Своим другом. Я заслуживаю смерти. Ты же дал мне вечную жизнь".
"Имя Твоё записано в моём сердце, а моё имя начертано на Твоих руках, поэтому мы
не можем быть разлучены".
"Господь, Ты убежище моё. Если бы я не имел Тебя, то был бы я без прибежища".
"Раньше я просил Тебя о том, чего сам себе желал, и нико-гда не думал о том, что Ты что-то от меня ожидаешь. Но это было неправильно, пожалуйста, прости меня. Теперь я желаю того, чего Ты желаешь".
"Господь, укрепи наших учителей, помоги им, чтобы когда они нас учат, мы могли видеть Твоё лицо".
"Пусть Твоё имя всегда живёт в наших сердцах. Пусть оно будет в них приятным благоуханием".
Сладкий покой в упованье найдёт Всякий, кто к Господу с верой придёт;
Дух Святой в сердце его станет жить И про любовь Иисуса твердить.
Разве эти слова, сказанные белым человеком, не звучат и в сердцах лису? Записки, которые они иногда нам тайно подкиды-вают, свидетельствуют об этом. Один молодой человек писал:
"Если вы имеете побуждение увещевать меня, то, пожалуйста, делайте это. Я не буду обижаться. Если бы во мне не было ниче-го, что нуждалось в исправлении, то я не был бы здесь".
Следующее письмо мы получили от ученика, который каж-дый раз не мог сдать экзамен, однако своими проповедями доказывал, что сердцем принял новую истину:
"Благодаря крови Иисуса Христа я могу теперь написать вам несколько слов во имя Его. Мне недостаёт способностей изучать Слово о Боге и Господе Иисусе. Большой брат Кун, хотя я учусь в школе, я многого не понимаю и ничего не могу повторить наизусть, но я понял исти-ну, что Иисус Христос умер за меня на кресте. Всё, что я имею, мой дух и тело, принадлежат Ему, я всё отдал Ему. Я никогда не могу забыть Его крест. Ты меня многому научил, большой брат, и это дало мне радость. Я очень благодарен тебе. Хотя я не могу говорить наизусть учение Иисуса, я постоянно счастлив, потому что Он пролил Свою кровь, чтобы искупить меня".
В 1938 году Хомай ещё находилась у нас, поэтому её имя упоминается в сообщениях. Вот ещё одно из них.
Неутомимая труженица
Если бы вам удалось во время перемены пройти по нашему "Дому благодати", то в углу одной большой комнаты вы увидели бы возле окна маленькую женщину-лису, склонившуюся над большой стопкой рукописей. Она с большим вниманием прочи-тывает листки, в то время как её маленькие руки с пухлыми паль-чиками неутомимо порхают над купленной в Па Ланкастер пе-чатной машинкой. Это Хомай. Без неё и её печатной машинки мы бы не смогли провести эту библейскую школу. Она делает двенадцать машинописных копий каждой книги, которую мы изучаем, так что ученики имеют возможность вместе с нами читать эти послания. Если бы у учеников не было на руках текстов, они не могли бы понять посланий апостола Павла, потому что в них много выражений, которых нет в языке лису. Их сначала нужно было найти, а потом объяснить, что они означают. Недавно нам нужно было объяснить два слова: "общение" и "пример". Когда сказали: "Я-лако", никто не понял, что мы имели ввиду, кроме Хомай, Луки и Иова, которые раньше уже ознакомились с этим понятием. Нам нужно было не только объяснить, что слово "Я-ла-ко" означает "общение", но и пояснить, что это такое.
Я вспомнила книгу Тренжа "Изучение слов". Он заостряет внимание на том факте, что никакой народ не может иметь слов, значение которых ему незнакомо. Нет более яркого доказательства
порочности жизни дикарей, чем их лексикон. Несмотря на ужасающую бедность их языка, у них существует множество выражений, описывающих грех, но очень мало слов, относящих-ся к благочестию. Конечно, автор книги никогда не слышал о лису, но его высказывание можно отнести и к ним: "Есть достаточно слов, определяющих грех в различных его проявлениях. Так, дикари предельно ясно могут рассказать, например, как можно скальпировать живого человека, но если спросить у них, что означает святость, то в их речи нет для этого выражений. Их язык не знает слов <спасение>, <праведность> или <милость>, а также нет слов <религия>, <духовность> или <совесть> и т. д."

Вчера я написала на доске слово "смирение". Луциус спро-сил, что это означает, и
признался, что никогда об этом не слы-шал. А когда мы однажды говорили о совести, даже Хомай по-дошла и сказала, что не знает значения этого слова в Библии и спросила, есть ли у неё совесть. Но всё же в языке лису есть слово "Бог" - "Ву-за". Хотя лису знают Ву-за, но не молятся ему. Мне кажется, что в более ранние времена лису имели более правиль-ное познание жизни.
Дальше я хочу рассказать о евангелизации в конце недели, потому что это было важной частью нашей работы, причём не-редко было сопряжено с опасностью для жизни.
"Господь -хранитель твой"
А-хе и Луциус должны были проводить богослужение с ве-черей Господней в деревне Могила белки. Так как Салуин в это время года разливается, то им пришлось перебираться по вере-вочному мосту. Многие хотели переправиться через реку, так как ещё и другие учителя должны были проводить собрание на за-падном берегу. Юлиетта и её две подруги из деревни Подъём сбежавших лошадей тоже хотели переправиться через реку и нуждались в помощи друзей. Эти девушки весь июль учились в школе и сами оплачивали своё содержание.
Теперь у этого так называемого моста выстроилась такая очередь, что оба молодых человека, о которых я хочу рассказать, не смогли в тот день попасть в назначенное место и решили пе-реночевать в маленькой китайской деревне, где знали одну хри-стианскую семью лису. Когда они пришли в эту местность, уже стемнело. В этой местности было много разбойников, поэтому
дом их знакомых был заперт. Хозяева находились в заднем по-мещении. Радуясь, что дошли, А-хе и Луциус остановились возле дома, как вдруг раздался крик:
- Стойте, или мы будем стрелять! Братья знали, что ядовитыми стрелами лису достаточно лишь оцарапать кожу, и наступит смерть.
- Вам не нужно нас бояться,- ответили они.- Мы два учи-теля, идём в деревню Могила белки, чтобы провести там богослу-жение с вечерей Господней. Мы хотим у тебя переночевать.
- Гм, вы учителя? - переспросил хозяин.- Может быть, вы учителя, а может быть, и
нет. Как я могу это узнать?
- Хорошо,-- ответил Луциус, который лично знал этих людей.- Пу-ра-па, ты должен меня знать. Моё имя Рождённый на улице, я из деревни Олив.
Может, кто-то подумает, что я придумала для Луциуса это языческое имя. Но это не
так. Дядя назвал его так шутя, и это имя так и осталось за ним.
- Вот как,- насмешливо сказал хозяин с крыши хижины, куда он залез, чтобы лучше защищать свою семью, вооружив-шись самострелом с ядовитыми стрелами, большим ножом и длинным копьём.
- Что может Рождённый на улице делать на дороге в такой поздний час? Ведь можно присвоить имя хорошего человека, не правда ли? (Луциус уже несколько лет не посещал эту семью.)
- Давай убежим,- прошептал А-хе,- и переночуем сего-дня в кустах.
- Нет, если мы побежим, он подумает, что мы действи-тельно разбойники, и будет стрелять. А ты знаешь, что достаточ-но всего одного укола.
Они стали терпеливо объяснять.
- Я действительно Рождённый на улице, а мой спутник - А-хе из Луды. Мы идём на богослужение.
- Гм, если вы учителя, тогда вы можете спеть песню. Мо-жет быть, тогда мы поверим вашим словам.
Так они, несмотря на усталость и голод, радостно запели в темноте: "Дух Святой со мною".
Из хижины послышался голос девушки:
- Отец, есть очень много отпавших христиан, будь осторожен.
Вдруг у хозяйки появилась идея. Возле двери было отверстие в стене. Она высунула в него еловый факел и осветила лица парней.
- Я знаю Рождённого на улице,- сказала она и добавила совсем другим голосом: - Это действительно он. Отец, спускай-ся. Нет никакой опасности.
Гостям открыли дверь и сердечно приветствовали их. Как смеялись они потом, когда рассказывали нам эту историю! Но это приключение могло закончиться совсем иначе. Многие воры в тот год погибли от ядовитых стрел лису, охраняющих свою жат-ву. Это милость Божья, что никто из наших учеников не постра-дал во время своих

путешествий с проповедью в конце недели. Господу сердечная благодарность за это!
Разное
Немало интересных историй случалось с нашими молоды-ми проповедниками во время обучения в школе. Наш младший ученик за день до своего отправления в деревню Холмов для проведения собраний в выходные узнал о неожиданной болезни своего друга. Вся ответственность за собрания теперь лежала на нём. Ещё никогда ему не приходилось решать всё одному. Утром перед завтраком он влетел в спальню нашего неженатого миссио-нера и положил прямо ему на кровать своё Евангелие на языке лису, листок бумаги и карандаш.
- Напишите мне, пожалуйста, самые важные мысли на стих из Священного Писания: "Ищите же прежде Царствия Бо-жия" для моей проповеди,- прозвучал приказ ученика, после чего он умчался завтракать.
Он был так доволен своим поступком, как американский мальчишка, который высыпал медь на прилавок магазина, заказал что-то и дал знать, что через пять минут придёт забрать заказ. Так и наш герой-лису получил свой заказ. Когда он вновь вбежал в комнату, план его проповеди был готов.
А вот выдержка из другого сообщения.
"Рядом со мной, сидит наш Луциус. Он атлетического тело-сложения и гораздо выше меня, по возрасту же самый младший, наше дитя. Он получил поручение - бить в гонг. Для этого он должен был следить за временем по золотым часам своего учите-ля. Вначале он не очень-то хотел брать в свои большие руки эту маленькую тикающую вещичку. А потом случилось то, чего мы
боялись. Как-то утром, когда я ещё причёсывалась, послышались его шаги в соседней комнате и через бамбуковую стену донёсся испуганный голос:
- Мама, часы умерли! Они больше не ходят. К счастью, я вспомнила, что мы забыли их завести вечером, и спокойно ответила:
- Не расстраивайся, положи их.
Позже мы их снова завели, и я сообщила озабоченному Лу-циусу, что часы опять идут.
С какой радостью улыбнулся он мне! Только бы часы оста-лись живыми, а всё остальное нашего Луциуса не волновало".
Наш самый умный ученик Экзамине просил выделить ему тихий уголок для разучивания музыкальных произведений. Он выбрал местечко между своей комнатушкой и сараем для свиней, не подозревая, что за ним могут наблюдать из окна комнаты мамы. Там он дирижировал, ознакомляя свиней с хоралом "Аллилуйя" Генделя. Вы не удивились, что лису знают это произ-ведение? Аллин и Лайла Кук, находясь в Бирме, перевели его на язык лису. Сначала они ознакомили с ним Луку, А-хе и Хомай. А теперь Лука учит других. Хотя в Америке я часто слышала этот хорал в более профессиональном исполнении, но это не так тро-гало моё сердце, как пение наших лису. Они любят этот хорал и вдохновенно его поют. Как чудесно звучат их голоса, когда они поют: "Все царства земные станут Царствием Бога и Христа Его". Слава Богу за это творение!
С начала года Джон преподавал в Гоо-моо и теперь возвра-щался назад, воодушевлённый благословениями в их церкви. Ему понравилась благоговейная обстановка и порядок во время служе-ний, проводимых нашим Марком. Луциус был назначен руководи-телем богослужений в близлежащих деревнях. Иона, его двоюрод-ный брат, вернулся домой из Гоо-моо и убедил Луциуса установить в деревне Олив такой же порядок, какой был в Гоо-моо.
Джон говорил на большом собрании после обеда. Как толь-ко он начал говорить. Иона скользнул к двери часовни и воору-жился длинной палкой. Если кто-то из детей начинал вертеться или шуметь, он толкал его палкой в спину. Этим он давал понять, что маленькому грешнику придётся позже дать отчёт. Кому хоте-лось иметь дело с сильным, широкоплечим парнем? И дети сиде-ли спокойно и слушали.
Луциус сидел впереди. Молодой крестьянин рядом с ним, ус-тавший от долгого сидения, хотел вытянуть ноги на пустую ска-мейку впереди. Но не успел он поднять ногу, как получил сильный удар от Луциуса. Как испуганная улитка, он быстро отдёрнул ногу и замер. Эти два энергичных молодых человека навели такой об-разцовый порядок, какой казался нам невозможным.
Августовские сообщения полны описаний закатов солнца. Первое из них совсем простое, но, может быть, оно заинтересует наших читателей.
"Вы, наверное, помните, что деревня Дубовая равнина рас-положилась не на берегу Салуина, а в горах, над одним из его притоков. Но всего за пять минут можно оттуда дойти до берега Салуина. На дороге полно поворотов, и ведёт она к хребту, кото-рый мы называем "Заход солнца", потому что в прохладные вече-ра с

удовольствием ходим туда.
Однажды вечером в начале августа мы ужинали там всей школой. Мы, белые люди, принесли с собой подушки и одеяла, чтобы сесть, но эти дети гор, по всей вероятности, не нуждались в таких удобствах. Они быстро и весело накидали кучу листьев и уселись на них. Было похоже, будто они сидят на троне. Мы расположились кругом, а посередине стояли чёрные от копоти кастрюли, в которых варился наш ужин, состоящий из кукурузы, свинины и некоторых лакомств. Радость этого праздника допол-няли весёлые разговоры и смех. Кроме того, мы наслаждались ни с чем не сравнимой панорамой: последние лучи заходящее солнца освещали горы на западном берегу серебристо-розовым светом. Когда вечерние сумерки сгустились, с правой стороны поднялся Тит и его друг (они первыми окончили ужин) и запели: <Аллилуйя, какой Спаситель! Аллилуйя, какой Друг>. Вскоре и остальные присоединились к ним. Бархатный вечер наполнился
мелодиями наших любимых
гимнов. То и дело обращались к нам ученики с просьбой предложить следующий гимн".
Ещё одно воспоминание совсем другого рода. Однажды ве-чером на меня вдруг нахлынуло странное чувство недовольства собой. Я спрашивала себя: не стали ли мы, руководители, равно-душны в своей духовной жизни и проникнуты ли Словом Божьим сердца молодых людей так, как мы этого желаем? Было и ещё одно обстоятельство, которое удручало меня. При заходе солнца
я выскользнула из нашей хижины, но в этот раз не вниз, к мес-течку "Заход солнца", а выше в гору.
Прохладный вечерний ветер нежно касался моего лица. Я повернула на верхнюю дорогу, которая начиналась на вспахан-ном поле. Неожиданно я встретилась с Луциусом и Юниа, кото-рые, возможно, по той же причине, что и я, искали уединения. Смущённо улыбаясь, прошли они мимо. Им обоим было поруче-но в следующую субботу и воскресенье руководить богослужени-ем в деревне Холмов. Мы снова и снова напоминали нашим уче-никам, чтобы они прежде всего искали молитвенного общения с Богом, прося у Него силы и мудрости, чтобы исполнить такое поручение, но мы не знали, делали они это в действительности или нет. Эти наши младшие, по всей вероятности, чувствовали свою духовную слабость, а я была послана им навстречу, чтобы укрепить их намерение.
Ободрённая, я поднималась выше. Услышав поблизости го-лоса, я продолжила свой путь вверх через дикие кусты, так как искала одиночества и не хотела ни с кем встречаться. Тёмно-серые горы скрывались в полумраке, на небе появились малень-кие белые облака, но прелесть захода солнца уже исчезла. Холод-ная красота наступающей ночи наполняла моё сердце новой силой и сознанием присутствия Вечносущего, и я обратилась к Нему с молитвой благодарности.
Но было опасно долго оставаться в горах в такое позднее время, и, посидев немного в одиночестве, я поднялась и направи-лась домой.
Я боялась идти через кустарник в этот час и надеялась, что ученик, голос которого я до этого слышала, ушёл домой. Но было не так. Вдруг я услышала, как он молился: "О Бог-Отец, помоги мне при изучении этой книги". Я старалась не прислушиваться и ускорила шаги, стараясь не шуметь, но на следующем повороте дороги увидела его на коленях перед открытой Библией. Из-за высокой травы лица его почти не было видно. Свободно, гром-ким голосом изливал он своё сердце перед Господом, уверенный в том, что за ним не наблюдают. Он не видел меня, потому что был слишком занят собой, но я остановилась, не веря своим гла-зам. Твёрдо и решительно он продолжал: "О Бог-Отец! Я отдаю Тебе своё тело, свою душу и дух. Поступай со мной по Твоей воле!" Я повернулась и с радостным сердцем поспешила скрыться,
пока он меня не увидел. Что меня больше всего поразило, так это то, что этот молящийся молодой человек был не наш Ари-старх или кто-то из духовных руководителей, нет, это был наш дорогой Новичок.
Ещё одно яркое воспоминание, связанное с закатом солн-ца,- это торжественное богослужение в горах, под открытым небом вечером 26 августа. Во время последней недели обучения у нас должны были быть гости, поэтому предпоследнюю неделю мы провели по-семейному, и в конце её мы отправились к нашему излюбленному месту провести богослужение у костра. Хотя это было в период дождей, праздник прошёл хорошо. Обычно в течение всего дня светило солнце, а ночью шёл дождь. Но мы просили Подателя всех благ о ясной звёздной ночи, и действи-тельно 26 августа Он
сделал исключение и дождя не было, так что ничто не мешало нашему празднику.

Когда мы на закате отправились в путь, мне казалось, что я ещё не видела такой красоты. На фоне бледного неба в чудесном тёмно-синем свете высились горы. Маленькие облака, казалось, вобрали в себя по-следние лучи исчезающего за горами солнца и держали их ещё какое-то время в себе. Наш мир преобразился. Казалось, небо усыпали драгоценные камни вперемешку с белыми и розовыми жемчужинами, которые постепенно бледнели, а потом совсем исчезли, чтобы уступить место белой луне и далёким звёздам. В той местности ночь наступает быстро.
Мы сидели у костра. Пламя бросало отблески на милые лица друзей. Все выглядели немного печально, ведь это был наш по-следний семейный вечер, и с серьёзными лицами слушали пропо-ведь моего мужа о жертве. В заключение он призвал всех желаю-щих всецело посвятить свою жизнь Господу выйти вперёд, чтобы вместе склониться в молитве. Один за другим подходили присутст-вующие к внутреннему кругу. Насколько мы могли понять, вышли все наши дорогие ученики. Мы открыли свои сердца в молитве пред Богом. Позже все сказали короткое свидетельство.
Письмо тех дней сообщает:
"Вечер скоро закончится. Мои часы остановились, но, навер-ное, уже поздно, потому что бледная луна уже проделала немалый путь по небу. Мы решили ещё побыть вместе. Бросаем в тлеющий огонь свежие ветки, шипя поднимается пламя и бросает свой золо-тистый свет на большой круг счастливо улыбающихся лиц. Один из присутствующих, подняв голову, с восторгом восклицает: <Ка-хи!> (радость). Да, радость наполняет наши сердца. Ещё один или два гимна, мой муж произносит благословение, и праздник закончен. Мы отправляемся в путь, и в моей памяти надолго останется эта дорога. Луна светила очень слабо, и мы зажгли сосновые факелы, чтобы найти путь назад к Дубовой равнине.
Взобравшись вверх по тропинке, мы на мгновение огляну-лись назад. Как драгоценные камни, горят и сверкают в темноте факелы, освещая улыбающиеся, дорогие нам лица. До самых дверей нашего дома нас сопровождало пение знакомых голосов".
В конце каждого сезона дождей, когда заканчиваются заня-тия в библейской школе, торжественно проводятся экзамены. Ученики избирают своего президента, руководителя пением и тех, кто будет говорить прощальную проповедь. В сопровожде-нии музыки входят они в зал для последнего собрания и получа-ют свой аттестат (с отличием или без). Я расскажу о библейских курсах 1939 года. В то лето мы говорили о скинии.
Окончание школы
- Хомай! Эти цветы для твоей комнаты, я хотела тебя по-просить украсить и комнаты ребят!
Пухленькая маленькая девушка счастливо улыбнулась:
- Точно так же, как в последний год, мама?
- Да, тебе нужно для всех приготовить цветы, чтобы у ка-ждого был цветок в петлице.
По пути в часовню я встретила нашего Новичка и преду-предила:
- Не забудь сходить в "Дом благодати" и взять себе цветок. Его лицо озарилось счастливой улыбкой. Новичок выглядел
уже совсем цивилизованно.
Пол в часовне был усыпан свежими еловыми иголками,
распространяющими приятный хвойный аромат, что вызвало
восторг у девушек-лису.
- Разве это не прекрасно - праздновать?
Для учеников соорудили особую платформу, на одной сто-роне которой стоял переносной орган, напротив - столик с маленькой моделью скинии, которую Иов привёл в правильное положение только перед тем, когда началось её описание. Стоявшие рядом со мною Халев и Симеон оживлённо раз-говаривали, делясь воспоминаниями последнего года, когда они оба пели в хоре "Аллилуйя". Из-за болезни им пришлось пропус-тить неделю обучения, что принесло им немало печали.
- Халев, ты мне дашь сигнал, когда они подойдут побли-же, чтобы мне вовремя начать играть марш,- попросила я его. Он, улыбаясь, кивнул головой, и сразу же последовал взмах руки - требование играть. Все двадцать три молодых человека нето-ропливо один за другим вошли через боковой вход. Томас, хоро-шо одетый благодаря стараниям Хомай, руководил процессией. Каждый был с ярким цветком в петлице. Председательствующий Христиансон движением руки предложил им сесть, и воцарилась благоговейная тишина.
Но увы! В этой стране даже важные события не обходились без нарушения правил приличия. Когда я всем сердцем наслажда-лась непривычной торжественностью. Лука,

ответственный за пение, вдруг вскочил со своего места и громко спросил:
- Где мой песенник?
Затем, обращаясь к слушателям, спросил кого-то невидимого:
- Ты принесла его?
- Конечно, принесла, вот он.
Это был обиженный голос женщины, верность которой от-крыто подверглась сомнению. Книгу передали, и наш милый руководитель пением, не за-думываясь, что нарушил торжественность этого момента, сел на своё место довольный, с сознанием полной готовности к своему служению.
Тит первым сказал свою прощальную проповедь. Он вы-глядел потрясающе в своём сатиновом платье и с белыми повяз-ками на ногах. Его белые теннисные ботинки были испачканы ягодным соком. Не хватало только того, чтобы он ещё и руки вымазал. Он говорил о драконе и упомянул все (!) места из Откровения, в которых что-то упоминается о сатане. Но он говорил очень хорошо.
Следующим был Иов со своей моделью скинии. Всё было хорошо, пока он не дошёл до покрывал. Его заранее предупреди-ли, что лучше это не объяснять. Но интерес слушателей соблаз-нил его сделать попытку. Результат был таким, как мы и ожидали.
- И это,- убеждённо произнёс он, поднимая белое по-крывало,- было сделано из козьей шкуры.
Но козы в стране лису все чёрные. Это вдруг дошло до его сознания. Он испуганно оглянулся и растеряно шепнул мне:
- Действительно было так?
Слушатели, конечно, развеселились.
Андреас был следующим. Как всегда, спокойно говорил он об Агнце Божьем. Он начал с первой книги Моисея и цитировал все подходящие места из Библии. По мнению Христиансона, он проповедовал лучше всех.
После обеденного перерыва было собрание, где каждому ученику предоставили пять минут для свидетельства о книгах, которые были изучены в течение лета. За исключением Луциуса, которого больная нога приковала к постели, все сказали несколько слов. Джон был председателем. Также носу-Мария и ещё одна или две девушки должны были сказать что-то. Они тряслись от страха, но сделали своё дело хорошо.
Свидетельство Юниа было коротким и простым. По случаю праздника он надел все свои самые лучшие одежды, чтобы вы-глядеть как можно торжественнее.
Луда-Пётр, который не знал, что имел все шансы стать лучшим учеником, в волнении начал отколупывать кору с бревна над своей головой и забыл упомянуть то, о чём обещал мне обя-зательно сказать. То, что он говорил, было правильно, только он перепутал дерево ситтим с сандаловым деревом, но никто не засчитал ему это за лжеучение.
Ученики библейской школы изъявили желание и в этом го-ду петь хорал "Аллилуйя", поэтому вечерами подолгу репетиро-вали. Успех хорового пения зависит во многом от того, насколько внимательны хористы к знакам дирижёра. Из-за невнимательно-сти иногда получается так, что кто-то с большим вдохновением тянет своё: "А-а", в то время как соседи, уткнув нос в рукав, хи-хикают. Одинокий же певец искренне думает, что пел правильно. Да и кто может петь без воодушевления этот хорал "Аллилуйя":
"Все царства земные станут Царством Бога и Христа Его! Царь всех царей и Господь всех господствующих - аллилуйя!" Стоит только представить, что услышишь это произведение, сердце начинает биться быстрее от радости. Но если кто-то тянет "А-а" невпопад, как Рода в прошлом году в прощальный день - (она
стояла в первом ряду и от смущения не могла поднять голову, чтобы взглянуть на регента),- тогда пропадёт вся торжествен-ность. Когда все хористы послушны регенту, совместное служе-ние становится радостью для всех. Также и мы все должны быть послушны нашему Господу. Да не опустит никто из нас в тот день голову из-за непослушания.
Шестая глава показала нам всю глубину пропасти и ковар-ства её Властелина. Одна из его уловок состоит в том, чтобы вернуть христианина от благодати к делам закона. Опасность законничества лучше всего побеждать учением о благодати. "Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освящёнными" (Деян. 20,32).
Суровый ветер законности дует и у нас на родине. Хри-стиане так быстро впадают в
искушение, понимая под следовани-ем за Христом лишь "делать" или "не делать".

Наши выпускники библейской школы понесли Весть благодати через все горы. Джон мог проповедовать только в одной деревне, но стараниями наших учеников одновременно проповедовалось то же Евангелие в десяти - двадцати местах. На протяжении всего года продол-жали они проповедовать Евангелие милости Божьей и объяснять, что значит законность. Постепенно в церквах произошли преоб-разования. Хотя церкви и сейчас далеко не совершенны, потому что резкий ветер законности всё ещё дует, где и когда он хочет, но евангелисты и пресвитера изменили своё отношение к этому вопросу. Не стало больше установленных законов для определён-ных грехов, но каждый случай рассматривается отдельно, и при этом стараются поступать по примеру Иисуса Христа.
Обратили ли вы внимание, читая эту главу, какое преиму-щество имеем мы как участники в деле Божьем? Видя результаты служения этих простых молодых людей, невольно думаешь, что стоит отдать свою жизнь для того, чтобы раскрыть перед ними весь план спасения Божьего. Для меня это огромная радость.
Во время отпуска я познакомилась с одной дамой, которая призналась:
- Меня не интересует ничего, кроме моего дома и огорода.
В этом вся моя жизнь.
Я подумала: "какая она бедная, хотя у неё большой, доб-ротный дом, а у меня - всего лишь хижина в диких горах. Но в духе я увидела счастливые лица лису в нашей классной комнате,
вспомнила годы обучения и общения с ними, представила, как равнодушные лица вдруг озаряются радостью спасения, и моё сердце громко воскликнуло: "Какое расточительство!" Потерять жизнь и растратить энергию ради деревянного дома и грязного огорода, когда устройство Божьего духовного дома нуждается в живых камнях, а Его огород засажен растениями, имеющими вечное назначение и нуждающимися в особой заботе.
Америка, моя земная родина, полна людей, большинство ко-торых является лишь посетителями церквей, и весь смысл их жизни в материальных благах. Когда та дама умрёт, ей придётся оставить дом и огород, всё, что, по её словам, означает для неё жизнь. Когда я умру, то знаю, что снова увижу свои "живые камни" и "мои доро-гие растения", с которыми вечно буду связана в небесах.
Для человека в день последний Земное - прах, земное - дым... Блажен имеющий наследье Не в мире тленья, а над ним.

Глава восьмая
Вор, вернувший краденое

Кто крал, вперёд не кради Ефесянам 4,28
Ты создан Мною для неба,
Творец и Спаситель - Я,
И если не можешь без хлеба,
Тем более без Меня.
Покаяться - значит к счастью
Дорогу из мрака найти,
Я буду твоею частью,
Лишь в сердце Меня впусти.
В грехах Я тебя принимаю
И щедро благословлю
Ты мыслишь: прощу ли? - Прощаю!
Прощаю, ибо люблю.
Воскресенье. Главное богослужение закончилось, и я спе-шила к "Дому благодати", за свой стол с медикаментами - лису не боятся преодолевать большие расстояния, чтобы принять участие в воскресном богослужении, а потом купить лекарства для'больных. Выдавая таблетки и мази, я заметила, что Лука и незнакомый молодой человек стоят поодаль и ждут момента, чтобы поговорить со мной. Наконец и последний желающий получил лекарство. Я подошла к ним.
- Мапа, мама, этот молодой человек хочет признаться вам в своих грехах,объяснил наш Лука. Потом он обратился к молодому человеку и сказал: - Начинай.
Молодой человек был непривлекательным на вид. Его взъе-рошенные волосы и жалкий взгляд придавали ему сходство с побитой собакой. Низким хриплым голосом он начал:
- Мапа, мама, я согрешил перед вами. Во второе Рождест-во, которое вы здесь

проводили, я пришёл, чтобы посмотреть на праздник. Но тогда я не был ещё возрождён.
Говорить дальше ему было трудно, но он вдруг выпрямился и решительно продолжал:
- Я заметил на одной стене красивый мешок и украл его. Но теперь я хочу стать христианином и действительно возрож-денным. Ещё один раз я вас обманул. Однажды вы дали мне лекарство, и вместо того, чтобы вернуть вам бутылку, я продал её, а деньги оставил себе. Вот сумма, которую я тогда получил. Потом я заплачу и за мешок, когдв у меня будут деньги,- пе-чально закончил он.
Дрожащими руками он положил мне в руку полдоллара.
- Дорогой друг,- сказали мы,- нас радует, что Дух Свя-той действует в твоём сердце. Если ты хочешь следовать за Гос-подом Иисусом, то хорошо, что ты приводишь свою прежнюю жизнь в порядок, насколько это возможно. Поэтому мы принима-ем твои деньги. Но это так называемые "деньги совести". Их мы не оставляем себе. Мы учим вас каяться не для того, чтобы полу-чить свои вещи назад.
Мы отдали эти деньги Луке и добавили:
- Это принадлежит церкви лису. Мы надеемся, что ты бу-дешь изучать Слово Божье, чтобы утвердиться во внутреннем человеке. Где ты живёшь?
- В деревне Могила белки,- ответил Лука вместо него,- там, с той стороны реки,показал
он пальцем через дверь на запад.
- Ну, хорошо, позаботься о нём. Лука, и в дальнейшем,- предложили мы, потому что в воскресенье многие посетители церкви нуждались в нашем совете и нам недоставало времени долго разговаривать с каждым. Позже мы назвали этого молодого человека Гад.
Через несколько недель я, к своей радости и удивлению, ус-лышала, что Гад вместе с Ионой отправился в путешествие с проповедью Евангелия. Иона нуждался в попутчике, и раскаяв-шийся воришка предложил ему свои услуги. Иона же обучал его чтению и письму. Гад нёс мешок Ионы и помогал ему, чем мог, а в свободное время они вместе увлечённо читали Библию.
Как уже было упомянуто, каждый год в апреле перед нача-лом библейской школы мы собираем учеников на одну неделю
для изучения Слова Божьего и чтобы выслушать сообщения о их работе. Иона прибыл опять в сопровождении Гада. Как всегда стесняясь. Гад просил разрешить ему посещать занятия. Каза-лось, что до него всё доходило очень медленно, и если бы не его усердие, я оставила бы его как безнадёжного ученика. Как начи-нающий, он не успевал писать себе конспекты, но после урока, когда все ученики бежали на поле для спортивных игр. Гад оста-вался в классе, чтобы списать с доски всё необходимое. Однажды я сделала ему замечание:
- Гад, это время для отдыха, ты бы должен вместе с дру-гими быть на игровом поле. Ты переутомишь себя, если часами будешь писать!
Он умоляюще посмотрел на меня:
- Мама, разреши мне, пожалуйста, дописать. Ты же зна-ешь, как медленно я пишу, потому что я новичок.
Я не смогла больше упрекать его. Слишком редко встреча-ется готовность к тяжёлому делу изучения Библии. Я не стала ему мешать и позволила списывать дальше, пока наступающие сумер-ки не заставили его покинуть класс.
Во всех наших библейских школах и даже на коротких кур-сах мы стараемся выделить час для упражнения в проповеди (конечно, гомилетикой это не назовёшь). Мы с мужем не забыли первую попытку Гада проповедовать. Он ещё был духовным младенцем и действительно не мог сказать много. К тому же он так растерялся, что позабыл всё на свете. Но всем нужно когда-то начинать. Поэтому мы не могли освободить его от проповеди, на что он надеялся.
- Мы всё знаем, что ты, молодой христианин и ещё не ус-пел многому научиться, но
всё-таки попробуй сказать.
С несчастным выражением лица Гад встал и низким хрип-лым голосом начал свою проповедь. Последовал ряд скучных и ничего не значащих предложений. Как все начинающие, он пытался вспомнить то, что в последний раз проповедовал его учи-тель-лису, и по возможности верно передать. Но всё было непо-нятно и бессвязно. Но зато лицо его преображалось, когда он смотрел на нас и проникновенно говорил: "Нам нельзя грешить. Нам действительно нельзя грешить". Тогда лицо его словно оза-рялось небесным светом. В следующий момент он вдруг испугал-ся пустоты своих мыслей, разочарованно попытался вспомнить,

что хотел сказать ещё. Но ничего не приходило ему на память, кроме того факта, в
котором он был внутренне убеждён: "Нам нельзя грешить. Нам действительно нельзя грешить".
Снова он повторил эти слова с тем же выражением на лице. Это воспринималось всё же как проповедь. По крайней мере он смог хотя бы одну личную мысль запечатлеть в наших сердцах.
Наш комментарий: Гад понял очень важную истину, что грех разделяет нас с Богом. Если человек ищет общения с Богом, он должен сначала порвать связь с грехом. Гад, может быть, не смог это так выразить, но мы все поняли эту важную истину, не правда ли? Поэтому его первая попытка сказать проповедь совсем не означает неудачу. Научитесь этому: самой сильной Божь-ей вестью в наших устах будет та, которая исходит из нашего личного опыта. Гад сам пережил, что значит грех и каковы его последствия, и со всей серьёзностью старается предупредить других. Это послужило для нас благословением. Ведь всегда так будет: то, что стало для нашего сердца благословением, мы по-стараемся передать другим".
Гад покраснел от радости, потому что ожидал худшего и, я думаю, другие тоже. Поэтому всем было приятно услышать та-кую критику.
В конце недели, когда мы решали, куда послать евангели-стов до начала следующей библейской школы, Юниа первым попросил:
- Мама, можно Гаду пойти со мной? Он очень хочет.
Я повернулась к Гаду. Возможно ли, чтобы человек, только недавно оставивший грех, имел тайную надежду стать проповед-ником Евангелия? Хотя он не решался это высказать, но в сердце своём хранил это желание. В конце недели оба ученика, счастли-вые, отправились в путь.
Июльское сообщение 1939 года рассказывает об этом:
"Сразу после обеда явились Юниа и Гад. Гад заболел паро-титом (свинкой). Они направлялись в деревню Могила белки наставлять новых верующих. Гад выглядел очень комично с сильно опухшей шеей, однако и не думал оставлять работу, пока ещё мог говорить. Он не имел понятия о том, что эта болезнь заразная, пока мы не
сказали ему. Могила белки - его родина, и там он хотел свидетельствовать о своём Господе. Он научился
читать и писать и теперь собирался научить и других. Это было характерно для Гада".
Несколько недель спустя:
"Тит, Иона, Гад и Юниа вернулись в последнюю субботу, и теперь они очень заняты строительством школьного помещения. Последний год мы занимались в задней части церкви, но это было очень неудобно. Поэтому в этом году мы строим школьные поме-щения или, вернее, помещение для библейской школы из бамбука".
Позже: "В этом году мы имеем совсем новый дом с сидя-чими местами для тридцати учеников. И они все заняты. Как хорошо, когда можно свободно переходить от одного ученика к другому и контролировать их работу. В прошлом году это было невозможно. Наш библейский школьный дом называется <Хефциба>. Я думаю, что он самый бедный и маленький в мире. Стены и крыша сделаны из бамбука, а вместо пола земля. Окна не нужны, так как бамбуковые маты не достают до пола. Двери тоже нет, зато всегда свежо и прохладно. Так называемая кафедра состоит из грубых неструганных досок, которые держатся на трёх вбитых в землю ветках (чтобы не качались). Я люблю этот домик. Его бедность меня нисколько не смущает, но наоборот, в послед-ние месяцы я благодарю Бога за право служить бедным. Если бы жизнь их не была так примитивна и безрадостна, так трудна и безынтересна, то Иисус и Его свидетели не значили бы так много для них.
А теперь оставим Гада, который всё более отдавался своему призванию, и проследим события, которые произвели сильное впечатление на всех нас и на Гада тоже. Вернёмся к концу нашей первой библейской школы и пона-блюдаем, как Бог сразу же употребил изучение Его Слова не только для спасения племени лису, но и для того, чтобы охватить Евангельской вестью и другие районы, где ещё не было известно Его имя.
На расстоянии двухнедельного пути на восток (через чер-ную цепь Меконга и море) в далёком ущелье Янгсте Кианг про-живает одно большое малоизвестное племя, которое мы называем ионгпе. О нём повествует сообщение 1939 года:
"Недавно от одного миссионера, живущего севернее Тали, пришло письмо с просьбой прислать евангелистов. В соседних районах с лису живут племена, ещё не слышавшие о Боге. Но они

непременно примут весть спасения, если им только рассказать на их языке. Он хочет начать там работу. Наш дорогой-руководитель Фразер писал нам в одном из своих последних писем, что надеет-ся, что церковь лису не оставит без внимания просьбу другой миссии и исполнит её. Эту просьбу, как завещание того, кто ушёл на небо, мы передали церкви. Церковь в ответ выделила Аристар-ха и ещё одного молодого христианина Секунда на это служение. Мы хотели, чтобы в июне их отправили назад, чтобы они могли продолжить обучение в библейской школе".
Следующее сообщение содержит письмо этих двух еванге-листов. Двенадцать дней им пришлось провести в дороге, чтобы добраться до нового поля работы. Из первого письма Аристарха:
"Часто мы шли до поздней ночи и отправлялись в путь с первым криком петуха. Часто уставали и мерзли. Ещё немножко, и мой попутчик заплакал бы. В эти дни многих мужчин заставля-ли вступать в армию. Однажды в пути мы встретили одного офи-цера, который сказал, что мы должны стать солдатами. Мы отве-тили, что не хотим служить в армии, потому что направляемся в район Лихианг, где живёт пастор. Но офицеры не унимались. Господь не позволил им применить физическую силу, и беско-нечная благодарность Ему за это. Это же маленькое переживание не достойно того, чтобы воспринять его как страдание.
Писал христианин Аристарх".
Апрель 1939 года принёс нам следующую весть о них:
"Ионгпе.
Христианам церкви Дубовой равнины.
Аристарх и Секунд письменно приветствуют всех христиан церкви Дубовой равнины, которых мы любим и желаем видеть, приветствием Триединого: Отца, Сына и Святого Духа. Все ли вы здоровы, сильны, миролюбивы, покоитесь в Господе Иисусе? Нам очень хочется об этом знать, и мы благодарим всех братьев за молитвы о нас.
Пройдя район Дубовой равнины, мы пришли к япи-базару, где ещё встречались хижины лису. Дальше, в другом большом районе, их уже не было видно. Через восемь дней после прибытия в Лихианг мы с миссионером и двумя местными евангелистами отправились в путь евангелизировать соседние селения. Без вся-ких приключений мы
за три дня добрались до Ионгпе. Господу благодарность за это. Нужно было преодолеть высокий горный
хребет. Ионгпе большой город, как Паушан, с большим рынком. Население в нём - китайцы. В городе есть прокажённые.
Ещё никто не проповедовал здесь о Христе. Нам жалко этих жителей. Миссионер арендовал один дом для богослужения. Вечером 20 января впервые проповедовалось Евангелие. Моли-тесь об этих китайцах.
В базарные дни сюда приходит очень много лису. Их де-ревни лежат на расстоянии в
полдня пути от китайского города. Так много различных лису, что почти невозможно их всех опи-сать, но они похожи на мужчин и женщин из Луду. Многие по-нимают покитайски.
Братья из церкви Дубовой равнины и из всех деревень, непрестанно
молитесь об этих лису в Ионгпе.
2 февраля мы с моим попутчиком Секундом посетили де-ревни, где живут эти лису. Мы шли из селения в селение и проповедовали Евангелие. Люди говорили: <Мы ещё никогда не слышали эту историю и никогда не видели книги на своём языке>. Пожалуйста, молитесь о нас. Примерно третья часть слов здесь отличается от наших. Будьте добры, молитесь о нас, пока мы в этой стране, чтобы нам жить в духе и сеять Божье Слово. Ещё надо мне упомянуть о деньгах. Им знакомы наши деньги. Торговля опиумом запрещена. Нарушение этого закона карается смертной казнью. Больше тысячи мужчин из этого района были взяты в армию и никогда больше не вернулись. Как там в нашей деревне?
У меня ещё есть сообщение, с которым я хочу вас, мои хри-стианские братья, познакомить. В районе Ионгпе живёт племя лоло, примерно 100 000 человек. Они живут как дикари: воруют и грабят постоянно. И не только это. Если они на дороге встречают мужчин или женщин, то нападают на них и уводят в рабство в свою страну. Ни один китайский служащий не решается их нака-зать. Молитесь, чтобы эти люди оставили грабёж и чтобы их сердца стали мягкими. Пожалуйста, молитесь и о нас постоянно. Вот и всё, что мы хотели вам рассказать. Мы здоровы и сильны в Господе. Господу благодарность.
Написал это письмо Аристарх".
Я была очень обрадована последним сообщением, потому что они, без сомнения,

проникли в запретную землю: в племя лоло, которое китайцы никогда не могли себе подчинить. О нём в нашей миссии молились ещё до того, как я попала в Китай.
К наступлению дождей наши братья не вернулись для заня-тий в библейской школе, как было решено. Андревс, миссионер в Ионгпе, писал нам о том, что Аристарха и Секунда снова и снова просили остаться у них учителями. Они разделились, чтобы удовлетворить все запросы, но поступали всё новые и новые просьбы. Они просто не могли оставить работу. Не было того, кто бы мог их подменить. Всё, что они до
сих пор могли сделать в отдельных деревнях, это рассказать о пути .спасения, научить простой молитве и, может быть, одному гимну. И вновь они отправлялись дальше, чтобы научить этому и других. Как они стремились к тому, чтобы церковь была основана на истине! Они не сомневались, что сатана обрушит на молодых верующих свой ураган с огромной высоты. И если они недостаточно научены, то как им найти расселину в скале для укрытия, как противостать испытанию?
Нам не оставалось ничего другого, как дать своё согласие, чтобы Аристарх и Секунд оставались в Ионгпе, пока другие не заменят их.
Андревс посетил маленькую новую церковь и писал, как благословенно он провёл время с начинающими верующими. "Они искали везде в горах своих идолов, чтобы уничтожить их,- сообщает он.-Примерно тридцать пять семей разрушили свои жертвенники демонам. Это означает, что примерно двести чело-век приняли Иисуса Христа как своего Спасителя. Приятно было видеть их на собрании и слышать их пение. Когда я увидел у одного лису тетрадь с катехизисом, я попросил его прочитать что-нибудь. Он это сделал с такой радостью, что я прослезился, пока слушал. Лоло тоже просили евангелистов прийти в их де-ревни и научить их".
Так началась там духовная работа. Надеемся, что лису будут евангелизировать и другие племена. Белый миссионер не всегда сможет оставаться в Китае. Поэтому нужно воспитать поместную церковь так, чтобы она сама евангелизировала в своей стране.
А теперь вернёмся назад, в Ионгпе. Первым из этих тридца-ти пяти семей уверовал служащий Хиу Те-тси со своими домаш-ними. Он был одним из тех немногих, сердца которых были гото-вы к восприятию Слова Божьего. Насколько я помню, оба евангелиста чувствовали себя одинокими и подавленными. Слу-чайно встретился им один человек, который с радостью принял их весть, пригласил их в свой дом и подробно расспрашивал. Он
сразу отдался Христу и рассказывал Аристарху, что уже давно искал истину. Он тут же освободил свой дом от идолов и досок с родословной. Хиу Те-тси написал нам свидетельство на китай-ском языке. К сожалению, это письмо не сохранилось. Но было ещё письмо. Выписка из сообщения приводит его:
"Будет обилие хлеба... на верху гор" (Пс. 71,16).
При наступлении сумерек, когда дневные дела были уже сделаны, я отправилась по тропе, вьющейся в зелёных зарослях, к хребту Заход солнца, что на берегу Салуина. Как я люблю там отдыхать! Когда-то этот горный хребет выглядел молодым, те-перь он стареет, и я тоже старею. Его форму изменили деревья и кустарники. Но
это прекрасное место для уединения, которое всегда настраивает душу на молитвенное общение с Богом. Сидя на своём любимом месте, сером камне, я любуюсь устремлёнными ввысь зубчатыми вершинами на противоположном берегу. Сумерки, как тёмно-синее покрывало, окаймлённое белыми обла-ками, постепенно скрывают горы. Вершины одна за другой сли-ваются с синевой неба и теряются в наступающей темноте. Появ-ляется чувство, что небо и Творец Вселенной, а также сонм всех святых, ушедших туда, находятся прямо над тобой, и почти ре-ально ощущаешь их близость.
В эти минуты я излагаю перед Богом все трудности дня и прошу, чтобы Он Своей любящей рукой помог мне. Я прошу Его сказать что-нибудь моему сердцу. И часто, очень часто Он в безграничной любви открывает мне Своё Слово. И всегда самое нужное в тот момент. В тот вечер Он указал мне на Псалом 71,16:
"Будет обилие хлеба... на верху гор; плоды его будут волноваться, как лес на Ливане..."
"Обилие хлеба" - подходящее сравнение для нашей маленькой группы учеников, которые, мы надеемся, умрут для себя, как семя, упавшее в землю, чтобы принести Господу другую жатву.
Но какое отношение это имеет к служащему из Ионгпе, уве-ровавшему через свидетельство Аристарха? Следующее письмо оттуда принесло нам новость, что этот "первый плод" окончил своё земное странствование и теперь находится у Господа.

Размышляя в вечерних сумерках об ушедшем домой, за ту черту, которая нас, земных людей, разлучает с ближними, я вспомнила одно последнее желание Фразера: "Нам нужно попробовать послать одного вестника
Христа в район Ионгпе". А теперь он и этот новообращённый пожали друг другу руки. Разве это не чудесно?
И мы не так уж далеко от них, не правда ли? Ведь никто не знает, когда придёт его черёд уйти на небо. Письмо того новооб-ращенного звучит как прощальный привет спасённой души.
"Церкви в Дубовой равнине. 20 мая 1932 года.
Оба учителя, которых вы послали в Ионгпе, Аристарх и Се-кунд, находятся в деревне Жа-па, где проповедуют Божий путь спасения. Мы очень любим друг друга. Имеем мир в Иисусе Христе.
Они оба ревностно трудятся для Бога, помогли нам освободиться от суеверия и встать на этот путь спасения, чтобы нам идти по нему. Сорок семей возложили своё упование на Иисуса, и более двухсот мужчин и женщин изучают книги. Но есть ещё несколько тысяч человек, которые не верят в Иисуса Христа. Все эти неверующие в руках сатаны; пожалуйста, молитесь о них Богу.
Для нас большая радость знать, что все мы в руках Божьих. (Нам сказали, что Хиу Те-тси умер с этими словами на устах.) Я благодарю Бога и вас.
Мне очень хочется, чтобы самое важное из этого письма вы рассказали вашей церкви, а именно: Аристарх и Секунд скоро вернутся домой. Прошло всего несколько месяцев, как мы избави-лись от власти сатаны, и мы не знаем никого из Ионгпе, кто бы мог читать на языке лису, а мы не можем больше жить без этих книг. Мы благодарны вам, что вы возлюбили нас и привели нас к вере. Хиу Те-тси".
Следующее письмо от Аристарха сообщает об отшествии господина Хиу Те-тси:
"Среди уверовавших братьев есть лису, а большинство - лоло. Всех вместе примерно двести пятьдесят человек. Сейчас они строят новую часовню. Они уже построили две часовни. Господу благодарность за это.
Вскоре после того, как они уверовали, ушёл в вечность слу-жащий лису Хиу Те-тси. Однако верующие не были печальны. Вообще это было нашим долгом - утешить их сердца Словом Божьим, но некоторые утешали нас, говоря: <Не печальтесь>. Это было для нас свидетельством их веры, за что мы благодарим Бога.
Я ещё должен кое-что упомянуть. Верующие здесь встреча-ли трудности и искушения, приходящие через людей, которые были в подчинении у дьявола. Район, в котором мы
с Секундом работаем, граничит с другим районом, управляемым Сцехуаном. Там есть банды разбойников, постоянно ворующие людей. Семь лет назад семьсот диких лоло пришли из запретного района в эту деревню, сожгли дома, угнали скот и увели много молодых муж-чин и женщин".
Конечно, мы не потребовали, чтобы Аристарх и Секунд вернулись, хотя нам не хотелось оставлять их на служении без дальнейшего изучения Библии и без наставлений опытного учи-теля. Поэтому во время библейской школы в 1939 году мы подыскали двух учителей, которых можно было бы послать на сме-ну Аристарху и Секунду.
Сообщение 1939 года опять подробно описывает каждого уче-ника в отдельности. Чтобы не утомить читателя повторением, мы упомянём лишь тех, чьи имена встречаются в этом повествовании.
"Вот сидит молодой человек с таким мрачным видом, будто он собирается убить тебя в следующий момент. Но не бойтесь, это наш бедный Гад, который прилагает большие усилия, чтобы сосредоточиться. Он напоминает нам Аристарха своей непривле-кательной внешностью. Учёба даётся Гаду с трудом, соображает он совсем медленно, но у него есть искреннее желание делать всё, что от него требуется. Я надеюсь, что, узнав историю Гада, неко-торые из вас полюбят его и в будущем будут молиться о нём.
Скамейка для женщин находится сзади, рядом с дверью, возле Гада. Он не из тех мужчин, кто мог бы понравиться девуш-кам. Хомай, Дорка, Рода, Элизабет и другие приходят на уроки, только когда имеют такую возможность, поэтому госпожа Янг и носу-Мария - единственные постоянные посетительницы".
Из учеников библейской школы 1939 года сформировался благословенный класс. Я цитирую из сообщений об окончании школы:
"Так получилось, что главной мыслью библейской школы в прошлом году стала тема <Возрождение>, а в этом, опять-таки непроизвольно - <Единство со Христом>, единство с Ним в Его смерти и в Его воскресении. Мы слышали много свидетельств от наших учеников о большом благословении, полученном через эти уроки. Я слушала

их с глубокой благодарностью в сердце, но без особого вдохновения, потому что уверена в том, что говорить об этом в классной комнате и пережить это на примере своего слу-жения - разные вещи. Говорить о библейских истинах легче, чем применять их на деле. После урока, на котором мы рассужда-ли над 8-й главой Послания к Римлянам, Андреас сказал:
- Мама, есть ли сегодня ещё люди, которые всю свою жизнь живут по плоти?
Благословенная невинность! Да будет в твоей жизни всегда так: познал какуюнибудь истину - сразу же практически примени её. Но чтобы жить в таком единстве со Христом, необходимы страдания; это не лёгкий путь - умереть для себя и жить для Бога. Я молюсь об учениках, чтобы сложные обстоятельства жизни они воспринимали как возможность умереть для себя. Я сама получила большое благословение через письмо от нашего почтенного Френ-сиса Броока: <Умереть для себя - блаженное состояние. Люди, отказавшиеся от себя ради Господа, распространяют благоухание Христа. Отказаться от своих намерений означает принять силу, отказаться от своих планов значит приобрести жизнь, и отказаться от своего времени значит вступить в бессмертие. Пшеничное зерно даст росток, если упадёт в землю и умрёт>.
Когда я слушала проповеди при окончании школы, то не-вольно думала о том, как нужно нам благодарить нашего Господа. Все ученики выдержали экзамен. Новичок, Леви и госпожа Янг не принимали участия в письменном экзамене и не получили аттестат, но из остальных двадцати десять получили довольно высокую оценку. Никто в этом году особенно не отличился, но некоторые моменты свидетельствовали о действительном успехе.
Например, среди учеников не было таких разногласий, чтобы нам пришлось кого-то примирять. На прошлых курсах это про-изошло три раза. Не было неприятностей изза плохого поведения. Лишь один раз Руфус вспылил на игровом поле. У многих мы заметили стабильный рост внутреннего человека. Это нас осчаст-ливило. Особенно я хочу упомянуть Гада, Эфраима, Паде-Иоанна, Даниила и А-хе. Они очень радовали наши сердца. В течение лета А-хе привёл одну женщину к Господу. Рассказывая нам позже об этом, она сказала: <Этот молодой человек имеет любовь к другим>. Такие случаи, как этот, показывают нам, что изучение Слова Божь-его не напрасно. Мы славим нашего Господа за многие благосло-венные евангелизационные походы, которые проводились в конце каждой недели, причём часто идти приходилось в плохую погоду, что было очень опасно. Никто из учеников не пострадал, хотя горных обвалов было больше, чем обычно".
Видите, как Бог услышал ваши молитвы? Стоит упомянуть и другое - как чудесно Господь заботится о наших нуждах. Мне на самом деле кажется, что в этом году пастыри обеспечены лучше, чем само стадо.
Я надеюсь, что в перечне неожиданных радостей вы обра-тили внимание на короткое упоминание о Гаде. Мы решали, как распределить на будущий год поле деятельности для каждого евангелиста в отдельности. И конечно, мысль об Аристархе и Секунде и их новообращённых нас особенно волновала.
Мой муж предложил послать в Ионгпе высокого, симпа-тичного, умного Луда-Петра, который в этом году был самым лучшим.
- Он собирается в этом году жениться. Я не думаю, что он захочет, чтобы его послали в такую даль,- заметила я.
- Да это американское мышление, лису так не думают,- ответил мой муж немного нетерпеливо,- я не думаю, что он испугается этого. Каждый из наших учеников был бы рад этому предложению. А кого ты хочешь предложить для этой работы?
- Я думала о Данииле и Гаде.
- Гад? Подумай, ведь он только начинающий! О чём ты говоришь? Я думаю, мы должны послать на эту ответственную работу нашего "самого лучшего". Ты ведь знаешь, что последнее желание Фразера перед смертью - откликнуться на этот зов о помощи и обратить внимание на тот район. Гад! Гм...- и он слегка недовольный отвернулся.
Но я наблюдала за бывшим вором и видела, как много он работал и как пытался жить безукоризненно. Именно жизнь, а не громкие слова, является самым сильным свидетельством. Жизнь Гада произвела на меня лучшее впечатление, чем жизнь Петра.
На следующий день мой муж, улыбаясь, сказал:
- Похоже, что ты в "этот раз победишь, Белла! Я вчера предложил Петру Ионгпе. Его лицо помрачнело, и он медленно мне ответил: "Если это воля Божья, то я,

конечно, пойду", но его лицо сказало мне всё.
Даниил же счастлив от этого предложения. А теперь я хочу позвать Гада и спросить.
Гад робко зашёл, глядя то на меня, то на мужа.
- Тебе не нужно бояться. Гад,- приветливо сказал Джон,- ты не сделал ничего плохого. Мы позвали тебя, чтобы спросить, не хочешь ли ты пойти с Даниилом на год в Ионгпе?
Он мгновенно выпрямился, будто нажали на электрическую кнопку, и с сияющим лицом воскликнул:
- О, я очень хочу!
Но когда он входил, я заметила, что он хромает. Обследо-вав его ногу, я обнаружила нарывы от колена до лодыжки.
- Гад, как ты пойдёшь с такой ногой? Знаешь ли ты, что до Ионгпе тебе нужно идти двенадцать дней по плохим горным тропам?
- Ничего,- сказал он, глядя на свою ногу,- она скоро заживёт. Мы ведь не должны идти прямо сейчас?
Он испуганно и вопросительно посмотрел на меня.
- О нет, Иов должен пойти с вами, а в этом месяце он не может.
- Ну, к тому времени я выздоровею,- ответил он с боль-шим облегчением,- я очень благодарен вам.
И он, осчастливленный нашим предложением, пошёл, при-храмывая, чтобы рассказать друзьям добрую весть. Сообщение содержит лишь маленькую запись о начале этого служения:
"Даниил и Гад продолжат работу вместо Аристарха и Секунда в Ионгпе. Иов проводит их туда, потому что им нужно идти через китайский район, а никто из них не владеет достаточно хо-рошо китайским языком. Иов останется там на месяц, чтобы обу-чать молодых верующих, потом возвратится на своё место в Луду.
В прекрасный осенний день эти трое отправились в далёкий район, где им придётся работать среди разных племён.
"Идите, научите все народы",- сказал Иисус.
К сожалению, у меня нет копий корреспонденции того года, года тяжёлой планомерной работы. Не жалея сил, ходили они по горам, обучая то тут, то там маленькие группы интересующихся, или искали возможность евангелизировать другие языческие деревни. Никто не поощрял и не утешал их рукоплесканиями или похвалой в этом тяжёлом труде. Они должны были привыкнуть к новому диалекту, новой пище и
новым обычаям - и это всё без всякой человеческой помощи, кроме той, которую они могли оказать друг другу. Поле работы было так велико, что им часто приходилось разлучаться, чтобы удовлетворить запросы всех желающих. А мы, мы были так заняты нашей обширной про-граммой, что не писали им так часто, как хотели бы это делать и как они этого заслуживали.
А теперь возвратимся к майскому сообщению 1940 года.
"Гад и Даниил благополучно вернулись из Ионгпе. Они принесли новость, что более ста душ приобретены для Христа. Один из новообращённых пришёл для изучения Библии - это наш ионгпе Яков. Примерно шестьсот лису обратились ко Хри-сту, разве это не чудесно? Но при всей радости нельзя забывать, что это массовое движение. Когда-нибудь Бог начнёт сортиро-вать. Но не будем бояться этого, потому что и в массовом обращении не всё мякина.
В библейскую школу 1940 года пришли ученики из трёх различных племён: лису, носу, два лоло и китайцы. Гад привёл одного из последних двух названных. Им всем предстояло изу-чать Библию на языке лису. Но сначала надо было научиться языку лису. В разных племенах говорят по-разному.
Из Ионгпе пришли трое: Иоанн, Пётр и Яков. О двух пер-вых уже упоминалось раньше, остаётся описать лишь Якова. Он был одним из последних обратившихся и лишь девять месяцев Д назад был вырван из язычества. Читал он хорошо, но в письме ещё сильно отставал. Ему было всего двадцать лет. Его малень-кий рот со слегка выпяченными губами напоминал бутон розы, и эта деталь его внешности както сразу обращала на себя внимание. Во время первой недели Яков напряжённо морщил лоб, вникая в учение. Когда к нему обращались с вопросом, он сильно пугался. Бедный мальчик! Но как приятно было видеть, как вы-ражение озабоченности на его лице постепенно сменялось радо- Я стной улыбкой. Он сидел рядом с Лукой, которому было поруче-но заботиться о нём.
Гад оставался всё лето у нас. Самостоятельная евангелизационная работа вдали от

родины принесла ему пользу, и каждый
мог заметить, что унылое выражение почти совсем исчезло с его лица. Когда подходила его очередь сказать маленькую проповедь, у него всегда было что сказать, хотя он никогда не был выдающимся проповедником.
В конце библейской школы опять распределяли евангели-стов на годовую работу. Гаду выпала честь взять собственное
рабочее поле под наблюдение. До сих пор он был евангелистом-помощником, а теперь вся ответственность за работу легла на его плечи. Он был послан в ХойлбаумДисткрит,
расположенный примерно на расстоянии четырёх дней пути на юг. Это
большой район, населённый племенами жана, лоло, лису. Обычно мы посылаем евангелистов по двое, но в этот раз не хватало людей, чтобы обеспечить учителями всех желающих. Как мы и ожидали, Гад был счастлив взять на себя тяжёлую работу.
- Не переживайте,- сказал он, улыбаясь,- всё будет хорошо.
Мы знали, что он добрый воин Иисуса Христа, не отсту-пающий перед трудностями, и
поэтому спокойно отпустили его.
Гад ожидал, что со временем у него появятся помощники, и мы надеялись, что Бог подарит их ему, как только он приживётся на новом месте. И всё же, мы понимали, как нелегко ему быть так далеко от дома, и особенно заботились о нём.
В ту зиму мы планировали посетить нашу маленькую дочь в Шефоо. Так как путь наш лежал через Мухенгпо, мы решили провести там краткие библейские курсы. Они не проводились с тех пор, как там появился Новый Завет, за исключением школы в Лонгшуи, проводимой Петерсоном и супругами Кране.
Это были хорошие курсы, возбудившие в сердцах жажду к изучению Слова Божьего, хотя мы могли им посвятить всего три дня. Пришли примерно сто человек из всех деревень и хуторов этого района. Одним из лучших был Клаудиус-лису с хорошим китайским начальным образованием. Он посвятил себя на служе-ние в винограднике Господнем. Мы сразу же рассказали ему о работе Гада без помощника и послали его в район Холбаум. Ни-кто и не представлял себе, как сильно Гад нуждался в нём.
Рождество в "Божьей стране"
Холодным декабрьским утром мы покинули маленькую тем-ную хижину лоло, в которой провели ночь. Ещё до восхода солнца мы перебирались на своих мулах через высокий горный хребет, надеясь в этот же день добраться до своего дома. Сердца наши наполнились радостью, когда по ту сторону ущелья на высоких горных вершинах заискрились первые золотистые лучи, согревая серые скалы и бросая причудливые тени на покрытые лесом горные склоны. Наш путь пролегал через высокую горную вершину, бар-хатные склоны которой круто спускались вниз, к Салуину, протекающему по дну ущелья примерно в ста метрах под нами. Куда ни глянь, всюду радовала глаз никем не тронутая умиротворяющая красота Божьего творения. Я глубоко вдохнула чистый горный воздух и подумала: "опять в стране лису. Теперь у
меня есть воз-можность написать сообщение. Совесть моя была неспокойна, потому что последний месяц во время пребывания в Китае я ничего не сообщала. Шумная, беспокойная городская жизнь со многими конференциями и посещениями заставила меня отложить перо. У нас были благословенные часы, но недоставало времени и тишины обдумать всё и записать. Во время езды верхом в это раннее утро я поняла, что имел ввиду пленный израильтянин древнего времени, когда воскликнул: "Как нам петь песнь Господню на земле чужой?" (Пс. 136,4). Возвратившись в страну своего назначения, я испыты-вала сильное желание поговорить о Господе и Его истинах с теми, кто молитвенно поддерживал меня.
Мы планировали провести Рождество со своей маленькой дочерью на побережье, но война спутала наши планы. Хотя мы очень скучали по своей маленькой дочери, но доверились любви и мудрости Божьей, которые не разочаровывали нас никогда. Итак, мы возвратились, чтобы провести праздник с нашими деть-ми лису. Их любовь и радушие утешили нас. Бог был всегда так добр к нам. Чарлз Петерсон прибыл за день или два до нас. Отре-монтировал дом, достал нашу мебель, подушки, хорошие покры-вала и другие вещи, привезённые из отпуска, и убрал в наших комнатах. Единственным местом, не подготовленным к нашей встрече, осталось его жилище. Правда, мы привезли с собой для него и для всех большой "подарок" - Орфилле Карлсон.
Но нас ждала печальная новость. Кто-то однажды сказал:
"Радость и печаль неотделимы друг от друга". В Рождественский вечер, когда гости из деревни Лошадиное пастбище и из Холбаумдорфа ждали, чтобы торжественно войти

в ворота, я всё время искала глазами Гада. Я заметила Клаудиуса и надеялась, что Гад идёт следом за ним, но его не было. После приветствия я спросила, где Гад, и узнала, что он отошёл к Господу в начале декабря. (По всей вероятности, как я позже поняла, от перемежающейся лихо-радки). Эта новость всех нас потрясла. Тот момент, наверное, навсегда останется в моём сердце. Гад был первый умерший из наших учеников библейской школы, и мы после празднования Рождества провели богослужение в его память. Орфилле Карлсон должен был говорить через переводчика; и это было хорошо, потому что два брата Гада находились среди гостей. Один пришёл увидеться с Гадом, потому что был больше года в разлуке с ним. Весть о смерти брата сначала вызвала у него протест против Божьей воли. Но Орфилле однажды сам прошёл через ту же скорбь. Точно так же он шёл в Юньнань в предвкушении радостной встречи, надеясь сде-лать своему любимому брату сюрприз. И так же был он сражён новостью, что его брат в Луде отошёл в вечность: В то время как Орфилле трогательно рассказывал о своей печали, о своих вопросах к Богу и о том, как Господь его утешил и с любовью заботился о нём, многие слушатели прослезились. Я уверена, что и братья Гада получили ответ на свои "почему".

После Орфилле Карлсона одноклассники и сотрудники Гада коротко свидетельствовали о его делах и жизни, служивших им благословением. Кое-что из этого уже упоминалось в этой главе:

признание в воровстве мешка для .книг и возвращение денег. С этого началась новая жизнь Гада. Вспомнили о его самоотвержен-ной работе в Ионгпе. Почти все говорили о том, с какой серьёзно-стью и ответственностью он относился к порученной работе.

Клаудиус был с Гадом, когда он умирал. Он рассказывал:

- Гад знал о том, что скоро отойдёт к Господу. Многие со-бирались вокруг него; он говорил с ними, давал распоряжения, как распределить его малое имущество, и потом добавил: "Я уверен, что иду к своему Богу. Вы все живите, как вам должно". После этих слов он потерял сознание и умер.

Разве это не прекрасно, что он и при смерти увещевал муж-чин и женщин ходить во свете жертвы на Голгофе? Это было свойственно ему выражать свои мысли просто и ясно, без осо-бенных красивых слов. Он не был одарённым проповедником, но никто из друзей не считал его легкомысленным или поверхност-ным. Он всегда думал, что говорил, и говорил; что думал.

Последнее письмо Гада мы не сохранили, потому что и не подозревали, что оно будет последним. Но мы обратили внимание, как оно заканчивалось. Раньше он никогда не употреблял это обращение. Никогда он не показывал особой привязанности к нам. Но это письмо заканчивалось словами, выражающими желание, вздох любви, которые трудно передать: "О мои любимые!" И после добавил: "Написал меньший среди тех, которых вы любите - Гад". При мысли, что он ушёл от нас, мои глаза наполнялись слезами ещё и потому, что я ни разу не показала ему, как высоко мы ценили его готовность сносить тяжести. Но теперь с ним был Тот, Кто достойно его наградит. Мне вспомнился куплет, кото-рый моя бабушка написала мне:

Жить для Иисуса нужно так, Чтобы всецело себя посвятить, Духом и телом, словом и делом Верно до смерти Ему лишь служить.

Что есть любовь ко Христу? Ф. Б. Мейер говорит: "Ты, ко-нечно, хотел бы пламенно любить Господа веем сердцем, но, может быть, ты не знаешь, что эта любовь не обязательно связана с бурным проявлением чувств. Мы можем искренне любить Бога и без того, чтобы иметь какие-то особенные переживания. Кто послушен Богу, тот любит Его".

Гад никогда не говорил возвышенных слов. Даже если бы он переживал сильные чувства, ему не хватило бы слов выразить их или показать, но он имел послушание перед Богом.

Гад даже при смерти пытался дать просящему. Глубокая пропасть греха заставила его некогда содрогнуться. С тех пор спасающее убежище в расселине скалы и прощающая благодать Христа не переставали утешать его душу. Но он искал не только утешения. Он стыдился своей прошлой жизни и хотел выразить Господу свою благодарность за спасение. С этой глубокой благодарностью в сердце он посвятил себя на служение Богу. Суровый ветер болезни хлестал его, но он не оставлял своей работы. Уны-лый ветер одиночества заставлял его сердце сжиматься от тоски,

но и от него он научился укрываться в спасительной расселине скалы. И когда ему было немногим больше двадцати, неожиданно завыл леденящий ветер смерти, но Гад так привык себя забывать, что и этот ветер не смог его устрашить. Он заботился лишь о "детях" вокруг, не имеющих возможности научиться, как он, находить убежище в расселине скалы, и он отошёл от них с этим последним словом наставления.

Девятая глава

Невидимые миссионеры

- Белла! - позвал меня муж, оторвавшись от письма, ко-торое задумчиво читал,по окончании библейской школы нам придётся отправиться в Луду. Вот опять пришло письмо от семьи Кук (в 1939 году они находились в отпуске), в котором они про-сят нас позаботиться об их лису. Мне стыдно, что мы до сих пор ещё не были там, ведь это такое чудесное поле работы. Ты ведь знаешь, как я всегда хотел, чтобы ты побыла в Луде.
- Но, мой милый,- ответила я с тихим вздохом,- в про-шлом году мы пытались туда попасть, пока сильный ветер не заставил нас вернуться. Если ты так хочешь, то я готова к этому путешествию, но помнишь, что говорил как-то Фразер. "Путь дальше в ущелье - самый тяжёлый путь в Китае"? Я, наверное, не смогу идти туда пешком.
- Это и не нужно. У нас есть Эсси и Яспер.
- Но Кук говорит, что в тех горах невозможно пользовать-ся мулами.
- Они не нуждались в животных, так как они оба хорошие ходоки. Я думаю, что они никогда и не пытались воспользоваться животными. Они чувствовали себя уверенней на ногах. Я был там и уверен, что Эсси и Яспер выдержат такое путешествие.
- Ну, тогда я пойду,- согласилась я.
- Прекрасно,- обрадовался мой муж и даже вскочил со стула.- Тогда я сразу пойду к Луке договориться о путешествии. Мы отправимся с одной группой пресвитеров и христиан. Иов упоминает в своём последнем письме о ссоре в деревне Три рода и о том, какое плохое впечатление это произвело на жителей деревни. Христиансон сейчас здесь и может наблюдать за поряд-ком в Дубовой равнине. Согласна ты с этим?
- Да,- ответила я уже повеселевшим голосом.
Теперь я приведу из сообщения самое важное.
"12 декабря 1939 года.
Что ждёт меня, не знаю, Господь мой это скрыл, Но твёрдо уповаю:
Мне путь Он проложил. Избыток жизни, благ и сил В любви Своей открыл. Куда зовёт Господь мой, Дитя Его спешит. "Он знает путь, Он знает!" - Доверчиво твердит.
Мы хотели всего на три недели остаться в Луде. Неожидан-но по разным причинам пять наших мапа должны были возвратиться домой, в Мухенгпо: Лука - для оформления своей дочери в школу; Иов - чтобы присутствовать при разделе отцовского имущества; Андреас, Тит и Яков - по другим причинам. И всё равно нам казалось, что мы вовремя собрались, чтобы оказать помощь, любовь и внимание району Луды, прежде чем каждый приступит к своей зимней работе.
В один из ноябрьских дней отправились мы в дорогу с лучшей группой евангелистов, состоящей из Луки, Луция и двух пресвитеров. В Луде мы хотели встретить Иова. Так отправились мы с надеждой, что Господь благословит и пошлёт пробуждение. Шесть дней мы были в пути, и наша жизнь была постоянно насыщена новыми впечатлениями. Я же хочу сообщить только сведения, касающиеся Драй-Зиппендорф."
Встреча
Утром в последний день путешествия мы весело шли друг за другом по тропе, вьющейся среди причудливых скал. В одном месте скала была такой гладкой, будто недостающую часть отре-зали ножом. У её подножия мы увидели маленькую группу людей, идущих нам навстречу. Они вели коня, украшенного цвет-ным одеялом.
- Это свадебное шествие? - спросила я Петра. Он загадочно улыбнулся:
-Нет.
Люди заметили нас и начали кричать и махать нам. Наконец мы поняли, что это был встречающий комитет из Драй-Зиппендорфа. Аге-тси был руководителем, а украшенный одея-лом конь, представьте себе, был предназначен для нас.
Но это было ещё не всё. Вверху нас встретил человек и вру-чил Джону письменное приглашение на ужин. Ещё повыше мы услышали опять крики. Нам навстречу шёл знаменитый А-денг, который продал сорок коров, чтобы отдать выкуп за свою

невес-ту. В одной руке он держал бамбуковую трубочку, а в другой чайный котелок. С улыбкой он предложил нам попить из котелка медовую воду.
- О, пей ещё, мапа, у меня ещё много есть,- приговари-вал он и при этом поглаживал свою длинную бамбуковую тру-бочку.
Чуть повыше нас ждали ещё трое людей с горячей медовой водой, которая была ещё вкуснее. Лису не качают мёд, поэтому холодные кусочки воска пристают к горлу. На
берегу реки друзья уже приготовили второй плот, чтобы скорее перевезти нас на другой берег. (В то время года не нужно было перебираться через реку по канатному мосту.)
На противоположной стороне опять стояли люди и предлагали нам горячий чай. На вершине холма ожидала нас триум-фальная арка, сплетённая из диких орхидей, а на обочине дороги стояло больше ста человек. Драй-Зиппендорф - большая дерев-ня. Джон называет её "Нью-Йорком" в стране лису.
Ещё никогда нас не встречали так пышно. Но мы напрасно обольщались на свой счёт. Драй-Зиппендорф на самом деле был очень твёрдым орешком. Из-за участков земли с полынью особо-го сорта ожесточённо спорили три основных рода. Все надеялись, что Джон их примирит, поэтому столь торжественная встреча была не выражением любви, как мы сначала подумали, а попыт-кой завоевать нашу особую благосклонность. Каждый род хотел нас встретить отдельно, и каждый боялся, что другие превзойдут его своими стараниями. Плохо, если миссионер видит только внешнюю сторону дела. Но мы взяли с собой Луку и других не ради собственного удовольствия. Они пошли с
нами, чтобы нести весть любви дальше. Прежде чем нас оставить, они помогли Джону в долгих трудных беседах об упомянутых полях полыни. Снова и снова с раннего утра и до поздней ночи уговаривали они людей простить друг друга, проявить великодушие и согласиться с решением церкви вместо того, чтобы передать дело языческому служащему. К чести спорящих, я должна сказать, что они оставались почти-тельными и вежливыми. Совет же не хотели принять. Джон отказывался в таком случае брать на себя ответственность. А-бе-па и другие сказали наконец, что так невозможно прийти к согласию.
Действительно, они пошли в "Египет" за помощью. Прибыл китайский служащий и осмотрел поля. Люди должны были но-сить его на плечах бесплатно, заколоть для него свинью и обслу-жить по-княжески. По возвращении ,он послал им следующий счёт: 1) Усталость ног (его драгоценные ноги едва касались зем-ли). 2) Сложность дела. Итого: 220 долларов. Когда они это оплатят, он обещал сообщить им своё решение, что означало, конеч-но, следующий счёт за оформление документа и другие расходы. И что в результате? Опять головные боли и стоны. Может быть, мой муж скажет, что это несколько преувеличено, но я описала всё действительно так, как видела. Дьявол - мастер по части жестокости, но люди не хотят этому верить, пока на себе не про-чувствуют его удары.
Драй-Зиппендорф - всего одна из многих деревень боль-шого района лису, поэтому Джон решил изменить свой план и вместо трёх недель остаться на три месяца, чтобы посетить всю окрестность. Оставалось только сообщить домой друзьям о без-надёжном положении деревни, чтобы они вместе с нами моли-лись.
Рождественский подарок от Бога. Декабрь 1939
В этом году мы не ожидали рождественских подарков, по-тому что закон в отношении китайской почты гласил: "Никакие Д заграничные посылки, содержащие вещи, ввоз которых запрещён, не могут пересечь границу". Далее следовал список запрещённых вещей, который включал в себя всё, в чём нуждается миссионер. Поэтому мы ожидали, что все наши подарки будут конфискованы. Никто из друзей не мог знать о нашем путешествии в этот ! отдалённый район, в Луду. Мы хотели праздновать Рождество ,< здесь, поэтому и не думали делать торжество для себя лично. Прежде всего мы хотели сделать этот день счастливым для лису. Но одно из имён нашего Господа- Чудный! И кое-что из Своих
чудес Он явил нам, позаботившись даже о мелочах, осчастли-вивших нас.
Первый Божий подарок нам вовсе не был мелочью. За неделю до Рождества мы узнали удивительную новость: у Морри-зона, миссионера из другой миссии, работающей севернее нас, есть Новый Завет на языке лису. Немного позже он написал нам и попросил несколько наших песенников на языке лису. Мы, ко-нечно, не долго думая, послали ему песенники и попросили дать нам несколько Евангелий. Он был так любезен, что передал нам весь свой запас, которого, конечно, не хватило на всех желаю-щих. Евангелия достались нам, то есть миссионерам, Иову и Луке. О, какая радость иметь Евангелие на языке лису! Эта радость не померкла с годами, она и

сегодня живёт во мне.
Листая Евангелие, я вдруг ощутила, что Бог этим подарком дал мне всё, чтобы сделать меня счастливой. Но Он приготовил ещё больше! В рождественский вечер совсем неожиданно при-шли носильщики из Дубовой равнины и принесли нам почту - рождественский подарок от нашей дочери. Это была её недавно сделанная фотография. Были и две маленькие бандероли из Аме-рики с вещами, которые числились в списке запрещённых. Может быть, почтовый работник спал? В одной бандероли были кое-какие сладости, и, таким образом, мы встречали рождество поевропейски.
В те неспокойные дни в Китае только Бог мог доста-вить нам почту в нужный момент.
Иов, как и все учителя, был очень занят во время праздни-ка. Позже он написал Мориззону: "Старший брат, посланное тобой Евангелие я получил. Я благодарю тебя за это. Оно даёт мне большую радость. В тот вечер, когда я его получил, мы про-водили как раз рождественское торжество и я был слишком за-нят, поэтому лишь заглянул в него. Я был так счастлив, что не мог спать и встал в полночь читать Евангелие. Я очень счастлив! Слава Богу за это!"
Наступил день, когда Иов, Лука и другие должны были ос-тавить нас, так как им нужно было возвращаться на родину. Ко-гда наши друзья скрылись из вида, мы возвратились в наш мис-сионерский домик. Всё казалось холодным и чужим. Я заметила, что у мужа в глазах блестят слёзы, и, вспомнив о нащем одиноче-стве, сама едва не расплакалась. Лайла Кук когда-то писала нам об этом домике: "Мне кажется, будто я на краю света". Сегодня я поняла, что она имела ввиду.
Нас огорчало то, что группа евангелистов в разочаровании вернулась назад. Идя в Драй-Зиппендорф, они надеялись, что Бог употребит их, но вся их работа, все их предостережения и поуче-ния казались напрасными. Но у нас оставалась одна надежда: они понесли с собой письмо в Америку и Англию к друзьям-молитвенникам. Мы объяснили им проблемы Драй-Зиппендорфа и подробно рассказали о здешних трудностях. Мы надеялись, что когда те верные незнакомые миссионеры объединятся с нами в молитве, обязательно что-то произойдёт. Это мы уже раньше переживали. Мы сообщили им, что останемся здесь до марта. Поэтому у нас ещё оставалась надежда увидеть результат молит-вы, прежде чем мы покинем эту местность. Все свои силы и время мы посвятили многим деревушкам вокруг Драй-Зиппендорфа.
Цитирую из сообщения:
"Вечером, 30 декабря, возвращаясь с молитвенного часа, мы услышали голоса из хижины рассыльного. Заглянув туда из любо-пытства, мы увидели Симона, Халева и одного молодого человека из Долины сливового дерева - Езуа. Радостные возгласы наполни-ли хижину, и одиночество, которое мы ощущали в последнее вре-мя, растаяло в тёплой атмосфере общения. Они пришли не по сво-им личным делам, но были готовы несколько месяцев служить для Господа, то есть евангелизировать или обучать.
В эти дни обычно каждый житель озабочен тем, как накор-мить семью, и большинство молодых мужчин усиленно старают-ся в эти зимние месяцы заработать побольше денег торговлей или какой-либо другой работой. Они так озабочены проблемой на-сущного, будто в стране ожидается голод. Сет, Симон и Халев женаты. У каждого маленький ребёнок, о котором он должен заботиться. Но они на первое место ставят Царствие Божье. Ведь они знают, как велик духовный голод в стране лису. Он опаснее голода физического. Сета здесь не было. Он должен был во время отсутствия Луки, Томаса, Якова и Иова оставаться в Дубовой равнине. Я просила у Господа особого благословения для этих евангелистов и для их храбрых жён. Их приход был для нас уте-шением, Господь вознаграждает нашу веру.
Возле костра Джон сказал примерно следующее:
- Фишер из Ланпинга (самостоятельный миссионер, не принадлежащий к миссионерскому обществу) просил учителей, готовых в его районе евангелизировать народ лису. Но район Луды очень нуждается в работниках. Я вижу только один выход:
вас троих разделить; для Езуа найти сотрудника и послать обоих в Ланпинг, а Халев и Симон останутся здесь и будут евангелизи-ровать деревни вокруг.
Молодые мужчины сидели, обхватив руками колени и глядя куда-то вверх.
- Как скажешь. Мы хотим исполнить волю Божью, это главное.
Среди нас был молодой христианин из Луды. На следую-щий день Джон спросил его, не хочет ли он стать сотрудником Езуа, ведь он знает путь через горы и поэтому может быть и проводником и помощником.

- В марте мне нужно возвратиться, чтобы вспахать поле, но до тех пор я с удовольствием пойду,- ответил он.
Мы назвали его Тадеуш.
Ранним новогодним утром покинули нас эти двое, чтобы свидетельствовать о Христе в горах вокруг Ланпинга, китайского города, находящегося примерно на расстоянии пяти дней пути на восток".
Новые дела в новом году в Луде
Чтобы добраться до миссионерского дома в Луде, нужно преодолеть тяжёлый подъём. Он находится на высоте примерно семисот метров над берегом Салуина. Гора Луда состоит из мно-гих холмов, на которых раскинулась деревня Луда. Жителей в ней больше четырёхсот. При подъёме с правой и левой стороны вид-неются уступы, на которых расположились хижины лису. У под-ножия горы живёт семья Даниила, поэтому вы, может быть, встретите сначала его маленькую симпатичную сестрёнку, кото-рая робко ждёт у обочины дороги, чтобы пожать вам руку, как это было с нами.
После этого захватывающего дыхание подъёма вы проследуете вдоль маленького водопровода, огибающего холм, на кото-ром стоит часовня. А над вами, на следующем уступе горы, стоят две бамбуковые хижины. На двери одной из них, повёрнутой к вам, написано: "М-р. Кук", а на другой на языке лису написано: "Чарлз". С трудом пробираясь к хижине через огород Кука, с правой стороны вы увидите высокое дерево. Под ним простая, ограда. Это Божий огород. Здесь положены в землю два дорогих Й| пшеничных зерна, которые умерли для себя и принесли добрые плоды для Господа. На деревянных крестах неровным почерком 1 вырезаны имена "Сильвия Вард" и "Эрл Карлсон" и тексты из , Библии, которые я уже не могу вспомнить. Напротив большого5 дерева торчит из земли старая коряга, словно охраняя покой \ обоих миссионеров,
- Это было раньше дерево демонов,- сказал мне Джон.-fl Люди ему поклонялись. Уверовав во Христа, они всё ещё боялись Д его, пока Иов не срубил его.
S
За простыми хижинами тропа вьётся вверх, к жилищу Петра и Дана, потом - к крутому горному склону, заканчивающему- ^ ся закруглённой вершиной. Я оглядывалась по сторонам в надежде увидеть водопад Лайлы Кук, о котором она так интересно \ писала в своих сообщениях. Но водопада не было, и никто, казалось,
ничего не знал о нём. Но однажды его обнаружили следую-щим образом. Пошёл снег. Луциус очень ждал его. В свои два- S дцать один год он не видел снега. Однажды, когда небо прояснилось после дождя, он увидел из глубоко лежащей внизу деревни Олив, что противоположные горные хребты побелели. В

другой раз
ему кто-то принёс с гор маленький белый комочек. Это было всё, что он знал о снеге. В конце нашего библейского курса однажды рано утром я услышала, как Луциус выходил через кухонную дверь. Потом раздался громкий крик:
- Мама, снег идёт! Ах! Ах! Спускается на землю в виде дождя. Ах, ох!
Час спустя возбуждённый юноша показывал нам снежный ком.
- Мама, когда ты была маленькой девочкой, вы таким же снегом кидались в Америке?
- Да, Луциус, но не сдавливай слишком сильно снег, а то рукам будет холодно.
- Я положу этот ком на печку и посмотрю, что случится. Он удалился, Джон улыбнулся. Мы хотели, чтобы он сам провёл этот опыт. Вскоре он вернулся.
- Да, он превращается в воду. Друзья мне рассказывали, что можно готовить из снега, но я им не верил.
В следующие дни ему самому пришлось готовить из снега, потому что снег шёл не переставая и дул сильный ветер. Вода замёрзла. Через некоторое время опять пошёл дождь, и потом вдруг в ночной тиши услышали мы равномерный грохот подобно грому. Это ожил водопад! Из-за сухой погоды он превратился в маленький родник, но буря принесла ему новую жизнь. Каскадом падает он в пропасть, вблизи которой стоит дом семьи Кук, и хотя его оттуда слышно, но не видно.
Во время путешествия по району Луды мы прибыли в де-ревню, где живёт Мария из племени носу. Мы называем её носу-Мария.
В доме носу-Марии
Мы живём в чудесные зимние дни в Юньнане. Воздух очень холодный. До февраля небо остаётся ясным и синим, редко идёт снег или дождь. Это самое удобное время для путешествия, поэтому 2 января мы отправились в путь в южную часть этого района. Мы решили посетить дом нашей носу-Марии. В восьми деревнях провели мы богослужения. Ночевали в шести разных местах и в одной из этих деревень в

холодном горном потоке совершили мы крещение. Это было очень насыщенное путешест-вие. Хотя нас и предупредили не ехать на мулах по этим горным тропам, мы всё равно отправились на Эсси и Яспере. Маленькие лошади нам бы мало помогли, поэтому мы были очень благодар-ны нашим друзьям на родине за этих больших мулов. Во многих местах нам приходилось говорить людям, просящим их посетить:
- Приготовьте тропу для мулов, и мы приедем.
В одном месте подъём был так крут, что мы даже не могли идти за мулами, держась за их хвосты, а нужно было перепрыги-вать с выступа на выступ. В другом месте нам нужно было под-няться примерно на десятиметровую скалу, ровная отвесная стена которой имела всего три выступа. К скале была приставлена теперь хорошо знакомая мне лестница, связанная из молодых деревьев. Конечно, никакое животное не могло туда взобраться. После того, как сняли всю поклажу с Эсси и Яспера, они нашли себе другой путь через густой кустарник.
Представьте себе, как рамка может изменять картину! Ма-рия показалась нам такой шумной и непривлекательной, когда мы видели её прошлым летом вместе с её нежной двоюродной
сестрой. Теперь же у себя на родине в горах и особенно в родитель-
ском доме
она
сверкала как золото. Я уверена, что из всех женщин
с громким пронзительным голосом, которых я встречала в своей жизни, мама Марии относится к трём самым выдающимся. Один из этих голосов принадлежит лифтёрше в Канаде, другой - одной китайской женщине из бедной горной деревушки. Я ясно , слышала её голос, находясь на расстоянии примерно 50 метров.
;| Разве это не удивительно? "Нам было сказано, что вы не придёте до субботы, поэтому мы не приготовили вам ворота из цветов для встречи. Это просто ужасно, но никого не было дома, кто бы это смог сделать! Я ничего не могу поделать, вам придётся простить нас". Всё это мы услышали, когда миновали последний поворот, дороги, ведущей к деревне. Какое любящее сердце было у этой женщины! В своей вытянутой в длину хижине приготовила она нам чудесное помещение и по случаю нашего визита зарезала свинью. А зелень она, наверное, собирала по всем горам, потому что нигде нас не встречали таким разнообразием овощных блюд, как в её гостеприимном доме. ;
Маленькую долину, где живёт Мария, окружают высокие зубчатые живописные вершины, а весело журчащий поток глубо-ко внизу под её домом постоянно напоминает о том, что нужно говорить громко, если хочешь быть услышанным.
Как большинство мужей, имеющих разговорчивых жён, отец ?| Марии - спокойный и молчаливый человек. Он слушал нас с сияющим лицом и во время прощания вручил мне окорок, как наглядное свидетельство своего согласия с гостеприимством своей семьи. Мария в семье старшая, у неё два брата и сестрёнка. Не-сколько лет назад один из ребят сильно болел, и все ожидали, что он умрёт. Позже Иов услышал, что этот мальчик ещё жив. Его следовало назвать Лазарем. Так вот и живут Мария и Лазарь вместе ,Д у журчащего потока. Лазарю сейчас двадцать один год. Это крепкий,
здоровый молодой человек и очень ревностный христианин.
Деревня их маленькая, и часовня одна из самых маленьких, которые я когда-либо видела. Но люди, посещающие здешние богослужения, имеют лучшие познания духовных истин и больше всех во всём районе интересуются Словом Божьим. Разве это не самое лучшее свидетельство для нашей носу-Марии?
Вскоре после нашего возвращения в Луду произошло радо-стное событие - после долгов разлуки мы могли приветствовать ,3
Аристарха, Секунда и одного новообращённого, Петра из Ион-гпе. Наш любимый Аристарх хотя и устал от далёкого путешест-вия, но совсем не изменился за это время. На молитвенном соб-рании в субботу, когда Джон попросил его рассказать немного о работе в Ионгпе, он, как всегда, неуверенно поднялся и так же неуверенно начал рассказывать.
- Ахем, ахем,- заикаясь, начал он, а потом радостно продолжил своё сообщение:
-
Это дело не Аристарха и Секунда, это дело Господа.
И таким образом воздав честь Господу, он начал рассказы-вать о 435 взрослых и детях из Ионгпе, которые стали теперь Христовыми.
Следующая большая радость ожидала нас в хижине Кука - Евангелия на языке лису, много-много пакетов. Хватит для всех!
- Ну, теперь нам нужно в феврале провести библейскую школу! - воскликнул Джон.

Во время очередного богослужения в Драй-Зиппендорфе он сказал примерно следующее:
- Сейчас, когда прибыли Евангелия и миссионеры находятся здесь, нам нужно заняться изучением Библии. Я сообщу по всему району, что все желающие могут учиться на курсах в фев-рале. В марте мы возвращаемся. Вы, христиане из ДрайЗиппендорфа,
очень разочаровали меня. Когда я умолял вас луч-ше пострадать ради Христа вместо того, чтобы ссорами бесчес-тить Его имя перед языческим судьёй, вы
не захотели этого сде-лать и тем самым ранили моё сердце.
Кое-кто из слушателей, соглашаясь, кивал головой, а у не-которых на глазах выступили слёзы. Не все верующие в Драй-Зиппендорфе имели жестокие сердца. Они просто были привяза-ны к своим семействам и не знали Божьего пути разрешения этого вопроса.
- Теперь я хочу попросить вас о другом,- продолжал Джон,- и не откажите мне в этом. Я хочу попросить вас матери-ально поддержать учеников библейской школы в феврале. Каждая семья должна в течение месяца прокормить одного или двух учеников. Это не слишком большое требование. Поднимите руки все желающие оказать гостеприимство ученикам в феврале.
Поднялся лес рук. Они хотели теперь исправиться, так как попали в сети дьявола, из-за чего поступили неправильно и не;| сумели вовремя освободиться, Так была проведена школа в феврале. Я цитирую из сооб-, щения:
"Библейская школа в феврале закончилась.
Одно время казалось, что придётся её прервать. Людям, ко-торые никогда в своей жизни не были связаны с умственным;
трудом и никогда не ходили в школу, очень трудно было сидеть) над книгами целыми днями в течение месяца. Поэтому к середине месяца число учеников заметно уменьшилось. Однажды в холодный, дождливый день к Джону явилась делегация носу-учеников.
- Нам нужно вернуться домой. Сестра Дана умерла про-Л шлой ночью от тифа, и мы не решаемся дольше оставаться здесь.
В те дни эпидемия тифа свирепствовала в других районах! ущелья и достигла ДрайЗиппендорфа,
но пока ещё она коснулась!;
только хижины Дана, которая находилась высоко над деревней, и остальным ещё можно было уберечься от болезни. Позже выяс-;д нилось, что она не умерла. Джон уговаривал делегацию остаться и положиться на Господа, они же не успокаивались и всё-таки> решили оставить нас. Нам с Джоном оставалось только уйти в | свою каморку, закрыть за собой дверь и просить Господа, уже не^ в первый раз, чтобы Он одержал победу над сатаной и его сила^;
ми. Ученикам мы больше ничего не говорили. Но ни один не покинул нас, и библейская школа благополучно завершилась. Мы. прекрасно сознавали, что это было сделано не нами, слабыми, несовершенными людьми. Наши самые лучшие аргументы не | произвели на испуганных учеников никакого впечатления. Ад теперь мы могли с
удивлением наблюдать, как на нас изливались потоки благословения.
Нелегко во время библейского курса писать сообщения, хотя это время, несомненно, интересное для учителя библейской школы. Писать хорошие сообщения очень трудно, потому что каждый день похож на предыдущий и невозможно справедливо оценить сделанную работу. Часто ученик проявляет себя, свидетельствуя красивыми словами о полученном благословении, а его сосед, не умеющий складно говорить, молчит, и никогда не знаешь, о чём написать.
Многие ученики библейской школы даже не умели бегло читать, и если судить по видимому успеху, то
покажется, что многие в течение месяца мало чему научились. Но опыт учителя подсказывает мне не основывать своё суждение только на видимой стороне дела. Слово Божье является словом жизни, и так или иначе оно приносит жизнь, хотя и не
всем людям. К концу библейского курса казалось, будто среди учеников распространилась эпидемия ссор и недовольств. Свидетельство-вало ли это о безуспешном изучении Слова Божьего? Но послед-ние два дня, 11 и 12 марта, принесли моментальную и удивитель-ную перемену, казалось, ничем не объяснимую. Но перед тем, как рассказать об этом удивительном поворо-те событий, мне необходимо сообщить, что библейская школа в феврале закончилась свадебными

колоколами. Мы праздновали сразу две свадьбы: А-хе с А-ни-ма и Аристарха с носуМарией.
Аристарх хотел жениться и слышал о носу-Марии, что она проделала далёкий путь из Луды в Дубовую равнину, чтобы учиться в библейской школе. Поэтому он думал, что она будет подходя-щей женой для евангелиста, и сделал ей предложение, не видя её. Мы не хотим, чтобы это стало примером для подражания, но просто упоминаем об этом.
К свадьбе было много приготовлений. Часовня украшалась сосновыми ветками и дикими рододендронами. Для поддержания порядка и торжественности во время богослужения были избра-ны Халев и Луциус. В их обязанность входило никого посторон-него не пускать во время свадебной церемонии. Перед проповед-ником стояла скамья для новобрачных и их свидетелей.
По мнению местных жителей, всё шло очень хорошо. По здешнему обычаю, невесты входили с намотанной на голове старой юбкой или одеялом. Они были просто неузнаваемы. Каждая встала возле своего жениха, пока проповедник не пригласил их сесть. В этот особенный момент произошло нечто неслыхан-ное. Халев и Луциус боялись прозевать самое интересное: в большинстве случаев невеста бывает слишком взволнована, что-бы правильно ответить на вопросы, и этим даёт повод для всеоб-щего веселья. По этой причине сторожа забыли о дверях. Вдруг в часовню вбежал молодой человек, который хотел посмотреть, как проходит свадьба евангелиста. Прежде чем оба сторожа могли ему воспрепятствовать, он пробежал вперёд, оглядываясь по сторонам и ища удобное место. Увидев, что угол скамьи для новобрачных свободен, он, обрадованный, сел туда. О, ужас!
Громко вскричав от негодования и страха, вскочили молодые. Два дюжих сторожа ринулись вперёд, и прежде, чем несчастный гость понял, что сделал что-то ужасное, крепкие мужские руки усадили его на менее почётное место в задней части часовни. ;
После того, как всё привели в порядок, свадебная церемония продолжалась.
А-ни-ма так сильно дрожала, что я подсела поближе к ней,
 боясь, что она может
упасть. Мария была вообще не в состоянии дать какой-то ответ. Её лепет походил на щебетание птички. По представлениям лису, невесты и должны делать что-то необыч-ное. Нужно ведь посмеяться! Но для местных жителей чаще всего) самое интересное - это угощение из свинины. Этим заканчива-] ется любая свадьба у лису.
Время нашего пребывания в Драй-Зиппендорфе подходило к концу, но я всё ещё не рассказала главного в этой истории, хотя оно было причиной, побудившей меня написать эту главу. Через всю эту книгу проходит важная истина, которую я теперь хочу подчеркнуть. Итак, что это за истина? Рабы неприступного замка не могли получить освобождение только через свидетельство и старания миссионеров. Они связаны такой силой тьмы, что толь-ко Бог может разрушить эти оковы. Они ослеплены хитрым кня-зем мира сего, так что необходимы мощные духовные силы, силы, основывающиеся на совершённом на Голгофе спасении, чтобы явить свет их незрячим глазам. Эта духовная сила есть молитва верующих. Молитвы одного или двух миссионеров не-достаточно для разрушения таких тяжёлых оков.
Мы беседовали с этими тремя родами, обучали их Слову Божьему, пока не пробудились их души. Но они всё ещё не могли найти выход, всё ещё им не хватало мужества порвать с много-летними привычками. Но в марте наши друзья на родине получи-ли от нас сообщение с просьбой усиленно молиться, на коленях взывали об их освобождении. Только тогда покачнулся этот ма-ленький угол царства сатаны. Мы
это чувствовали. Помните, о чём говорилось в последнем сообщении? "Но последние два дня... принесли моментальную, удивительную перемену". Когда я это писала в апреле 1940 года, нам было отправлено письмо, которое объясняло всё, но до нас оно ещё не дошло. Автор пись-ма не имела и представления о действии своей ходатайственной молитвы и молитв других невидимых миссионеров.
В последние два дня мы чувствовали, что атмосфера в де-ревне менялась, работать становилось легче. Ночью, перед тем как нам отправиться домой, у моего мужа вдруг возникла идея. Остальное вы узнаете из сообщения.
"Вечером перед нашим отъездом мы проводили в часовне богослужение. Джон решил убедить людей оставить закон их родов. Этот закон имел такой смысл: если какойто член семейст-ва попадал в трудное положение по своей вине или по вине дру-гих, остальные члены рода должны были ему помочь. Если кто-то хотел украсть земельный участок, то все были должны помочь ему в этом. Если же кто-то

откажется и не выступит заодно со своим семейством, тогда другие члены рода не окажут ему свою помощь. Если его постигнет нужда и трудности, никто не позабо-тится о нём.

Джон приготовил бумажные стрелы. На половине из них было написано: <Я ничего плохого не нахожу в законе>, а на других стрелах было написано: "Я хочу упражняться в законе любви". Совсем простым методом Джон обратил внимание слушателей на то, что этим законом сатана приковал их к греху. Хотя им, возможно, трудно его оставить, но, как ученики Христа, они должны быть исполнителями Его закона, который есть любовь. Любовь не только к членам своего рода, но ко всем людям.

- Я прошу всех желающих порвать с законом рода и быть послушным только закону Христа выйти вперёд, получить стрелу рода и сжечь её здесь, в этом огне. Когда вы это сделаете, я дам вам стрелу любви, которую вы должны сохранить на всю жизнь.

Так обратился мой муж к собравшимся и ждал. Без всякого принуждения, медленно, но решительно выходили вперёд руко-водители разных родов. После короткого свидетельства брали они стрелу рода и сжигали её, получали стрелу любви и спокойно возвращались на своё место. Больше двадцати мужчин сделали это. Они все были руководящими и имели на других большое влияние. Лишь один был исключением, я назову его Луда-агнец, потому что его имя на языке лису означает агнец и звучит так же, во всяком случае примерно так же.

Луда агнец сидел молча, опустив голову, и угрюмо смотрел из-под лохматых бровей на Джона. Мой муж игнорировал его некоторое время и обратился к известным своей сварливостью людям. Он открыто назвал их именами, которых они заслужива-ли, попросил их встать и в нашем присутствии попросить друг у друга прощения и подать руку друг другу. Они так и сделали. Никогда я не переживала подобного тому, что в тот вечер пода-рил нам Господь. Среди тех, кто должен был примириться, были два брата. Двадцать два года они не разговаривали друг с другом. После чего Джон удивил нас следующими словами:

- Среди нас находится некто, который в Ссоре со своим братом (этот старший брат был одним из вышеупомянутых). Я заметил, что он не сжёг стрелу рода. Это Лудаагнец.

Неужели ты хочешь быть единственным, отстраняющим стрелу любви?

Старая женщина, сидящая рядом со мной, шептала возбуж-денно: <О да, да! Те оба!> Но агнец упрямо оставался на своём месте. Он, один из самых влиятельных в деревенском обществе, был причиной тяжёлой ссоры. Я шепнула женщине на ухо: <Молись о нём>. В то время, как мы тихо взывали к Богу, Джон печально сказал:

- Я боюсь, что нам придётся сказать об агнце то же самое, что пришлось сказать об одних людях в древнее время: <Они вышли от нас, но не были наши> (1 Иоан. 2, 19).

Джон хотел уже закончить собрание, но агнец вдруг встал и перед всеми попросил у своего ненавистного противника проще-ния, в ответ тот сделал так же. Братья подали друг другу руку.

Луда-агнец вышел вперёд, взял стрелу рода, сжёг её и вер-нулся на своё место со стрелой любви. Это было чудесно. Один Бог мог это сделать. Он может всё сделать Сам, и без нашего вмеша-тельства. Но Он заповедал, чтобы мы, объединившись в Его Духе, ходатайствовали пред Ним <воздыханиями неизречёнными>.

Когда мы в тот вечер возвратились в свою хижину, я сказа-ла мужу:

- Джон, это была не просто твоя личная идея. Я запишу эту дату, а потом посмотрим. Я уверена, что кто-то на родине особенным образом молился о нас. И я внесла эту дату в свой дневник.

Мы вернулись в Дубовую равнину. Примерно через два ме-сяца пришло письмо. Я попросила мужа:

- Джон, прочитай, а я принесу пока свой дневник. - Пись-мо было от нашей дорогой молитвенницы, живущей в маленьком городке Америки, госпожи К. Вот содержание этого письма:

<Милые дети,- писала она,- мне нужно вам сообщить, что произошло сегодня. Я не могла утром делать свою домаш-нюю работу. Проблема Драй-Зиппендорфа лежала тяжёлым бре-менем на моём сердце.

Наконец я подошла к телефону и позвонила госпоже В. Она сказала, что переживает то же самое, и предложила позвонить И., чтобы одновременно объединиться в молитве. Мы так и сделали. Каждая из нас провела утро в своей кухне в

ходатайственной молитве о тех находящихся в ссоре родах. Мы чувствуем, что Бог услышал нас, и вы это знаете>.
Я полистала свой дневник. Когда в этой стране наступает ночь, в Америке утро. Они молились как раз в то время, когда мы ощутили удивительную перемену, о которой я писала в сообще-нии. Они молились в то время, когда сжигались стрелы родов!
Эти молитвенницы - слабые, немощные женщины. У гос-пожи К. больное сердце, госпоже В. предстояла тяжёлая операция, а госпожа И. почти слепая. Эти пожилые женщины были физиче-ски настолько слабы, что не могли посещать друг друга. Но в тот день они были объединены в Духе, так что сила их совместного ходатайства в союзе с прошениями других молитвенников содейст-вовала победоносному завершению нашей борьбы>.
Наш Господь различает демонов по их силе. Для победы над некоторыми крепостями сатаны необходима большая сила Духа. Поэтому неудивительно, что такая борьба зависит от числа сражающихся.
В этом случае мне помогло сравнение с душевной телепа-тией. Наука никогда не сможет объяснить молитву, хотя утвер-ждает, что может объяснить душевную телепатию, при которой существуют волны мыслей, и они производят влияние на челове-ка, к которому они направлены. Допустим, что это так, но тогда как легко представить силу молитв о миссионерах! Волны мыслей исходят от сердца, и поэтому их действие ограничено по сравне-нию с молитвой, исходящей от Духа, который может быть соеди-нен как с Богом, так и с человеком. Как легко поэтому объяснить силу уединённых молитв! Многие люди подвизаются совместно с Богом и Духом Святым за освобождение одной человеческой души или деревни со множеством жителей. Если человеку уда-лось чего-то достигнуть в области душевной телепатии, то не удивительно, если находящиеся в тесной связи с Богом и Духом
Святым души могут свидетельствовать о том, что победа достиг> | нута через молитву. Невидимый миссионер-молитвенник имеет ; сильное оружие в духовной войне против резких ветров безбожия с сокрушительной высоты.
Исх. 17,11-14, Иисус Навин побеждает в битве, когда руки Моисея подняты в ходатайственной молитве к Богу. Даже в этом,, считают некоторые, Моисей является прообразом Христа, нашего Ходатая. Моисей нуждался в человеческой поддержке. Миссионер в чужой стране также очень нуждается в людях, исполненных Духом, которые помогают ему в борьбе против духов злобы поднебесных. Именно так происходит в действительности.   ;
Работая среди лису, мы имели чудесных молитвенных бор-цов, многие из которых уже вошли в Божье присутствие. В чём мы нуждаемся теперь - так это в усиленных молитвах, и Китай, весь Китай нуждается в них.
Десятая глава
Только "галька"
Хоть не можем мы все быть орлами, Кто-то должен и ласточкой быть, Только дай. чтоб не были кротами, Дай нам крылья, чтоб к небу взлетали, Чтобы землю могли позабыть.
До сих пор в этой книге в основном говорилось о необыч-ных лису-христианах, тех, которые могли "уве-щевать и пропове-довать", большинство из них уже закончили своё поприще. Нера-зумно было бы писать о людях, ещё не завершивших своё земное странствие. Если бы, например, кто-нибудь написал о Давиде до истории с Вирсавией, его бы сегодня обвинили в необъективно-сти. С любым из нас могло бы случиться то же, что и с Давидом. Хотя сила, которая действовала в Ме-до-ме-па и
в Хомай, и сего-дня та же, но всё равно нужно молиться о тех, кто ещё совершает своё служение, чтобы они могли мужественно переносить все трудности. А также необходимо нам молиться о тех, кто хочет стать такими, как Хомай, Ме-до-ме-па, но не имеет возможности слышать Евангелие. Таковых много.
Есть и такие христиане, которые являются как бы галькой. Но истинная картина церкви лису была бы незавершённой без этой "гальки".
Алте-Гроссе- "Великий старик"
Этот простой крестьянин принял Господа, когда впервые услышал о Нём от Ла-ма-ву и его друзей, принесших весть Еван-гелия в Сосновую гору. Хотя его хижина находилась на краю деревни, сюда часто приходили люди. До самой его смерти я ни разу не слышала о нём ничего, что бесславило бы Господа. Во время воскресных богослужений он старался сесть впереди, и сияние небесного света не сходило с его лица.
Иногда проповеднику бросается в глаза одно выразительное лицо среди

слушателей, на котором отражается глубокое понимание. Такое лицо, как у АлтеГроссе,
является для пропо- ;
ведника неоценимой помощью. Алте-Гроссе был высоким, худощавым стариком с приветливым морщинистым лицом. Он любил Д музыку и каждый раз упрямо протискивался вперёд, к фисгармо- | нии, и садился на одну скамью с блудным сыном. Если пели один Д из его любимых гимнов, он знал каждое слово наизусть. Как ;| сияло его лицо, когда он пел:
Я узнаю Его, да, узнаю, Преображённым я буду у Него. Его имя я назову. Увижу раны от гвоздей.
Во время пения он весь преображался, не замечая, что Я блудный сын сидит рядом с
ним - молодой человек, провинив- ;
шийся перед его дочерью. Однажды после чудесного пения,< когда умолкли голоса, я
наклонилась над своим органом, посмот-f рела на блудного сына и сказала:
;
- Когда мы увидим Господа, наша радость будет совер-шенной, но когда ты Его увидишь, ты испугаешься.

Он с ужасом посмотрел на меня, я напомнила ему о грехе, я разделяющем его с Богом. Как подстреленный, он уронил голову ;f на грудь. Мне нравится одно хорошее выражение Августина. Для меня оно является единственным ответом на вопрос Петра: "К кому нам идти?" Он говорит: "Он, любящий тебя, идёт... Он, | радующий тебя, идёт к огорчающему тебя".
Алте-Гроссе мог радоваться в своём Господе, и его лицо сияло. Блудный сын же стоял с ношей греха перед своим Госпо-,! дом, и его голова склонилась так низко, что не было видно лица.
Воскресенье в стране лису отличается от всех дней недели. До завтрака мы проводили богослужение для своей деревни, где все наши христиане собираются у ног Господа. Потом только мы завтракаем, а в это время постепенно подходят люди из других деревень. Справа и слева от нас по гигантским горным склонам Д вьются узкие коричневые тропы, по которым, будто маленькие я муравьи, один за другим приближаются к часовне посетители наших богослужений. Но вначале многие из них спешат в "Дом благодати", чтобы пожать руку мапе и маме. Почти каждый раз Алте-Гроссе, деревня которого находится совсем близко от нас, на берегу реки Салуин, первым тепло приветствовал нас. Меня всегда радовало его сияющее лицо и ласковое рукопожатие. Ему было примерно шестьдесят пять лет, и тот внутренний мир, кото-рый отражался на его лице, свидетельствовал о праведной жизни. Другие лису время от времени доставляли нам хлопоты или сер-дечные переживания, но Алте-Гроссе - никогда. За ним обычно шла его счастливая жена. Лису-супруги любовь открыто не пока-зывают. Бывает иногда, что вновь объявленная пара не может скрыть своего счастья, но вообще-то у лису не принято так от-крыто выражать свои чувства. Эта же чета являлась исключени-ем, и было приятно видеть, что эти двое находили радость в об-щении друг с другом. Из-за их безупречной жизни Чарлз дал им недавно имена Захария и Елизавета. Они не были богаты, но часто при рукопожатии совали в руку миссионеру одно или два яйца или что-то другое. Первую созревшую кукурузу они каждый год неизменно приносили нам и если резали свинью, то посылали кусок мяса нам, на гору в подарок мапе и маме или кому-то из миссионеров, посетивших нас.
До сих пор я не могу без улыбки вспоминать посещение британского консула несколько лет назад. Это был высокий, представительный господин, носивший монокль. Алте-Гроссе услышал об иностранном госте, посетившем "Дом благодати", и
думал, что это новый мала. Он как раз зарезал свинью и сам поднялся на гору, чтобы вручить свой подарок. Когда он вошёл, я и не предполагала о его намерении, пока не услышала на языке лису (которым консул не владел):
- Мапа, мы так рады твоему приходу. Я принёс тебе кусок мяса.
Я повернулась и увидела, как гость удивлённо наклонился над жирным куском свинины, связанным посередине шнуром для удобства транспортировки. Правая рука Алте-Гроссе была протя-нута для приветствия. Я сразу поняла происходящее, и мне захо-телось обнять нашего дорогого приветливого святого старца, но я боялась, что консул думал иначе. Я сразу объяснила ему ситуа-цию, конечно, по-английски. Мой гость был очень тактичен, приветливо пожал руку старому человеку, в то время

как я забра-ла у него мясо и передала служащему. Я хочу здесь ещё кое-что рассказать о посещении консула. Сообщение от 27 мая 1941 года.
- О мама, посмотри, сколько рабочих лошадей поднима-ется по склону! Ого, ещё идут! Я ещё никогда не видела такого
множества, настоящий караван в этой местности! Это, наверное, охотники?
Этот вопрос заставил меня подойти к окну. Наблюдая за. шествием, я вспомнила одно письмо, которое мы получили при-мерно месяц назад. В нём сообщалось о возможном посещении британским консулом ущелья Салуин.
- Английский консул! - испуганно вскрикнула я.- Что мне делать? Как мы можем в бамбуковой хижине принять консу-ла? О Джон!
Но высокий господин уже шёл к нам по дороге, а Джон, у которого уже не было времени дать совет, поспешил ему на-встречу.
Это был высокий элегантный англичанин - настоящий джентльмен. Он не был верующим, но и не был лицемером. Го-ворил открыто, что уважает христианство, но больше склонен к католицизму из-за его красивых обрядов. Он был приятным гос-тем и оставался у нас две ночи и один день. Трудно представить себе более деликатного и вежливого человека. Потом он прислал письмо, которое я ниже цитирую. Упомянутые в нём Ма и Хо - два христианина- лису, которых он здесь нанимал проводниками. Вот его письмо:
<Х.Б.М. Консульство (Н.В.М.)
Тенгвей, Кемп Чицило
Уважаемая госпожа Кун!
Выбирая бумагу для письма Вам, чтобы отблагодарить Вас за гостеприимство и радушие, я выбрал большой лист, чтобы вашим ученикам тоже что-то перепало от него.
Мне было очень приятно познакомиться с Вами. Для меня лично это было большим удовольствием. Я наслаждался пребы-ванием в Малипинг (Дубовой равнине), где спокойно и хорошо
отдохнул.
Ма-фу-ии и его друг оказали мне большую помощь, так что хотя путешествие и было трудным, но всё равно приятным. Мулы вели себя хорошо, если не считать двух маленьких аварий. После первой аварии погонщик мулов испугался и для большинства грузов нанял носильщиков.
Природа произвела на меня прекрасное впечатление, но ещё большее впечатление произвело то дело, которое вы и ваши сотрудники сделали для этой части земли. Раньше было опасно путешествовать в этой местности, но сейчас, куда бы я ни прихо-дил, везде встречали меня приветливо и радушно. Хотя я и не миссионер (и к
тому много курю), для людей, казалось, было большой радостью пожать мне руку и пожелать: хва-хва. Когда Хо и Ма встречали других христиан и при этом приветствовали их рукопожатием, заметно было, что они относятся друг к другу очень дружелюбно. В.Ан-а-ма-по (одна из недавно евангелизиро-ванных деревень) многие местные жители вытащили свои песен-ники из сумок и начали петь. Вечером звуки их пения из часовни усыпили меня. (Но я должен открыто признаться, что эти песни не так мелодичны, не так хорошо звучат и не так подходят к горам, как песни лису.) Во время короткого отдыха, перед тем как мы поднялись в Биа-ло-ши, один из нанятых носильщиков достал песенник лису, катехизис и простую религиозную китайскую книгу из своей связки и читал мне. Это произвело на меня силь-ное впечатление.
Благодарный Вам М.Л. Гиллетт>.
Консул упоминает о большом листе бумаги в ответ на заме-чание с моей стороны, что мы используем чистые страницы всех не личных (в том числе и его) писем в качестве бумаги для заме-ток учеников нашей библейской школы, которые не имеют воз-можности купить себе много бумаги.
Сообщение о нанятом лису-носилыдике из Биа-ло-ши осо-бенно заинтересовало меня. По-видимому, он один из той маленькой группы слушателей на рисовом поле, которым свиде-тельствовал о Христе наш Лука по пути в Луду.
Неизвестно, какое семя принесёт плод, то или другое. В то время поверил лишь один. Теперь ясно, что за ним последовали и другие, хотя из-за отдалённости района учителя в эту местность приходят редко".
И Алте-Гроссе в своё время коснулся резкий ветер из укре-пленного замка сатаны. В начале своей христианской жизни он стоял перед проблемой полигамии (многобрачия), потому что по языческому обычаю имел двух жён. Этот ветер принёс ему много печали и был причиной горячих споров с родственниками второй жены,

поношения которых нужно было терпеть без того, чтобы
забыться в опиуме или вине. Но он нашёл выход, и Бог дал силу всё перенести.
Он отпустил жену, не любящую Господа. Он снова вышла замуж. Вскоре после того, как он счастливо пережил этот духовный муссон, другие ветры разразились над ним. Как-то раз из-за непогоды он потерял часть урожая - прс питание- на следующий год. В другой же раз племянник, помогающий ему, повёл себя недостойно.
- Если я его отпущу, мама, у меня будут проблемы с его родителями,- объяснил он.- Самое важное - вечная жизнь.
Выражения его лица при этом я не забуду никогда. Он чувствовал, что Бог от него требует управлять своим домом так, как| учит Библия, и, несмотря на все испытания, он это делал.
В 1943 году Алте-Гроссе умер от горячки.
Когда я обняла плачущую вдову, чтобы утешить, и описа ей, с каким радостным, сияющим лицом он теперь предстоий перед Господом, она шепнула мне:
- Да, мама, но я не увижу больше его лица в часовне. В сердце своём и я добавила: "Так мы все говорим". Он был слишком стар, чтобы научиться читать; сидел во,< время богослужения всегда впереди и с сияющим лицом пытался запоминать песни, стихи и проповеди. Он долгое время был моей особой воскресной радостью. В своём доме он проводил среди недели собрания для соседей, причём свободно по памяти пропо-;
ведовал и пел.
Господу благодарность за "гальку" в церкви лису.
Необычный пастух
- Мама, прибыл новый пастух.
- Хорошо, Хомай, я буду ужинать с вами, потому что сегодня я осталась одна. Покажи ему, где он будет жить. Сделай" так, чтобы у него было уютно,
Новый посыльный в доме - это значит, мне нужно засу-;
чить рукава и браться за самое неприятное. Лайла Кук делилась со мной опытом, как обучать нового повара: "Тебе нужно научить его не бросать яичную скорлупу за
печку. Скажи ему, что мусор не заметают за дверь, и что помои не выливают на пол, и если испачкают пальцы вареньем, не вытирают их об стенку".
Всё это верно. На родине в хозяйстве много различных удобств, которые облегчают домашнюю работу: пастеризованное
готовое к употреблению молоко в бутылках, газ, поступающий после того, как повернёшь рычаг; вода в кране и электрический свет, который включается сразу, стоит лишь нажать на кнопку. В стране лису воду обычно приходится нести на спине высоко в гору. Зерно приходится молоть и очищать примитивными нож-ными мельницами. Соль и сахар поступают к нам слипшимися в комок и рафинируются вручную и т. д. Поэтому без посыльных не обойтись, но не все подходят для этой работы. На посыльных я смотрела не просто как на работников. Прежде всего я видела в них человеческие души, которые можно приобрести для Христа, но не всегда я имела в этом успех. К тому же, как уже упомина-лось, тех, которые оказывались наиболее способными, нам при-ходилось отдавать для евангелизационной работы. Мы не могли не отпустить их, и нам надо было брать в дом нового парня и начинать всё сначала, как бы тяжело это ни было. С пастухами коз редко приходится близко соприкасаться. Во время ужина я познакомилась с моим новым пастухом.
Я увидела худенького, маленького паренька, сидящего на по-лу. На вид ему было не
больше девя7ти лет, но мне пояснили, что ему уже семнадцать. Он пристально, не мигая, смотрел на меня. Взгляд у него был, как у дикого зверька. Мне стало не по
себе.
После рукопожатия я сказала как можно приветливее:
- Давайте будем кушать. Может быть, новый пастух коз помолится с нами?
- Нет. Я не хочу. Я не могу.
Я была поражена. Какое начало!
Он сидел неподвижно на корточках и вызывающе смотрел на меня, будто желая сказать; "Только тронь меня, и я буду ку-саться". Я повернулась к Хомай. (Обычно церковь искала для нас посыльных, и только христиане принимались на эту службу.)
- Разве он неверующий? - спросила я.
- Он верующий, мама, но ещё не крещён.
Она сделала всё, что смогла, чтобы показать мне свою симпатию к парню, но её

губы странно подёргивались, будто она вот-вот расхохочется.
- Он не может ни читать, ни писать,- продолжала Хомай.
- Но ведь каждый христианин может молиться! - возразила я.
Я была действительно недовольна. Но выражение её лица
 а она больше всего
ценила мир в доме - заставило меня сказать:
- Хорошо, я буду молиться,- после чего мы молча
приступили к ужину.
Хотя пастух и был маленького роста, его мнение о себе было довольно высоким. По нему было видно, что он в любую минуту готов за себя постоять и дать отпор кому
бы то ни было. Где бы он меня ни встречал, он диковато смотрел на меня и отвечав всегда грубо, поэтому получил прозвище "Злая белочка". Он доил своих коз, когда ему хотелось. Один раз он приносил литр молока, а в другой - немного больше чашечки. Горе же мне, если осмеливалась сказать, что молоко у коз может исчезнуть. Мы много раз хотели уволить его за бессовестное отношение к работе, но
так как его слепая мать была вдовой и жила от заработка сына, мы оставляли его.
Через год я решила вплотную заняться обучением нашего пастуха. Стыдно восемнадцатилетнему парню не уметь читать; поэтому я каждый вечер звала его к себе и говорила ему о пользе самостоятельного чтения Слова Божьего, о своём желании научить его читать. К учёбе он не прилагал ни малейшего старания. Приходил каждый вечер, но только в том случае, если его позовут. Это было всё, что он делал. Но для нас, миссионеров, трудно,
выбрать свободный вечер. Казалось, что я напрасно жертвую временем. Ещё немного, и я признала бы его безнадёжным. Но мы отправились в Луду и вернулись только через три месяца (это путешествие было описано в девятой главе). Во время нашего отсутствия Виктор Христиансон продолжил уроки чтения с
пастухом коз.
Когда мы в марте возвратились в Дубовую равнину,
Христиансон сказал нам:
- Пастух коз умеет читать и хочет научиться петь. Я назвал его Амосом. Вы будете удивлены, но у него оказался
хороший голос.
Это было слишком неправдоподобно, чтобы этому поверить. Я думала, не кроется ли причина усердия пастуха в том, что, когда он прошлым летом страдал от тифа, Христиансон так нежно и заботливо ухаживал за ним, как будто это был его любимый друг, Если бы это был обычный рассказ, я бы описала, на что способна любовь, и закончила бы его тем, что "Злая белочка" превратилась в
чудесного христианина. Но это не выдуманные рассказы. На самом деле было иначе.
Хотя он и позволил нам учить его, но отношение к работе у него не изменилось.
Вместо того, чтобы работать, он частенько играл. Однажды вечером он сообщил нам, что пантера сожрала четырёх козочек, только головки остались, а он в это время играл. Амос был часто в плохом настроении, во всяком случае это проявлялось в его отношении ко мне.
А теперь я снова обращаюсь к письмам за апрель 1940 года. "Туман приходит неожиданно, набрасывает покрывало на хорошо знакомые чудесные горы, и всё вокруг становится бес-цветным и однообразным. Разве не бывают в нашей жизни такие дни, когда кажется, что счастье хочет обойти нас стороной и остаются лишь повседневные однообразные будни? Я знала, что меня ожидает подобное, когда стояла на верхней дороге и наблю-дала, как мои любимые люди постепенно исчезали за далёкими горами, там, где заходит солнце. Это были Джон, Луциус, Гад и Виктор Христиансон и носильщики. Шесть недель без этих лю-бимых лиц - какая тоскливая перспектива на ближайшее буду-щее! Джон и Луциус отправились через границу Бирмы в Китай, чтобы получить представление о работе на новом миссионерском поле, так как Джон был назначен ответственным китайской внут-ренней миссии в западной части Юньнаня. Гад нуждался в помо-щи врача, а Виктор Христиансон должен был проводить собра-ния в Холбаумдистрикт. Мне не было особой необходимости сопровождать их в этом путешествии, но, напротив, было много причин для того, чтобы остаться. И я осталась. Хорошо выпол-нять свои обязанности, когда можно иметь общение с друзьями, но оставаться одной с малознакомыми людьми (Хомай и Дорка оставили нас, а Иов с друзьями ещё не вернулся) - при одной мысли об этом моё ближайшее будущее представлялось мне очень однообразным.
Я думала, что в эти вечера увижу что-то необычное на сво-ем любимом хребте

захождения солнца, но впервые он разочаро-вал меня, так как густой туман заполнил низины и всю красоту, которой я не переставала восхищаться, он спрятал под отврати-тельным серым покрывалом. Нет, вокруг меня не было утешения, но в сердце моём по-прежнему жил Господь. Никакой туман не может скрыть Того, Кто является источником нашего внутренне-го счастья. Может быть, кто-то из вас переживает такое унылое
время, когда кажется, что все прекрасные краски исчезли из жиэ" | ни. Таковым я хочу рассказать, как утешил меня Господь и подарил мир и блаженство,
У меня уже не раз в жизни бывало такое состояние, и я| знаю, что в этом случае необходимо выполнить три условия,;
чтобы вновь обрести душевное равновесие. Во-первых, нужно;
помнить, что это всё преходяще. Как часто я с благодарностью вспоминала рассказ доктора Паге. Один простодушный мальчиш-ка искал Божьего водительства своеобразным способом. Он от-крыл Библию, закрыл глаза и ткнул пальцем в одну из
строк.;;
Повторил это три раза, и трижды в разных местах его палец ука-зывал на слова: <И
исполнилось слово Его...> Он сосредоточенно | обдумал это и наконец понял: если Божье слово всегда исполня-|| ется, значит, я могу верить Его обещанию, что и моя трудность < пройдёт. Поэтому и нам нужно помнить, что серые туманные дни :| будут в нашей жизни не всегда они приходят, чтобы опять уйтид - вот и все.
|
Во-вторых, помни о том, что и эти дни не остаются безд плода, для чего-то и они нам даны. В такие тоскливые, однообразные дни в темнице возникли: Евангелие от Луки, некоторые ;
послания апостола Павла, <Путешествие пилигрима> и бессмертные письма Рутерфорда.
В-третьих, просто открой свои глаза, может быть, даже полные слёз, чтобы увидеть <эдельвейсы> твоего Бога. Это, по словам Эми Кармайкл, маленькие неожиданные приятные сюр- ;;
призы, так радующие нас. Они могут стать ярким лучом света среди однообразных пасмурных дней и обрадовать так же, как радует альпиниста эдельвейс в диком пустынном месте. Альпинист скорее забудет трудности подъёма, чем сияющие Божьим звёзды-эдельвейсы, которые растут для него среди суровых скал и ожидают, когда он сорвёт их",
Сразу же в первый день я нашла один эдельвейс. Его зовут Иое, точнее Иосиф, но я
не могу заставить себя называть его этим именем, которое так много означает. Он один из двух посыльных, которые заменили Хомай и Дорку. Сделать из Иое американского
повара было одним из самых сложных дел, ожидающих меня в ближайшее время.
Иое похож на маленького старичка, несмотря на свои девятнадцать лет. Его важный, торжественный вид никак не сочетался
с грязной кожей, маленькими бегающими глазками и вечно взъерошенными волосами, которые невозможно было уложить ничем, ни водой, ни маслом. Но зато у Иое верное сердце, и это покрывает все его недостатки.
Иое очень старается и хочет делать всё правильно. Новая служанка не имеет этого желания; единственное, чего она желает, это сохранить своё место. Если Иое случайно разобьёт чашку, он очень расстраивается. Если это случится у служанки, она расска-зывает об этом, беззаботно смеясь, и если мы относимся к этому не так легко, как она, то она обижается на нас. Мы предпочитаем посыльных, которые сокрушаются о своих проступках.
В обед первого дня, когда я стремилась прогнать своё оди-ночество тщательной подготовкой к библейской школе, в мою комнату вошёл Иое с торжественно-серьёзным и таинственным выражением лица. "Что же опять случилось?" - испуганно по-думала я. Он подошёл совсем близко. Устремив взгляд в потолок, он доверчиво спросил:
- Мне накрыть стол только для одного человека?
Невинный будущий официант! Если бы я была язычницей, я бы запустила в него книгой, потому что он напомнил мне как раз то, что я при всех усиленно пыталась забыть. Но поскольку я была христианкой и к тому же он назвал меня "мамой", я выслала его скорей из комнаты, сама же села на стул и засмеялась. Иое очень гордится тем, что ему выпала честь быть поваром у мис-сионеров. Вы бы видели его, когда он в присутствии удивлённых деревенских товарищей, не имеющих ни

малейшего представле-ния о кухонном полотенце или приборах, гордо выпятив грудь, накрывает стол. Да, сам не зная того, Иое помог мне пережить тяжёлую минуту. Я ему за это очень благодарна.
"Полная отдача жизненно важному делу сохранила Павла от ожесточения души, гнева и зла. Разочарования и трудности могут способствовать совершенствованию характера, и в этом прославится Христос" (С. Р. Эрдманн).
Эти слова послужили мне благословением. На самом деле, если мы обращаемся к жизненно важным делам, которые прида-ют нашей жизни высший смысл, тогда мы перестаём жалеть себя и получаем новые жизненные силы. Я решила открыть вечернюю школу и для этого собрала посыльных, чтобы начать с них. Глядя на них, я назвала их своей "Бригадой малолетних", потому что
они всё ещё новички и не подают больших надежд. Иое прише одним из первых. Он громко вздохнул и сказал, смеясь:
- Это просто немыслимо.
Может быть, он думал, что на его уже достаточно загруженные плечи миссионерского повара хотят возложить ещё и звание ученика библейской школы.
Новая служанка, о которой упоминалось выше, стирает и убирает у нас. Наша любимая Хомай не могла одновременно ухаживать за своим маленьким ребёнком и делать нашу домашнюю работу, поэтому она оставила наш дом, но не наши
сердца. Дочь Бруммбарта с радостью заняла освободившееся место, но она не оправдала нашего доверия. Если Господь не изменит её сердца, нам придётся расстаться с ней. Похоже, что ей нравятся эти вечерние часы занятий, поэтому
я радуюсь её приходу.
Ещё два ученика - это наш погонщик мулов и Амос
(значительно дешевле держать коз и пастуха, чем покупать молоко в упаковках).
Погонщик мулов - это младший брат Симона. Он такой же вспыльчивый, как и все его родственники; к тому же несдержанный на язык, из-за чего он уже несколько раз чуть не
потерял место. Он обязан благодарить Христа за милость, что
ещё находится здесь.
Во время нашего посещения Луды однажды я нашла Евангелие
лису в неподобающем месте. Я открыла книжечку, чтобы посмотреть, кому она принадлежит. Некрасивыми буквами было написано: "Мой любимый Новый Завет" Позже погонщик мулов получил его как приз на Рождество и пытался научиться Читать. Теперь он уже умеет читать и даже петь и заявил на крещение. Явно интересуясь занятиями, но не проявляя ни малейшего чувства благодарности по отношению ко мне. Амос присоединился к нашей "бригаде малолетних".
Моим самым большим "эдельвейсом" в течение этой неде-ли был, несомненно, ЙонгпеПетр.
Как вы знаете, Йонгпе-Пётр и , Йонгпе-Йоганнес уверовали год назад и были посланы сюда для обучения, чтобы потом вернуться назад евангелистами для своего народа, и тогда китайская внутренняя миссия сможет уйти из того региона. Эти оба парня жгут для нас целый день древесный уголь (пастух овец тоже остаётся дома, чтобы научиться этому), а вечером я их обучаю.
Пётр высок ростом, ему двадцать пять лет, у него не осо-бенно выразительное лицо, спокойный голос и уверенные движе-ния. Он не производит особого впечатления до тех пор, пока вдруг не попадёшь в затруднительное положение. Тогда привет-ливый голос вблизи тебя скажет: "Я сделаю это для тебя, мама". В одно мгновение без шума и без лишних слов проблема снята с тебя и благополучно разрешена.
И другие начинают это замечать. Иое бежит к Петру, если не может разобраться в своей поварской книге. В одно раннее утро, когда я в молитве общалась с Богом, резко распахнулась дверь нашей хижины, и на пороге появились два запыхавшихся парня. Пётр подошёл к дверям моей спальни. Иое уткнулся носом в бам-буковую стену. Казалось, он собирается решать мировую проблему.
- Мама,- прозвучал его голос сквозь рогожу,- что такое кленовая приправа и где она лежит?
- Она в четырехугольной бутылке. От двери и стены послышался глубокий вздох облегчения:
- Ох, четырёхугольная бутылка!
Оба развернулись и убежали. Кто из них первый добрался до четырехугольной бутылки, я не знаю, но убеждена, что Пётр любит, когда к нему обращаются за советом. Он лучше работает руками, чем головой. Что касается обучения, то Иоганнес спо-собнее, но я прославляю Бога за Петра. Он был женат, но четыре года

назад его красивая молодая жена была похищена бандой диких лоло, и никто с тех пор ничего не слышал о ней.
Симпатичный пухлый Йонгпе-Йоганнес является послед-ним членом "бригады малолетних". Я ещё плохо знакома с ним, так как он пришёл к нам недавно.
Можете представить себе этих шестерых, когда они вече-ром собираются вокруг моего стола и издают ужаснейшие звуки, стараясь выучить новый гимн, или как напрягают все свои способности, пытаясь распознать буквы в словах Нового Завета, а потом после чтения пытаются понять значение этих слов "Детские лекции",- скажете вы. Да, но в эти дни закладывается основа. Эту работу приходится проводить с новообращёнными нашим ма-па-ра в деревнях. Иое, служанка, погонщик мулов, Амос, Пётр, Иоганнес - самые обычные люди, но разве наш учитель Иов не начинал с пастуха коз у семьи Кук? Во всяком случае, разве не должны мы вместить их в сердца и молиться об
этих недавно обращённых душах, даже если нет в них ничего привлекательного?
"Мать Моисея сплела корзинку из тростника, чтобы спасти от смерти своё дитя. Кто думал, что через это маленькое творение некогда будет потрясён весь Египет?" (Из Библии пастыря Тей-лора Смита.)
Если мы обращаем внимание на эдельвейсы нашего Бога, Он пошлёт нам их ещё больше. Избалованные дети - это те, которые не дают себя утешить. Вы, наверное, помните, что во время тех зимних месяцев все наши руководящие ма-па-ра рабо-тали вдали от нас. В день, когда мы ожидали их возвращения, они не пришли, хотя мы в знак приветствия сплели для них ворота из цветов и поставили в их хижине дикие рододендроны. На сле-дующий вечер шёл дождь. "Бригада малолетних" выполняла свои акробатические прыжки по нотной лестнице, и вдруг раздался выстрел. Мы пулей вылетели в темноту под проливной дождь. Я крикнула Иое:
- Ты останешься охранять дом! (За несколько ночей до этого в наш дом залез вор.)
Вздыхая, бедный парень послушался. Спеша по тропе, я за-метила, что и другие жители выходят из своих хижин. Наконец показался белый конь. Кто же ехал на нём? Иов! Он приходил ! всегда первым. О, как это чудесно - приветствовать дорогих людей!
В повествовании о Хомай я рассказывала об этой встрече. Для "бригады малолетних" те вечера были особой радостью. Тихонько они пробирались в уютный круг, собравшийся возле огня в хижине Луки или в комнату одного из посыльных, и жадно слушали рассказы зрелых христиан.
Совсем просто и с юмором рассказывали те о своих путе-шествиях и переживаниях, что нередко вызывало весёлый смех у слушателей. Даже неграмотная "Злая белочка". Амос, не мог не расширить свой кругозор.
Но в этом году Амос не был допущен до крещения. Его ра-бота была неудовлетворительной. Ему объяснили, что каждый, кто верует в дело, совершенное Иисусом Христом, получает в этот момент спасение, но рано или поздно в нас должна отразить-ся новая жизнь. Мы чувствовали, что ради неверующих, придирчиво наблюдающих за церквами, его нужно отстранить от креще-ния, пока его жизнь
не будет более соответствовать его вере.
Однажды в конце месяца, раздав всем посыльным зарплату, я ушла к себе в комнату. Но вскоре, к моему удивлению, вошёл Амос с пылающими щеками. В протянутой руке он держал свои заработанные деньги.
- Я их не хочу, мама,- произнёс он расстроено.- Я их не заработал.
Я с трудом могла этому поверить. Прошлый месяц он очень плохо работал. И теперь это было первым признаком, что он имел совесть. Эту хорошую возможность я постаралась исполь-зовать: отдала ему зарплату назад и сказала, что Бог требует от всех, служащих Ему, верности, и что деньгами не загладишь плохо сделанную работу.
После этого в течение нескольких недель Амос был сми-реннее и приветливей, чем обычно, но порой опять проявлялось его плохое настроение и безразличное отношение к работе.
Со временем этот парень полюбил книги. Он брал их с со-бой на пастбище и читал постоянно. Постепенно он начал откры-то молиться, и через год или два Лука преподал ему крещение.
В 1942 году Амос решил нас покинуть. Он приобрёл себе маленький участок земли и хотел сам его обрабатывать. С ним жили его слепая мать и сестра, и я радовалась его желанию стать самостоятельным. Я знала, что ему придётся работать на поле тяжелее, чем он привык, и притом меньше зарабатывать, но мы надеялись, что он станет полезным для жителей деревни, и дали ему своё благословение.
Маленький пастух коз! Он был певцом в церкви. Может быть, я увижу эту "белочку",

нашего Амоса, на небе, где он с про-светленным лицом будет славить Бога.
Ромео и Джульетта
В 1939 году мы посетили некоторые деревни на западном бе-регу реки Салуин, среди них и деревню с названием из 31 буквы. Назовём её Ф.-П.-А. В местной часовне наше внимание привлекла приятная девушка, в которой, как нам казалось-, больше, чем в других женщинах, была видна духовная жизнь. Когда мы спросили о ней, нам объяснили, что она носит большую печаль в сердце. Один из молодых мужчин просил её руки, и она бы с удовольствием
приняла его предложение, но между этими двумя семьями была давняя ссора, и родители обоих были против этого брака.
- Тогда нужно их назвать Ромео и Джульетта,- сказала я, улыбаясь.
Так эти имена и остались за ними. Любовь их не стала меньше, так же как и противление родителей с обеих сторон, и Джульетта оставалась непоколебимой в своём решении дать своё согласие только ему.
Я разыскала этого парня, ставшего предметом такой верной любви, и присмотрелась к нему поближе. Он не обладал особой привлекательностью, но взгляд его свидетельствовал о справед-ливости, верности и твёрдости характера. На его шее я
заметила огромный распухший лимфоузел,
Первый раз разговаривая с Ромео, мы подумали, что он та-кой же, как все другие. Правда, мы замечали в нём мужскую честность и прямоту, но и его соседи были такими же. Тальку" не всегда сразу заметишь.
Прошёл год. Зиму мы провели в деревне Трёх родов. Одно происшествие на обратном пути в Дубовую равнину снова на-помнило нам о Ромео. Оно было связано с верховой ездой, но в этот раз не с нашим надёжным старым Яспером. Спускаясь по оврагу из деревни Трёх родов, мы оказались перед бушующим потоком, мост через который был разрушен. Яспер и Эсси не решились его переплыть, но они не могли его перейти по
не-скольким слабым шатким доскам, по которым нам нужно было пройти. Нам не оставалось другого выбора, как идти дальше пешком. После долгого пути в обед следующего дня мы встрети-ли дядю Ромео, который просил нас провести ночь в его деревне.
- Мы придём только в том случае, если у тебя есть ло-шадь, чтобы мама могла этот крутой склон преодолеть верхом,- сказал наш лису,- она устала от долгого путешествия. Ты не должен просить её подниматься пешком к твоему дому.
После этого пожилой человек дал мне своего коня, который был намного меньше нашего Яспера. На полпути он споткнулся на узкой тропе, поскользнулся и упал вместе со мной. Я чудом не ударилась головой об острый край скалы, но при падении я вы-вихнула себе ногу. И так меня отнесли в маленькую хижину Ро-мео. Там меня познакомили с его сестрой, милой девушкой при-мерно двадцати лет, полной сострадания ко мне. Она дала мне
лучшую постель и сразу принялась за приготовление пищи. Дом был образцом чистоты и порядка.
- Мне очень жаль, что мамина нога так сильно болит,- сказала она во время работы,- но это относится к кресту, не правда ли? Страдание должно быть, иначе нет благословения. Но наше страдание никогда нельзя сравнивать с тем, что претерпел наш Господь за нас.
Я повернулась к ней. Взглянула на неё. Она говорила так просто, как другая бы рассказывала нам о том, где она нашла дрова для огня. Её же мысли свидетельствовали о том, что это духовно зрелая христианка. Никогда я не встречала подобной ей девушки-лису, которая в таком возрасте имела бы такое понима-ние глубоких истин нашего Бога. Положив поудобнее ногу, я прервала её:
- Не могла бы ты рассказать мне о том, как ты стала хри-стианкой?
На что она ответила:
- Примерно шесть лет назад мапа Андреас был в нашей местности. Ромео, мой брат, и я одновременно решили оставить служение демону и надеяться на Бога. Наш отец очень разозлился и сказал, что заберёт полагающуюся нам часть земли, если мы и в
дальнейшем будем отвергать служение демонам и продолжать молиться и читать книги. И действительно, он выгнал нас из дома. Наша мать к тому времени уже умерла. Дядя уже был тогда христианином и сказал, что возьмёт нас к себе, если будем помо-гать ему в хозяйстве до того времени, пока мы не обзаведёмся собственным домом.
Нам приходилось тяжело работать (её грубые, шершавые руки были свидетельством

тому), но мы могли свободно молить-ся Богу, и Иисус стал очень дорог для нас. Мы
были очень счаст-ливы в этом маленьком доме, а когда наш отец снова женился, мы совсем перешли сюда. Конечно, мы посещаем его, чтобы помочь в тяжёлых полевых работах. Но после возвращаемся назад. Здесь мы имеем мир.
Она посмотрела на меня чистым, ясным взглядом, и я не могла её не полюбить.
Ромео не было дома. Он слышал о мис-сионерском госпитале в Бирме, где вылечили Томаса и где бес-платно обслуживают лису. Он взял с собой все свои сбережения и сбережения сестры (последняя отдала всё с радостью) для оплаты
дороги и отправился в путь, чтобы узнать, можно вылечить его лимфоузел или нет.
На следующее утро, когда настал момент расставания, я увидела сестру Ромео среди носильщиков,
- Это хорошо, мама,- сказала она радостно,- я привыкла к большим тяжестям, как эта, а жители деревни не могут сегодня идти с вами.
Позже, когда нам пришлось расстаться с ней, в сердце моём остался образ молодой, чистой души, готовой безоговорочно
следовать за Господом, каким бы тяжёлым ни был путь.
- Почему мне никогда не говорили, что в этой местности живут такие девушки? Есть ли ещё такие, о которых я не слышала? Её брат Ромео духовно так же силён, как она? - поинтересовалась я.
- Да,- подтвердили лису,- между ними нет разницы. Они добры и решительны.
В следующую зиму мы отправились в Мухенгпо и на юг. По-моему, это было по дороге вниз, в долину, когда мы встретили Ромео. Он возвращался домой, здоровый, широкоплечий молодой человек.
- Нет, они не потребовали с меня ни цента,- ответил он на наш вопрос.- Они мне даже платили за то, что я носил воду , для госпиталя. Да, Господу слава, я здоров. С миром, мама!
Нам пришлось расстаться. Он пошёл на север, а мы на юг. Мне приятно было думать о радости младшей сестры, которая ожидала его, и о радости прекрасной Джульетты, что её единственный возлюбленный освободился от отвратительного лимфоузла. Они будут иногда видеться в часовне, а иногда, может, и на горных тропах. Но вскоре наше путешествие полностью заняло мои мысли.
Проходили месяцы. Миновал год или больше. Мы снова находились в Дубовой равнине и разговаривали о возможности проведения библейской школы для девушек.
- Есть одна девушка, которую я очень хотела бы видеть среди учениц. Это сестра Ромео,- сказала я лису-учителю, с которым разговаривала.
- О мама, разве ты этого не знаешь? - спросил он удивлён-но.- Она умерла. Когда Ромео возвратился из госпиталя, у неё началась горячка, отчего она и умерла.
- Почему никто мне об этом не сказал? - воскликнула я, ужаснувшись.
Все молчали. Лису были удивлены моим интересом. В церкви лису сотни девушек, и каждый год несколько из них уми-рает. Ведь всё невозможно рассказать. У этих белых людей странные понятия! Сестра Ромео была хорошей девушкой, но в пении и письме не очень способной, что было важно в глазах лису. Почему такой интерес к ней?
Но очевидно было, что мама интересуется этой семьёй, и поэтому лису спросили:
- Может быть, ты, мама, не знаешь, что Джульетта тоже умерла? Её не стало ещё до
смерти сестры Ромео. Многие люди умерли во время той эпидемии тифа.
О, бедный, бедный Ромео! У меня не было слов... "Чтобы не прибавилась мне печаль к печали" (Фил. 2,27) - эти слова запали в моё сердце. Теперь и всех, стоящих возле меня, охватила печаль. Они молчали, думая о трагической судьбе молодых лю-дей и о беспощадном ветре, сокрушившем маленькое гнездо.
- Как чувствует себя Ромео? О, если бы я это раньше зна-ла, то, думаю, попробовала бы посетить его,- сказала я.
- Он живёт на другом берегу реки, это примерно два дня пути от "Дома благодати". Это далёкий путь, в который не от-правляются без особой причины.
- Он чувствует себя хорошо. Он живёт один в своей малень-кой хижине и никогда не
жалуется, ходит постоянно в церковь. Но его шея снова начала нарывать, это, конечно, тяжело для него.
Опять стало совсем тихо.
- Я думаю, что он хочет прийти в библейскую школу,- сказал кто-то.
С того времени я постоянно молилась о нём. Ромео пришёл в апреле 1943 года. Его лимфоузлы сильно опухли, а так как эта болезнь заразна и лису это чувствуют и

боятся, то мы сделали так, чтобы Ромео жил отдельно и сам гото-вил себе пищу. Учить его доставляло нам большую радость. Его обогащённая жизненным опытом душа с жаждой впитывала библейские истины. В том году мы решили разделить занятия на три раза по месяцу. Ромео обещал в августе вернуться, чтобы продолжить занятия. В конце апреля все ученики ушли домой, и
мы услышали, что Ромео начал каждый вечер обучать жителей своей деревни и что они построили маленькую часовню из глины, д
В августе мы снова встретились с ним. Во время тех заня- ,,s тий Бог послал нам такое пробуждение, какое мы редко переживали. Первого августа родился наш сын Даниил, поэтому я не ;| могла первое время участвовать в работе школы, но ученики часто посещали меня после уроков. Когда они однажды прово-дили всю ночь в молитве, я бодрствовала почти всё время и ду-хом была соединена с ними. После окончания занятий я разгова-ривала с Ромео.
За него я особенно беспокоилась. К тому времени китайская :
миссия открыла в Тали свой миссионерский госпиталь, и я написа-ла им о Ромео, спросила, смогут ли они его принять и бесплатно Д лечить за небольшую помощь: он
будет носить воду и т. п. Очень Д скоро пришёл положительный ответ. С большой радостью я рас- сказала Ромео о возможности снова получить выздоровление.
- Я благодарен тебе, мама,- сказал он без тени радости. Помолчав минуту, он медленно продолжал: - Не думаю, что я туда пойду. Но я благодарен тебе.
- Но, Ромео, это означало бы твоё исцеление! Его одухотворённое лицо было поднято к небу, глаза за-думчиво смотрели ввысь. Спокойно он объяснил:
- Я не пренебрегаю ни их, ни твоей добротой, мама. Пожа-луйста, поблагодари их. Но дело обстоит так: я знаю, что эта бо-лезнь началась от недостатка необходимых витаминов, которые вы, белые, получаете с пищей. Пока я находился в госпитале, мне было лучше, но когда пришёл домой и стал питаться, как все местные жители, старая болезнь возвратилась. Поэтому, чтобы оставаться здоровым всю жизнь, мне нужно жить вблизи госпиталя.
Он проникновенно взглянул на меня.
- Мама, для моего тела было хорошо в госпитале в Бирме, но нехорошо было для моей души.
- Я знаю, знаю,- сказала я печально. Мне рассказывали, что местные попечительницы его постоянно искушали.
- Где бы я в Китае получил столько пищи для своей души, сколько мы получали её здесь последнюю неделю? - и он указал рукой на маленький домик библейской школы на холме, над нами.- Нет, мама, поблагодари их, а я хочу остаться здесь,сказал он со слезами на глазах, но с сиянием на лице, которое я никогда не забуду.
"Но если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам" (Фил. 2,17). Я понимала его. Он хотел остаток своей жизни посвятить на служе-ние своему Богу. Я молча, с тихой радостью в сердце и со слеза-ми на глазах слушала его.
Лису слишком боялись его болезни, поэтому он не мог про-водить среди них евангелизацию. В большинстве домов его бы встретили недружелюбно, поэтому он ограничился деревней, в которой жил. Целый день, насколько позволяли ему силы, он работал на своём земельном участке, а вечером обучал всех же-лающих. Его деревня и в особенности лежащая выше неё деревня Вайцендорф пользовались дурной славой и считались, если упот-ребить выражение лису, "гнилыми". Даже о Назарете распро-странялся лучший слух. "Из Вайцендорфа может ли быть что доброе?" - это скорбный крик сердца лису-пастора. Но когда Ромео начал обучение, вокруг него собралась маленькая группа. Девушка из этой группы, которую мы назвали Лиявторая,
два года подряд посещала библейскую школу для девушек, а не-сколько хороших молодых ребят из группы Ромео посещали библейскую школу для мужчин.
Если бы я писала новеллы, то закончила бы на этом своё по-вествование, но я не боюсь правды, потому что за ней стоит Бог.
Когда Божий план неожиданно меняется, поверхностные люди очень часто делают поспешные выводы. Можно было пред-ставить себе, что Бог жертву Ромео увенчал успехом, но Он не всегда так поступает со Своими любимыми детьми. Образ одного человека, о котором говорит Его слово, особенно коснулся меня. Это образ апостола Павла, который на закате своих дней в ста-рости, в одиночестве пишет в темнице своё последнее письмо находящемуся вдалеке Тимофею. Он, благороднейший из людей, стоял перед судилищем самого гнусного из правителей - Неро-на.

Необъяснимый парадокс. Но это было ещё не всё: святой писал в своей старости в 1
Тим. 1,15: "Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришёл в мир спасти греш-ников, из которых я первый". Его жизненный труд, кажется, потерян! И дальше ему пришлось сказать в Евр. 4,16: "Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить
милость и обрести благодать для благовременной помощи". Одиночество и кажущаяся тщетность труда, к тому же на руках и ногах оковы Нерона, - так окончилась жизнь Павла для поверх-ностного наблюдателя. Но мы знаем, что все трудности и лишения Павла ради Христа означали чудесное вознаграждение. Сего-дня никто не сомневается в том, что полная отдача Павла своему Господу была вознаграждена. Он сам не сомневался в этом и в / трудных обстоятельствах писал в
2 Тим. 4,17: "Господь же пред-стал мне и укрепил меня..." и в 2 Тим. 4,8: "А теперь готовится мне венец правды...". Люди, живущие в постоянном общении с Богом, знают Его верность.
В то время, когда мы упаковывали вещи, чтобы поехать в отпуск домой, пришло письмо от Ромео. Он коротко сообщил, что Лия-вторая и А-фи (один из молодых людей) согрешили. Это было большое разочарование для нас, но ещё больше я жалела Ромео. Он так надеялся стать плодоносным служителем своего Господа. Я написала ему письмецо, чтобы утешить. Через кого-то он передал, что благодарен нам за любовь, что физически чувст-вует себя ещё слабее, но думает продолжать обучение. Мы поки-нули ущелье, а несколько месяцев спустя навсегда окончились страдания Ромео.
"Ожидай света, и он придёт! Если небесный Отец положит нас в постель в темноте, при пробуждении наступит утро" (Сперджен).
"Всего лишь галька",- так ли скажет о нём Господь?

"Недостающий"

На расстоянии двух дней пути от дома Ромео можно увидеть, как равнины переходят в настоящие пропасти. Живущие там лису - совсем падшие люди. Сила сатаны кажется непобедимой. Мы называем ту местность языческим участком. Это действительно так, он находится между двумя районами, жители которых в большин-стве христиане. В течение многих лет усилия евангелистов и мо-литвенников были направлены туда, но
без видимого успеха. В последние годы стены неверия слегка пошатнулись.
Однажды в 1943 году мне передали письмо молодого еван-гелиста, ответственного за
ту местность. Он писал: "Мама, один из местных обращённых придёт на библейские курсы в апреле. Его зовут Хи-лее. Молитесь о нём".
В тот раз впервые здесь был и Ромео. Но из всех прибыв-ших парней меня больше всего интересовал первый ученик из языческого участка. В день открытия курсов учитель с гордостью привёл его к нам для приветствия. Я думаю, сообщение того месяца расскажет об этом подробнее.
"Хи-лее пришёл издалека, из глубоких долин. Как вы пред-ставляете его себе? Если бы он оказался в вашей гостиной, вы бы, наверное, подумали: "только тебя тут недоставало!" Его внешний вид не внушал симпатий к нему: жёсткие чёрные волосы, под-стриженные как попало, маленькие чёрные глазки, толстый бес-форменный нос, выпирающий подбородок. На нём было белое одеяние, наподобие картофельного мешка. Он постоянно чесался, но не от блох, на этот раз его мучила чесотка.
- Умеет ли он читать? - спросила я его учителя после приветственного рукопожатия.
- Да, читать и писать,- гордо ответил учитель.
Это вселяло некоторую надежду.
Я хотела начать с изучения посланий Петра, но так как нас, учителей, было всего трое, мы не могли разделить учеников на отдельные классы. Когда я в первый раз стояла перед учениками, я видела перед собой умное лицо Луки, а рядом с ним сидел <недостающий>, чёрные глаза которого светились надеждой. В первый момент я была действительно расстроена, я думала: "Ведь не могу же я задерживать весь класс из-за одного или двух учени-ков; мне необходимо продвигаться, а дорогому новичку придётся, насколько он может, тянуться за нами".
Хи-лее был внимателен, но экзамены провалил. Но само его присутствие на курсах

много значило. Он был первым учеником из языческого участка. После того, как его аккуратно подстригли, почистили одежду, провели курс лечения серой, он удивительно преобразился. Это был уже большой успех после месячного обу-чения. Он сам был исполнен радости и говорил нам, что получил благословение. Так мы расстались, довольные друг другом.
- Ты ведь придёшь в августе опять, чтобы дальше учиться, Хи-лее? - вдогонку спросили мы.
- Я хочу прийти опять, мама. Молитесь обо мне. Поддер-живайте меня в молитве.
И он исчез со своими друзьями за горным хребтом,
Прошло два месяца, пока мы получили письмо из того рай-она. Писал его лисуучитель:
"Хи-лее вернулся к Богу" (Выражение, употребляемое лису вместо слова "умер".) Я не верила своим глазам. После тщательного расследования я узнала следующее.
Вернувшись домой, Хи-лее собрал молодых людей своей деревни и начал их обучать тому, чему сам только что научился. Язычники кипели от ярости.
- Мало того, что ты сам идёшь к белому человеку прини-мать это учение, которое поднимает наших демонов против нас, но ты даже сюда принёс его, чтобы распространять и здесь,- ругались они.- Перестань, не то мы убьём тебя.
Но Хи-лее продолжал обучать. Однажды подожгли его дом. Так он потерял всё. Его отец, охваченный страхом, не хотел при-нять его. Он был изгнан в дикие джунгли, где из веток сплёл себе маленькое укрытие. Оттуда написал он нам письмо и рассказал о своём положении. Письмо дошло до нас слишком поздно. Оно было так чисто и аккуратно написано, что я едва могла поверить, что он сам его написал, но его учитель подтвердил это, потому что в то время он находился далеко от Хилее.
В своём письме Хи-лее нисколько не сожалел о том, что его свидетельство многого стоило ему,- он просто сообщил о том, что произошло на самом деле. Просил о нём молиться. Но прежде чем эта просьба достигла нас, он умер от смертельных укусов малярийных комаров, которые поджидают свою добычу в высокой траве среди диких гор.
Хи-лее был первым плодом нашего языческого участка. Но есть ещё много больших районов лису и других многочисленных древних племён, которые сегодня ничего не знают о Евангелии и благодати нашего Господа. Я знаю об одном районе лису, при-мерно на расстоянии двухнедельного пути от наших лису, где живёт много тысяч людей. Некоторые из них услышали о том, что это чудесное учение проповедуется в Китае, и маленькая группа этих людей отправилась в трёх или четырёхдневное путе-шествие к миссионерке просить её прийти к ним, чтобы и им рассказать о Христе. Это было десять лет назад. С тех пор эта миссионерка, которой уже больше шестидесяти лет, ищет кого-либо, кто бы пошёл к этим лису. Но до настоящего момента ещё не нашлось миссионера, который смог бы там остаться на неоп-ределенное время.
Конечно, были такие, которые приходили в тот район на не-которое время, и они все сообщали, что там живут тысячи лису.
Десять лет ожидания. Неужели ты думаешь, что Бог не слышал, когда просили прислать вестников Евангелия? Этого не может быть! Он отдал Своего возлюбленного Сына, чтобы все услышали о Нём и имели жизнь вечную. Я думаю, что были лю-ди, которые не послушались Божьего зова. Ведь это нелегко - оставить любимых людей и
удобства цивилизации. Несомненно, в каждом поколении Бог призывал достаточно много мужчин и женщин евангелизировать неспасенные народы. Почему я так думаю? Где бы я ни была, я встречаю мужчин и женщин, которые говорят: "Когда я был молод, то хотел стать миссионером, но потом женился". Или: "Мои родители удержали меня от этого" и другое. Нет, виновен не Бог, который якобы не призывает, но люди, которые не слушаются.
Наш "недостающий" ушёл на небо и взял маленький плод с собой. Я убеждена в том, что его единственный талант был одоб-рен Учителем. Но я не удивляюсь тому, что Бог некогда скажет другому "недостающему", который не окажется в ряду "свидетелей до края земли". Иез. 34,8: "Живу Я! говорит Господь Бог; за то, что овцы Мои оставлены были на расхищение, и без пастыря сделались овцы Мои пищею всякого зверя полевого, и пастыри Мои не искали овец Моих и пасли пастыри самих себя, а овец Моих не пасли..."
Замок сатаны ещё возвышается. Страшная пропасть ещё поглощает человеческие гнёзда. Всё ещё бушуют ужасные ветры. Разве ты не хочешь быть тем, кто укажет

запуганным птенчикам в гнезде на безопасную расселину в скале? Никогда они сами не найдут её, если ты или я не пойдём и не скажем им об этом.

Послесловие

Книга "Гнёзда над пропастью" написана в 1947 году. Она не сообщает о том, как ужасный ветер войны ополчился на "замок". Японцы держали его некоторое время в осаде. Но по милости Божьей мы могли продолжать нашу работу в Дубовой равнине, и
не сорвался ни один запланированный библейский курс, хотя очень часто пушечные выстрелы заглушали наши слова. С 1942 по 1944 годы сколько ветров обрушилось на маленькие гнёзда лису, но ни один человек из упомянутых в этой книге не пострадал от войны. Они все нуждаются в вашей любви и в ваших молитвах. Слава Богу, что в нашем районе миссионеры в самые трудные минуты собирали людей для молитвы и убеждали их полностью довериться Богу. Ни один истинный христианин не потерял ни жизни, ни имущества во время войны. Тогда как многие из язычников потеряли и то, и другое да ещё и свои души.
Дубовая равнина является одним из четырёх больших рай-онов церкви лису, которые обслуживает китайская миссия. Район Мухенгпо, единственный, где сейчас нет миссионеров, был не только осаждён японцами, но и сожжён с другими деревнями.
Библейская школа ещё в начальной стадии своего развития. Ещё никогда не было достаточно миссионеров, чтобы открыть школу с несколькими разными классами, и Аллин Кук видит необ-ходимость постоянных занятий библейской школы для всех рай-онов в течение года. Я уже давно имею на сердце заботу о библей-ском курсе для лису, которые не могут оставить свои полевые работы, но желают учиться Слову Божьему.
Нет особой работы и среди детей лису. Очень большая ну-жда в переводе. Ещё не напечатана для лису ни одна книга Ветхо-го Завета.
Большое число ещё не достигнутых вестью спасения наро-дов лежит тяжёлым бременем на сердце Джона. Ему очень хочет-ся обратиться с призывом, чтобы в течение следующих десятиле-тий евангелизировать   языческие народы. Но такая работа требует большого количества миссионеров, и мы их не получим, если не возрастёт число молящихся друзей на родине.